

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2021 | 16+

ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 3 № 1

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 3 № 1

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 3, № 1 | 2021

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомиться со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Специальная тема номера: Исследования чувашского языка и культуры Чувашии
- Этнография, антропология и фольклористика
- Вопросы методологии изучения этнических процессов
- Проблемы сохранения этнических культур
- Этнические и этнокультурные процессы в современном обществе
- Вопросы истории и теории искусств
- Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации
- Современные социокультурные процессы
- История, теория и практика этнокультурного образования
- Этнокультурные и социокультурные проблемы образования
- Дискуссионный клуб: прогнозы, идеи и инновации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Фомин Михаил Юрьевич

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

ДИЗАЙН:

Фирсова Надежда Васильевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Миронова Людмила Сергеевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Артеменко Ольга Ивановна, канд. биол. наук, член-корреспондент РАЕН, доцент, руководитель Центра этнокультурной стратегии развития образования ФГБУ «Федеральный институт развития образования», Москва, Российская Федерация

Аряблина Ирина Валентиновна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, старший научный сотрудник БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашии, заслуженный работник культуры ЧР, Чебоксары, Российская Федерация

Гореева Татьяна Юрьевна, д-р культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор РАЕ, проректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», Барнаул, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой, декан факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Кузнецова Людмила Васильевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация

Купчар Валерия, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Сегед, Венгрия

Кучаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания РАН», Москва, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь

Лууптонен Иорма, д-р филос. наук, доцент, научный сотрудник Университета г.Турку, Турку, Финляндия

Масанори Гото, д-р гуманитарных наук, профессор, научный сотрудник Хоккайдского университета, Хоккайдо, Япония

Мухтарова Шакира Мухамедовна, д-р пед. наук, профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Российская Федерация

Сайдашева Земфира Нурмухаметовна, д-р искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Казанская государственная консерватория им. Н. Жиганова», Казань, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», Москва, Российская Федерация

Спирidonова Анастасия Александровна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация

Таймасов Леонид Александрович, д-р ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Терехов Павел Петрович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация

Тихонова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, д-р культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация

Хайруллин Мухиддин Айиддинович, д-р пед. наук, профессор ГБОУ ДПО ПК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», Симферополь, Российская Федерация

Хрисанова Елена Геннадьевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация

Целлазова Зарфа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Российская Федерация

Шкалина Галина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация

Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10244
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 %. Усл. печ. л. 7,67. Заказ К-800. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	25.03.2021
Дата выхода в свет	30.03.2021

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 3 No. 1 | 2021

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Special Theme of the Issue: Research of Chuvash Language and Culture of Chuvashia
- Ethnography, Anthropology and Folkloristics
- Methodological Questions for Studying Ethnic Processes
- Problems of Ethnic Cultures Preservation
- Ethnic and Ethno-Cultural Processes in Modern Society
- History and Theory of Art Questions
- Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication
- Modern Sociocultural Processes
- History, Theory and Practice of Ethno-Cultural Education
- Ethno-Cultural and Socio-Cultural Problems of Education
- Debating Club: Forecasts, Ideas and Innovations

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philosophic sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation
Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Mikhail Yu. Fomin

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

DESIGN:

Nadezhda V. Firsova

COMPUTER LAYOUT:

Lyudmila S. Mironova

EDITORIAL BOARD:

Olga I. Artemenko, candidate of biological sciences, corresponding member of RANS, associate professor, head of Center for ethnocultural strategy of education development FSBI "Federal Institute of education development", Moscow, Russian Federation
Irina V. Aryabkina, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, senior research fellow BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education of the Chuvash Republic, Honored worker of culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation
Tatyana Yu. Gordeeva, doctor of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation
Irina A. Zhernosenko, doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of Russian Academy of Science, vice-rector of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture", Barnaul, Russian Federation
Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, head of the department, dean of the faculty of FSBEI of HE "I.N. Ulyanov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation
Lyudmila V. Kuznetsova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation
Kulcsár Valéria, candidate of historical sciences, associate professor of Archaeology Department of University of Szeged, Szeged, Hungary
Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of PPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation
Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus
Luutonen Jorma, doctor of philosophical sciences, associate professor, research fellow of University of Turku, Turku, Finland
Masanori Goto, doctor of humanities, professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan
Shakira M. Muhtarova, doctor of pedagogical sciences, professor of Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan
Arkadij B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kalmik State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Russian Federation
Zamira N. Sajdashova, doctor of art history, professor of FSBEI of HE "Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov", Kazan, Russian Federation
Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of FSBEI of HE "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)", Moscow, Russian Federation
Anastasiya A. Spiridonova, candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Klaviya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University", Abakan, Russian Federation
Leonid A. Taimasov, doctor of historical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation
Pavel P. Terekhov, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation
Anna Yu. Tihonova, candidate of pedagogical sciences, doctor of cultural studies of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation
Muhiddin A. Hajruddinov, doctor of pedagogical sciences, professor of SBEI of FPE of the Republic of Crimea "Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education", Simferopol, Russian Federation
Elena G. Hrisanova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation
Zariya B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of PPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation
Galina E. Shkalina, doctor of art history, professor, head of the department of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation
Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФЦ77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10244
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal address	75 Grazhdanskaya St., off 12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 1/8. Conditional printed pages 7,67. Order K-800. Circulation 100 copies.
Signed in the print	25 March 2021
Date of publication	30 March 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Специальная тема номера: Исследования чувашского языка и культуры Чувашии

<i>Васильев В.А.</i> К вопросу о взаимодействии чувашской и азербайджанской культур: древность и современность.....	6
<i>Кириллова В.Ю.</i> Чувашское чаштӑр-чаштӑр vs. марийское чыштыр-чоштыр.....	12
<i>Лебедев Э.Е.</i> Аналитические формы глагола как структурная особенность грамматики чувашского языка.....	16
<i>Фомин Э.В.</i> Современное зарубежное чувашеведение: Мелинда Такач.....	22
<i>Фомин Э.В., Ерина Т.Н.</i> Чебоксарский региолект русского языка: новое просторечие.....	26

Этнография, антропология и фольклористика

<i>Ван Хааске Л.А.</i> Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме.....	30
<i>Гущина Е.Г., Егоров Д.В., Мингалиев А.Х.</i> Троицкие гуляния в Аксубаевском районе Республики Татарстан.....	37
<i>Михайлов С.С.</i> Изучение ассирийской диаспоры Центральной России на примере сообществ городов Рязанской области.....	41

Вопросы истории и теории искусств

<i>Кранк Э.О.</i> Датские эксперименты Томаса Винтерберга.....	48
--	----

Этнокультурные проблемы образования

<i>Гурченко А.И.</i> Фольклорные традиции белорусов в контексте профессиональной подготовки специалистов в Белорусском государственном университете культуры и искусств.....	58
<i>Камаева М.П.</i> Этническое самосознание студентов и его развитие в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования».....	62

From the editor-in-chief.....	5
-------------------------------	---

**Special Theme of the Issue:
Research of Chuvash Language and Culture of Chuvashia**

Vladimir A. Vasilyev To the Question of Interaction of Chuvash and Azerbaijan Cultures: Ancientry and Modernity...	6
Valentina Yu. Kirillova Chuvash Chäshtär-Chashtär vs. Mari Chyshtyr-Choshtyr	12
Eduard E. Lebedev Analytical Forms of the Verb as a Structural Feature of the Grammar of the Chuvash Language.....	16
Eduard V. Fomin Modern Foreign Chuvash Studies: Melinda Takács	22
Eduard V. Fomin, Tamara N. Erina Cheboksary Regiolect of Russian Language: the New Vernacular.....	26

Ethnography, Anthropology and Folkloristics

Leionis A. Van Haaske The Image of Witch in the Documents of the Salem Witch-Trial	30
Elena G. Gushchina, Danila V. Egorov, Arslan H. Mingaliev Pentecost Church-Ale in the Aksubaevsky District of The Republic of Tatarstan.....	37
Sergei S. Mikhailov The Research of the Assyrian Diaspora in Central Russia on the Example of the Communities of the Ryazan Region Cities.....	41

History and Theory of Art Questions

Eduard O. Krank Thomas Winterberg's Danish Experiments	48
---	----

Ethno-Cultural Problems of Education

Alesia I. Gurchenko Folklore Traditions of Belarusians in the Context of Professional Training of Specialists at the Belarusian State University of Culture and Arts.....	58
Marina P. Kamaeva Ethnic Self-Consciousness of Students and its Development in the Process of Studying the Discipline «Theory and Methods of Ethnocultural Education»	62

Дорогие авторы и читатели!

На страницах нашего журнала мы стараемся освещать современные исследования этнокультурных и социокультурных проблем общества, поднимать вопросы сохранения этнических культур. Наряду с рассмотрением проблем межязыковой и межкультурной коммуникации исследуются различные вопросы истории и теории искусств, этнографии, антропологии и фольклористики и др. Редакционный совет и редакционная коллегия журнала в каждом номере предлагают читателям широкий спектр научных статей, отражающих передовые идеи и взгляды научного сообщества России и зарубежья.

Предлагаемый выпуск журнала «Этническая культура» содержит специальную тему номера – «Исследования чувашского языка и культуры Чувашии». В дальнейшем мы планируем периодически предлагать авторам и читателям группу статей, объединенных одной проблематикой.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала «Этническая культура», которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах. Мы намерены продолжать творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Приглашаем всех заинтересованных авторов и читателей к сотрудничеству.

Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов на поприще науки!

С искренними пожеланиями

Баскакова Н.И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear authors and readers!

On the pages of our journal we are trying to cover contemporary research on ethnocultural and sociocultural issues of society, raise questions of ethnic cultures preservation. Different questions of history and theory of arts, ethnography, anthropology, folkloristics and other studies as well as the issues of interlingual and intercultural communication are examined in the journal. Editorial and editorial board of the journal offer its readers wide range of scientific articles which represent progressive ideas and views of scientific community of Russia and abroad.

The present issue of the "Ethnic Culture" journal contains special theme of the issue on the topic of "Research of Chuvash Language and Culture of Chuvashia". Ulteriorly we are planning to occasionally offer our authors and readers a group of articles unified by mutual range of problems.

The editorial and editorial board express their sincere gratitude to all external experts of the academic journal "Ethnic culture", who shared their professional opinion about the published materials. We intend to continue creative cooperation with them and will consistently fulfill the main mission of the academic journal – the development of an effective dialogue, exchange of experience in the fields of art, culture, science and education for representatives of various ethnic groups. We welcome each and every interested author and reader to our cooperation.

The editorial board, research team and management of the Chuvash state Institute of culture and arts wish the authors and readers good health, prosperity and further creative success in the field of science!

Sincere wishes

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

К вопросу о взаимодействии чувашской и азербайджанской культур: древность и современность

DOI 10.31483/r-97428
УДК 007-042.2:94(470.344:479.24)

Васильев В.А.

Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-4522-8116>, e-mail: vasilyev_va@mail.ru

Резюме: В развитии современных этнических культур наблюдается парадоксальная ситуация: чем мощнее наступление всеобъемлющей глобализации, нацеленной на уничтожение и национальных культур, тем активнее они развиваются. «Виноват», на наш взгляд, этнокультурный код, восставший против засилья вируса гибели национальных культур и приведший тем самым к расцвету, буму этнических культур. Убедительное свидетельство тому – происходящие в чувашской национальной культуре глубинные фундаментальные процессы возрождения. Так, уникальный Кокелевский международный пленэр по праву стал синтезом живописных национальных школ России, Беларуси и Украины. Основана Национальная телерадиокомпания «Чаваш Ен». Воссоздана призванная развивать национальную культуру киностудия «Чувашино». Происходит возвращение из небытия рунического письма чувашского народа. Принята программа развития чувашского языка. И как бы апофеозом ренессанса этнической культуры чувашей стало учреждение Указом Главы Чувашской Республики О.А. Николаева 26 ноября Дня чувашской вышивки. Глобализационное давление вызывает к жизни и расширение интереса к познанию других культур. Об этом феномене мы рассказываем на примере Чувашии и Азербайджана. В советское время в Азербайджане мало кто знал, что чуваша – это тюркский народ. Татарстан знали, Башкортостан знали, а что чуваша – тюркский народ – нет [6]. *Целью* нашей работы является изучение взаимодействия чувашской и азербайджанской культур в исторической ретроспективе, а также привлечение внимания ученых Чувашии, России и Азербайджана к данной проблеме, представляющей огромное познавательное и научное значение. Автор приходит к *выводу*, что ученые-гуманитарии Чувашии, России и Азербайджана могут и должны объединить свои усилия по созданию комплексного исследования взаимодействия культур чувашского и азербайджанского народов в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: Чувашия, Азербайджан, сувары, болгары, Билясувар, Вата Савар, Чебоксары, языческая религия, зороастризм, история, руническое письмо, вышивка, этническая культура, этнокультурный код.

Для цитирования: Васильев В.А. К вопросу о взаимодействии чувашской и азербайджанской культур: древность и современность // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 6-11. DOI: 10.31483/r-97428.

To the Question of Interaction of Chuvash and Azerbaijan Cultures: Ancientry and Modernity

Vladimir A. Vasilyev

Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-4522-8116>, e-mail: vasilyev_va@mail.ru

Abstract: In the development of modern ethnic cultures, there is a paradoxical situation: the more powerful the onset of comprehensive globalization, aimed at the destruction of national cultures, the more actively they develop. “To blame”, in our opinion, is the ethnocultural code, which rebelled against the dominance of the virus of the death of national cultures and thus led to the flourishing, boom of ethnic cultures. Convincing evidence of this is the deep fundamental processes of revival taking place in the Chuvash national culture. Thus, the unique Kokelev International Plein Air has rightfully become a synthesis of the picturesque national schools of Russia, Belarus and Ukraine. The national TV and radio company “Chavash En” was established. Recreated “Chuvashkino”, designed to develop their national culture. There is a return from oblivion of the runic writing of the Chuvash people. A program for the development of the Chuvash language was adopted. And, as it were, the apotheosis of the renaissance of the Chuvash ethnic culture was the establishment of the Chuvash Embroidery Day on November 26 by the Decree of the Head of the Chuvash Republic. Globalization pressure is also causing an increase in interest in learning about other cultures. we tell about this phenomenon on the example of Chuvashia and Azerbaijan. In soviet times in Azerbaijan, few people knew that the Chuvash were a Turkic people. Tatarstan knew, Bashkortostan knew, and the Chuvash – the Turkic people – didn't [6]. *The aim of our work* is to study the interaction of Chuvash and Azerbaijani cultures in historical retrospect, as well as to draw the attention of scientists of Chuvashia, Russia and Azerbaijan to this problem, which is of great cognitive and scientific importance. The author comes to the *conclusion* that scientists-humanitarians of Chuvashia, Russia and Azerbaijan can and should combine their efforts to create a comprehensive study of the interaction of the cultures of the Chuvash and Azerbaijani nations in historical retrospect.

Keywords: Chuvashia, Azerbaijan, Suvars, Bulgarians, Bilasuvar, Vata Suvar, Cheboksary, pagan religion, Zoroastrianism, history, runic writing, embroidery, ethnic culture, ethno-cultural code.

For citation: Vasilev V.A. (2021). To the Question of Interaction of Chuvash and Azerbaijan Cultures: Ancientry and Modernity. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 6-11. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97428.

Введение

Чуваши являются одним из государствообразующих народов России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в стране проживали более 1 миллиона 400 тысяч чувашей, из них 814750 – в Чувашии, что составляет 67,7% населения Республики. Чуваши – тюркский народ. Значимым событием в

истории чувашского народа стала его христианизация. Это единственный тюркский народ, исповедующий православие.

За последние 20 лет происходит опасная тенденция снижения численности чувашей, как в самой Чувашии, так и в России, на 93 тысячи и 400 тысяч человек соответственно [12, с. 10]. Это не может не вызывать боль-

шую тревогу за будущее судьбы нации, являющейся пятой по численности в России.

Методы

При написании статьи использованы проблемно-хронологический и компаративный методы научного исследования. Проблемно-хронологический метод на основе выявления и реконструирования исторических фактов, событий во временном пространстве предоставил возможность в более полной мере раскрыть логическое развитие изучаемой темы, понимание формирования исторического процесса. Важное место в нашем исследовании принадлежит и компаративному методу, который позволил провести исследование артефактов и общих понятий культуры как в формате одной культуры, так и во взаимодействии разных культур в их общности и различии.

Обсуждение

Существует множество гипотез о происхождении чувашей. Их предками называют сюнну, хунну, огузов, болгар, суваров, древних тюрков, иранцев, шумеров. Этот пространственный, в то же время далеко не полный список племен убедительно свидетельствует, во-первых, о недостаточной изученности, во-вторых, о сложности этногенеза чувашей. В исторической науке утвердились две гипотезы происхождения чувашей: болгарская и суварская. До настоящего времени предпочтение отдавалось первой теории. Однако в дискуссионном вопросе этногенеза чувашского народа более достоверные черты приобретает вторая версия, которая убедительно доказывается в трудах В.Д. Дмитриева [2, с. 226–236; 3, с. 50], В.Ф. Каховского [7, с. 200–217], А.К. Салмина [9, 463 с], Л.А. Таймасова [10, с. 140–141]. В этой связи значительный научный и познавательный интерес представляет этимон слова «сабир – савир – сувар». Известный иранист Б.В. Миллер указывает, что слово это восходит к персидскому «savar», который буквально переводится как «всадник», «наездник», «умелый» [8, с. 294]. Отметим, что в Войске Сасанидов асавиры (asawīra, в новоперсид. – sawar – suwar – asawīra) были выходцами из аристократического сословия и составляли привилегированный корпус и основную ударную силу армии.

По проблеме происхождения этнонима «чуваша» историками, лингвистами ведутся долгие научные дискуссии. На наш взгляд, наиболее достоверным является утверждение В.Д. Дмитриева о преемственности этнонимов *савир – сувар – суваз*. Историк подчеркивает, что этноним «суваз», зафиксированный в арабской транскрипции секретарем багдадского посольства в Волжскую Болгарию Ахмедом ибн Фадланом в 922 году, с учетом арабской графики того времени произносился в форме «сюазь». От этой формы и произошел этноним «чуваш» [4, с. 8].

Ученые полагают, что прапородиной древнейших предков чувашей – огурских (болгарских) и суварских (сабирских) племен – является Центральная Азия, которые жили здесь еще в конце III тыс. до н.э. Они были известны и как хунну/гунны, создавшие в конце III в.

до н.э. первое государственное образование кочевых племен во главе с шаньюем Модэ – «Держава хунну». В 70-х гг. I в. до н.э. держава хунну распалась под объединенными ударами китайцев, усуней и динлинов. Тогда огурские (болгарские) и суварские (сабирские) племена, вовлеченные в поток Великого переселения, мигрировали на запад [13, с. 33].

Историк В.Д. Дмитриев, исходя из открытия Клавдия Птолемея об обитании на Кавказе групп саваров со второй половины II века, указывает, что и предки чувашей очутились там во II–III веках [3, с. 50]. В целом на сегодня идентификация птолемеевских саваров с повожскими суваром не подлежит сомнению [9, с. 36].

Именно с этого времени начинают появляться на Кавказе этнонимы с основой Сувар. Например, Билясувар на территории современного Азербайджана. «Энциклопедический словарь топонимики Азербайджана» разъясняет, что названный этноним означает «пустыня, степь, равнина *суваров* (выделено нами. – Автор)» [1, с. 134–135]. Можно предположить, что позднее данный этноним дал название селу и городу Билясувар. Топонимы с компонентом *сувар* в основном зафиксированы в Южном Азербайджане. Исследователи считают, что это следы живших в этих местах суваров [9, с. 21].

Здесь же, по Муганской равнине, протекает река Болгар, берущая свое начало с Талышских гор и впадающая в озеро Махмудчала в Билясуварском районе. В среднем течении река образует границу Азербайджана с Ираном. Верхнее течение реки получило название Болгарчай. «Энциклопедический словарь топонимики Азербайджана» утверждает, что топоним «*Болгар*» (выделено нами. – Автор) происходит от названия тюркоязычного *болгарского* (выделено нами. – Автор) племени [1, с. 144]. Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что этнонимы «*сувар*» и «*болгар*» сообщают об *одноименных* племенах, живших здесь в древние времена.

Исходя из этого, в своей работе мы предпринимаем первую попытку изучить достоверные топонимические параллели Чувашии и Азербайджана, убедительно удостоверяющие взаимодействие чувашской и азербайджанской культур. Доказательным примером сказанному является и топонимическое исследование азербайджанского города Билясувар и столицы Чувашской Республики Чебоксар.

Поселение на месте современного крупного индустриального, административного, культурно-образовательного центра Чувашии возникло на рубеже XIII–XIV веков. Убедительное свидетельство тому большая карта венецианцев Франциска и Доминика Пицигани 1367 года и третья карта атласа Каталонского 1375 года. На месте Чебоксар на них нарисовано изображение города без указания названия. На основе этих карт Фра Мауро в 1459 году составил для португальского короля Альфонса V обширную карту мира, на которой на месте Чебоксар помещен город Веда-Суар. Можно допустить, что первая часть урбонима – «Веда» – чувашское слово *вѣта* «средний», вторая часть – Сувар. В итоге – *Вѣта Сѣвар*. Подтверждением тому является то,

что и ныне в первой части чувашских названий десяти селений республики присутствует слово *вӑта*. Был и город Сувар, расположенный на территории современного Татарстана. Он, наверное, считался Аслӑ или Мӑн Сӑвар «Большой Сувар». А на месте Чебоксар возник Вӑта Сӑвар «Средний Сувар», где-то мог быть Кӑсӗн Сӑвар «Младший Сувар» или Пӗчӗк Сӑвар «Малый Сувар» [4, с. 15–16].

Следует отметить то немаловажное обстоятельство, что В.Д. Димитриев историю Чебоксар изучал и писал в то время, когда на географической карте топонима под названием Билясувар не существовало, а был город Пушкин. К сожалению, последующие историки Чебоксар ограничивались лишь пересказом В.Д. Димитриева. Поэтому наше исследование истории Чебоксар на основе неизвестного ранее ученым топонима Билясувар в едином и целостном длительном историческом пути Билясувар – Кӑсӗн Сӑвар – Мӑн Сӑвар – Вӑта Сӑвар является попыткой прорыва мрака времён и восстановления утраченных страниц истории, и воссоздания тем самым подлинной истории чувашского народа. Будем рады, если это будет относиться и к истории Азербайджана.

Об этнокультурном взаимодействии тюркоязычных предков чувашей – суварских (сабирских) и огурских (болгарских) племен с древнеиранскими племенами на территории современного Азербайджана может свидетельствовать, на наш взгляд, наличие в современном чувашском языке около 200 древнеиранских слов. Например: *шӑрттан* (рубец, начиненный мясом) у чувашей – *ширдан* (кушанье из овечьего желудка, начиненное мясом и рисом) у персов; *сӑра* (пиво) – *шире* (напиток, молодое вино); *ӑста* (мастер) – *остад* (мастер); *сунтал* (наковальня) – *сендал* (наковальня); *салма* (клецки) – *чалма* (пресные лепешки); *кӑпе* (рубашка) – *геба* (мужская одежда); *кӑсье* (карман) – *кисе* (карман); *сум* (число) – *сом* (число); *суту* (торговля) – *соуда* (торговля); *кахал* (ленивый) – *кахел* (лентяй); *хачӑ* (ножницы) – *гейчи* (ножницы); *хастар* (усердие) – *хастар* (желание) и др. [13, с. 34].

Убедительным доказательством взаимодействия культур чувашского и азербайджанского народов является и религия. Религиозные верования древних чувашей, как и древних тюрков, строились на культе неба – Тенгри (Тенгрихана). Его почитали как спасителя богов, дарователя жизни и всех благ. Культ Тенгрихана был связан с почитанием священных дубовых рощ, где как старейшину обособляли самый большой дуб и располагали около него капище с идолами [12, с. 95].

Вместе с тем на формирование древней религии чувашей оказал зороастризм. Это, на наш взгляд, могло произойти и на территории современного Азербайджана, которая была одним из центров зороастризма. Подтверждением сказанному могут быть и название Муганской равнины, на которой жили сувары, означающее «огнепоклонники», а также современный Государственный историко-архитектурный заповедник «Храм огнепоклонников» (Атешгях). Возникновение Храма Атешгях относится к II и III векам, когда с распространением в регионе стали повсеместно возво-

даться зороастрийские храмы. Это хорошо прослеживается и в параллелях терминологий: Пихампар (пророк, покровитель домашних и диких животных и зверей) у чувашей, пейгамбар у персов; Пирешти (покровитель домочадцев) – фереште.

Однако история распорядилась так, что в VIII веке племена суварских и болгарских племен, обитавшие и на территории современного Азербайджана, оказались на Средней Волге. В результате этнической консолидации суваро-болгарских племен и частичной ассимиляции восточно-финских племен происходит формирование чувашского народа [12, с. 248], ставшего чувашской нацией.

Президент Азербайджанской Республики Г.А. Алиев во время приема 17 июня 2000 года в Президентском дворце делегации Чувашской Республики подчеркнул: «Сейчас восстановление исторических корней наших народов (азербайджанского и чувашского. – *Прим. авт.*) больше всего должно проходить через культуру, литературу, историю» [6].

Ярким подтверждением тому является деятельность уроженца Чувашии, выдающегося тюрколога, лингвиста, этнографа, члена-корреспондента АН СССР Н.И. Ашмарина. В 1923 году он был приглашен на восточный факультет, в открытый в 1919 году Азербайджанский государственный университет, в качестве заведующего кафедрой тюркологии.

Фундаментальные исследования Н.И. Ашмарина, представляющие большое научное значение, обогатили азербайджанское языкознание, заложили основы азербайджанской диалектологии. Огромна роль ученого в развитии тюркологического языкознания. В 1926 году в Баку на I-м Всесоюзном тюркологическом съезде ученый выступил с программным докладом о тюркологии. С именем Н.И. Ашмарина связано составление первого словаря диалектов и говоров Азербайджана.

Лучшей характеристикой деятельности Н.И. Ашмарина станут слова его талантливого ученика, видного ученого-лингвиста, действительного члена Академии Наук Азербайджана, лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки, доктора филологических наук, профессора М.Ш. Ширалиева. Он писал: «Мысль об изучении диалектов и говоров Азербайджана возникла в 1924 году в «Обществе изучения Азербайджана». В середине 20-х годов член-корреспондент АН СССР Н.И. Ашмарин, приглашенный в Азербайджанский государственный университет, а также в «Общество изучения Азербайджана», составил программу и инструкцию по сбору материалов для словаря диалектов и говоров Азербайджана. По этой программе и инструкции до 1930 года было собрано около 60 тысяч слов. На основе собранных материалов был издан «Словарь азербайджано-тюркских говоров»... Неоднократные поездки Н.И. Ашмарина в Шекинский район в целях сбора материалов по шекинскому диалекту имели своим итогом публикацию в 1926 году ценного труда по шекинскому диалекту под названием «Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи». Значение этой работы Ашмарина состоит в том, что она

явилась образцом для всех последующих монографических исследований азербайджанских диалектов» [14, с. 10–11].

Принимая во внимание большие заслуги Н.И. Ашмарина в области тюркологии, Совет Азербайджанского государственного университета в 1925 году присвоил ему степень доктора тюркологии без защиты диссертации. В 1926 году Н.И. Ашмарин, в связи с переходом на работу в АН СССР, уезжает из Баку.

Вечная поэзия великого азербайджанского поэта Низами объединяет и сближает народы. Доказательный пример тому – Низами и народы Азербайджана, Чувашии. В г. Чебоксары именем выдающегося поэта и мыслителя названы улица и сквер. По указанию Президента Азербайджанской Республики Г.А. Алиева, придававшему особое значение пропаганде азербайджанских литературных и культурных классиков, 24 февраля 2004 года в столице Чувашии открыт, изготовленный в Баку, памятник Низами Гянджеви. Автором замечательного памятника является народный скульптор Азербайджанской Республики, ректор Азербайджанской государственной академии художеств О.Г. Эльдаров. На торжественной церемонии присутствовал чрезвычайный и полномочный посол Азербайджанской Республики в Российской Федерации Р.Г. Ризаев. Известная поэтесса, лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР (1970), заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР А.Н. Ахундова прочитала свои стихи, посвященные Низами. Отметим, что памятник гениальному мастеру художественного слова Низами в Чебоксарах стал третьим, после Москвы и Санкт-Петербурга.

28 апреля 2010 г. в Центре «Чувашская книга» Национальной библиотеки Чувашской Республики состоялась презентация книги избранных произведений азербайджанского поэта Низами, переведенной на чувашский язык, «Мана эс шанчак пар – Дай надежду ты мне». Составитель и переводчик бессмертных творений поэта народный писатель Чувашской Республики, председатель правления Союза писателей Чувашской Республики, общественный деятель М.Н. Юхма (Мишши Юхма). Издание уникальной книги стало возможно благодаря финансовой поддержке Фонда Гейдара Алиева, возглавляемого М.А. Алиевой. Это уже третья азербайджанская книга, переведенная на чувашский язык. Ранее был переведен и сборник стихов поэта Идаята.

26 ноября 2012 года в г. Чебоксары торжественно прошли Всероссийские мероприятия, посвященные 870-летию со дня рождения азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви. На празднование приехали гости из Баку, Москвы и других городов России – члены правительства Азербайджана, деятели литературы и искусства, поэты, историки, представители общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс».

О большом значении этого события для двух дружественных народов говорили и на торжественном вечере, который прошел в Чувашском академическом драмтеатре им. К.В. Иванова, и на многочисленных

встречах азербайджанской делегации с общественностью Чувашии. «Круглые столы» состоялись в Институте гуманитарных наук, в Национальном музее Чувашии, на малой родине космонавта-3, дважды Героя Советского Союза А.Г. Николаева селе Шоршелы.

Заместитель генерального секретаря Всероссийского азербайджанского конгресса Н.З. Нагдалиев отметил: «Юбилей Низами в Чувашии – это значимый показатель. Наши соотечественники живут здесь уже более 30 лет, и ни разу ни от одного азербайджанца не слышал, что ему здесь плохо... Наверное, потому, что нашей диаспоре комфортно в Чувашии, республиканское отделение конгресса – одно из лучших в России. Поэтому было решено отпраздновать 870-летие Низами на российском уровне в Чебоксарах» [5, с. 3].

Как прекрасно, что и в XXI веке великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами делает близкими Гянджу и Чебоксары, Азербайджан и Чувашию!

Песенное искусство азербайджанского и чувашского народов – итог многовекового историко-культурного процесса выработки и развития, своеобразных глубоко жизненных традиций. Бесспорно, что музыка, как и вся культура азербайджанского и чувашского народов, несут в себе следы совместного обитания в древней Стране Огней. Как в песнях азербайджанцев, так и чувашей, отражены думы и чувства, мечты и надежды, радость и горе. Песенному творчеству азербайджанцев и чувашей присущ необычайно широкий диапазон выразительных мелодий, восхищающих красотой звучания, разнообразием сюжетов и жанров. Убедительно это подтвердилось на Первом республиканском музыкальном фестивале «В краю ста тысяч песен», который прошел 21–29 мая 1983 года в Чебоксарах с участием ведущих мастеров советского музыкального и театрального искусства, народных артистов СССР Д.М. Гнатюка, Б.А. Руденко, Т.И. Синявской. Искусство Азербайджана представляли солист Государственного театра оперы и балета Азербайджанской ССР имени М.Ф. Ахундова, народный артист СССР М.М. Магомаев и композитор, народный артист Азербайджанской ССР Полад Бюль-Бюль оглы. Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР они были награждены Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР [11, с. 1].

В современных условиях активную роль во взаимодействии национальных культур Чувашии и Азербайджана играют Чувашское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийский Азербайджанский Конгресс» (председатель – А.М. Бадилов) и Чебоксарское городское общественное движение «Чувашско-азербайджанское общество дружбы и сотрудничества» (председатель – А.М. Алиев). Отметим, что А.М. Бадилов с отличием окончил механико-математический факультет Бакинского государственного университета, успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук.

Президент Азербайджанской Республики Г.А. Алиев проявлял большой интерес к истории и культуре чувашского народа, всецело стремился к расширению

отношений между Азербайджаном и Чувашией и на постсоветском пространстве. Убедительное доказательство тому то, что он, несмотря на огромную занятость государственными делами, в июне 2000 года специально пригласил к себе на личную встречу в Баку делегацию деятелей культуры и образования Чувашской Республики. В ее состав вошли Президент Всечувашского общественно-культурного центра, Председатель комиссии по всечувашским национальным премиям имени И.Я. Яковлева, народный писатель, академик Мишши Юхма, видный ученый и организатор высшего образования Чувашии, писатель, экс-мэр г. Чебоксары А.С. Никитин и поэтесса, публицист, заслуженный работник культуры Чувашии Р.И. Шевлеби. Прием прошел в Президентском дворце 17 июня 2000 года.

Выражением искреннего уважения чувашского народа к Г.А. Алиеву стало присуждение ему Всечувашской Национальной премии имени И.Я. Яковлева. В Дипломе о награждении сказано: «Всечувашская Национальная премия имени Ивана Яковлевича Яковлева присуждается за 1999 год Президенту Азербайджанской Республики Гейдару Алиеву за великую подвижническую деятельность во имя возрождения чувашского народа и за выдающиеся заслуги в национальном пробуждении и возрождении тюркских народов, к числу которых относится и чувашский народ, за огромную работу по расширению и укреплению их дружбы, братства, добрососедства и солидар-

ности, за крупнейший личный вклад в расцвет науки, культуры и просветительской деятельности народов тюркского мира, за неугасимый факел, зажженный для глубокого освещения наших тюркских корней» [6].

Вывод

Расстояние между Азербайджаном и Чувашией вроде далекое, но вместе с тем мы очень близки друг к другу и мы должны находить друг друга, сближаться, восстанавливать свою историю и культуру. Восстановление исторических корней народов больше всего должно проходить через культуру, литературу, историю. Так как, культуру, язык, нравы, обычаи, традиции – этого уже никто не изменит. Сколько бы ни развивались наука, техника, какие бы ни были взлеты, если даже на Марс полетят, все же древние традиции народов никогда не могут быть ликвидированы [6].

Исходя из этого, ученые-гуманитарии Чувашии, России и Азербайджана могут и должны объединить свои усилия по созданию комплексного (или междисциплинарного) исследования взаимодействия культур чувашского и азербайджанского народов в исторической ретроспективе.

Документальный телефильм, рассказывающий о дружбе, зародившейся между чувашским и азербайджанскими народами в древности, крепнущей сегодня, может стать началом этой деятельности. Фильм явится убедительным свидетельством прочного союза России и Азербайджана.

Список литературы

1. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. Ğki cildə. I cild. Bakı: Ğərq-Qərb, 2007, 304 səh.
2. Дмитриев В.Д. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства (X – начало XIII веков) / В.Д. Дмитриев // История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней (краткие очерки). Кн. 1: Дореволюционный период. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962. – С. 23–33.
3. Дмитриев В.Д. О происхождении чувашского народа / В.Д. Дмитриев // Материалы по истории Чувашской АССР: Вып. 1. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. – С. 50–61.
4. Дмитриев В.Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII – XVII вв. / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 177 с.
5. Зайцева Е.А. Поэт, что дорог всем народам / Е.А. Зайцева // Советская Чувашия. – 27 ноября, 2012.
6. Из беседы Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева с делегацией Чувашской Республики // Бакинский рабочий. – 2000. – 20 июня.
7. Каховский В.Ф. Сувары и чуваша / В.Ф. Каховский // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. – Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972. – С. 200–217.
8. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь / Б.В. Миллер. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1953. – 668 с.
9. Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий / А.К. Салмин. – СПб., 2017. – 463 с.
10. Таймасов Л.А. Сувары / Л.А. Таймасов // Чувашская энциклопедия. Т. 4: С–Я. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – С. 140–141.
11. Указ Президиума Верховного Совета Чувашской АССР «О награждении участников музыкального фестиваля «В краю ста тысяч песен» Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР // Советская Чувашия. – 1983. – 29 мая.
12. Чуваши: история восхождения от племени к народу / О.Н. Широков, М.И. Федулов, И.В. Дмитриева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – 264 с.
13. Чуваши: история и культура. Том 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 415 с.
14. Ширалиев М.Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка / М.Ш. Ширалиев. – Баку: Элм, 1983. – 197 с.

References

1. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti. Ğki cildə. I cild. Bakı: Ğərq-Qərb, 2007, 304 səh.
2. Dimitriev V.D. Naselenie Chuvashskogo Povolzh'ya v sostave Bulgarskogo gosudarstva (X – nachalo XIII vekov) // Istoriya Chuvashskoj ASSR s drevnejshix vremen do nashix dnei (kratkie ocherki). Kn. I (dorevolucionny`j period). Cheboksary` : NIYaLIE`, 1962, s. 23–33.

3. Dimitriev V.D. O proisxozhdenii chuvashskogo naroda // Materialy` po istorii Chuvashskoj ASSR: Vy`p. 1. Cheboksary`: Chuvashgosizdat, 1958, s. 50–61.
4. Dimitriev V.D. Cheboksary`: Oчерki istorii goroda koncza XIII-XVII vv. Cheboksary`: ChGIGN, 2003. 177 s.
5. Zajceva E.A. Poe`t, chto dorog vsem narodam. Sovetskaya Chuvashiya. 27 noyabrya, 2012.
6. Iz besedy` Prezidenta Azerbajdzhanskoj Respubliki Gejdara Alieva s delegaciej Chuvashskoj Respubliki. Bakinskij rabochij. 20 iyunya, 2000.
7. Kaхovskij V.F. Suvary` i chuvashi // Gorodishhe Xulash i pamyatniki srednevekov`ya Chuvashskogo Povolzh`ya. Cheboksary`: NII pri SM ChASSR, 1972, s. 200–217.
8. Miller B.V. Persidsko-russkij slovar`. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva. 1953. 668 s.
9. Salmin A.K. Istoriya chuvashskogo naroda: analiz osnovny`x versij. SPb. 2017. 463 s.
10. Tajmasov L.A. Suvary` // Chuvashskaya e`nciklopediya. T. 4: S-Ya. Cheboksary`: Chuvash. kn. izd-vo, 2011, s. 140–141.
11. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta Chuvashskoj ASSR O nagrazhdenii uchastnikov muzy`kal`nogo festivalya «V krayu sta ty`syach pesen» Pochetnoj gramotoj Prezidiuma Verxovnogo Soveta Chuvashskoj. Sovetskaya Chuvashiya. 29 maya, 1983.
12. Chuvashi: istoriya vosxozhdeniya ot plemeni k narodu / O.N. Shirokov, M.I. Fedulov, I.V. Dmitrieva. Cheboksary`: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2019. 264 s.
13. Chuvashi: istoriya i kul`tura. Tom 1. Cheboksary`: Chuvash. kn. izd-vo, 2009. 415 s.
14. Shiraliev M.Sh. Dialekty` i govory` azerbajdzhanskogo yazy`ka. Baku: E`lm. 1983. 197 s.

Информация об авторе

Васильев Владимир Александрович –
д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент, заслуженный
работник культуры Чувашской Республики, Чебоксары,
Российская Федерация.

Information about the author

Vladimir A. Vasilyev – doctor of culturology,
candidate of historical sciences, associate professor,
Honored Worker of Culture of the Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2020

Принята к публикации / Accepted 26.01.2021

Опубликована / Published 29.01.2021

Чувашское чăштăр-чаштăр vs. марийское чыштыр-чоштыр

DOI 10.31483/r-97946

УДК 811.51

Кириллова В.Ю.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Минобразования Чувашии,
Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-4343-3610>, e-mail: Walentina_83@mail.ru

Резюме: Работа посвящена изучению звукоподражательных парных слов языков центральной зоны Волжско-Камского языкового союза – чувашского и марийского. Данные языки принадлежат разным семьям (алтайской и уральской), однако на протяжении многих столетий находятся в близких отношениях, в результате чего подверглись значительной контаминации. *Цель работы* – установить в сопоставляемых языках общие и частные параметры звукоподражательных парных слов. *Материалом исследования* послужили чувашские и марийские созвучные парные слова-ониматопеи. *Выводы* работы основываются на методах компаративной лингвистики. Автором на материале академических словарей устанавливается общий пласт звукоподражательных парных слов чувашского и марийского языков. Исследования показали, что в дериватологическом плане парные слова в обоих языках строятся на основе одной и той же модели и представляют собой звукоподражание с неполным дивергентным редупликативным компонентом в заключительной части слова. При этом созвучные пары крайне редко обнаруживают семантические схождения. Представляется, что объяснить обнаруженную особенность фонетически созвучных парных слов можно, лишь обратившись к генетическим различиям языков, имплицитно сохраняющихся по настоящее время и дающих о себе знать лишь при специальном научном анализе.

Ключевые слова: звукоподражательные слова, парные слова, редупликация, чувашский язык, марийский язык, языковые контакты.

Для цитирования: Кириллова В.Ю. Чувашское чăштăр-чаштăр vs. марийское чыштыр-чоштыр // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 12-15. DOI:10.31483/r-97946.

Chuvash Chăštăr-Chashtăr vs. Mari Chyshtyr-Choshtyr

Valentina Yu. Kirillova

FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University",

BI of FVE "Chuvash Republican Institute of Education" of the Ministry of Education of Chuvashia,
Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-4343-3610>, e-mail: Walentina_83@mail.ru

Abstract: This work is devoted to the study of onomatopoeic paired words of the languages of the central zone of the Volga-Kama language union – Chuvash and Mari. These languages belong to different families (Altai and Uralic), however, for many centuries they have been in close relations, as a result of which they were subjected to significant contamination. *The purpose of this work* is to establish general and particular parameters of paired words in the languages being compared. *The material for the study* was the Chuvash and Mari onomatopoeic words, phonetically close to each other. *The conclusions* of the work are based on the methods of comparative linguistics. On the basis of academic dictionaries, the author establishes a common layer of onomatopoeic paired words of the Chuvash and Mari languages. Studies have shown that, in a derivatological sense, paired words in both languages are built on the basis of the same model and represent onomatopoeia with an incomplete divergent reduplicative component in the final part of the word. At the same time, pairs practically do not reveal semantic convergences. It seems that the discovered feature of phonetically consonant paired words can be explained only by drawing on the genetic differences of languages that are implicitly preserved to the present and only make themselves felt with special scientific analysis.

Keywords: onomatopoeic words, paired words, reduplication, Chuvash language, Mari language, language contacts.

For citation: Kirillova V.Y. (2021). Chuvash Chăštăr-Chashtăr vs. Mari Chyshtyr-Choshtyr. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 12-15. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97946.

Введение

Культура чувашского и марийского народов, включая их языки, во многом проявляет схожие свойства. Не случайно вплоть до последнего времени поднимается вопрос о финно-угорской сущности чувашского этноса. Однако изучение глубинных оснований сопоставляемых культур скорее свидетельствует об их генетической разности, а сходства оказываются лишь внешним результатом, сложившимся в процессе продолжительного сосуществования народов.

Настоящая работа посвящена изучению звукоподражательных парных слов чувашского и марийского языков, составляющих центральную зону Волжско-Камского языкового союза. Данные языки принадлежат разным семьям, при этом они отмечены мощными контаминационными связями. Цель работы – установить в

сопоставляемых языках общие и частные черты ониматопических парных слов.

Методы

Материалом исследования послужили чувашские и марийские звукоподражательные парные слова, фонетически близкие друг другу.

Выводы работы основываются на методах компаративной лингвистики. Автором на материале академических словарей [1; 3; 4] устанавливается общий пласт звукоподражательных парных слов чувашского и марийского языков.

Количественные показатели, установленные в ходе изучения парных слов, в исследовании представлены в абсолютном выражении, однако по объективным причинам их нельзя признать исчерпывающими. В то же

время, вне сомнения, цифровые данные достаточно объективно характеризуют существенные черты изучаемой группы слов.

Рассмотренный в данной работе материал представляет существенный интерес для дальнейших разработок чувашско-марийских языковых взаимосвязей. По этой причине в ней приводится объемный материал, представленный по лексикографическому принципу.

Результаты исследования

Звукоподражательные слова (ономатопеи), чаще выступающие в виде парных слов, составляют отличительную черту языков Урало-Поволжья. Они являют собой значительный пласт неповторимых смысловых звукосочетаний, присущих тому или иному языку, или же входят в общий фонд Волжско-Камского союза, случайно совпадая в фонетическом и семантическом планах, а более представляя межъязыковые заимствования.

В полной базе чувашской лексики, составленной Сектором исследования языков Поволжья университета г. Турку, Финляндия, представлено 311 звукоподражательных парных слов, что составляет 22,7 процентов от общего числа парных образований, т. е. из 1367 единиц (исследования по: 4). Аналогичная база по марийской лексике содержит 191 звукоподражательное парное слово, соответствующее доле в 31,1 процента из зарегистрированных 615 парных слов (исследования по: 1). Из них лишь в 22 случаях наблюдаются совпадения в фонетическом и семантическом плане чувашских и марийских парных слов, иначе говоря, общий фонд звукоподражательных слов обоих языков составляет чуть более десяти процентов, см.:

– чув. *йанкяр-янкяр* подражание резкому звону – мар. *йынгыр-йонгыр* подражание звону;

– чув. *йайши-яйши* подражание довольно скорым движениям – мар. *йывыж-йовыж* подражание быстрому движению;

– чув. *йапяр-япяр* ‘быстрый, ловкий, проворный, расторопный, живой; спешный, поспешный’ – марГ. *йывыр-явыр* подражание быстрому, мгновенному действию;

– чув. *йалтяр-ялтяр* о прерывистом ярком сверкании – мар. *йылде-йолдо* подражание яркому блеску, сверканию; подражание мгновенному действию; см. также мар. *йылте-йолто* подражание яркому блеску, сверканию;

– чув. *йал-ял* о сильном сверкании – мар. *йыл-юл* подражание блеску (огня, глаз и т. п.);

– чув. *кяпяр-капяр* о быстром, поспешном действии – мар. *кывыр-говыр* подражание быстрому движению;

– чув. *качяр-качяр* подражание неритмичному хрусту, скрипу – мар. *кычыр-кочыр* подражание скрипу;

– чув. *каштар-каштар* подражание отрывистому шороху, шелесту – мар. *кыштыр-коштыр* подражание звуку шуршания, шороха;

– чув. *какак-какак* подражание крику диких гусей – мар. *кигик-когик* подражание крику гусей;

– чув. *лачяр-лачяр* подражание неравномерному хлопанию, чавканью – мар. *лызыр-лозыр / льызыр-льозыр* подражание хлопанию, шлепанию по грязи;

– чув. *палт-палт* о прерывистом неравномерном движении – мар. *пылт-палт* подражание неравномерному мельканию; см. также *пылт-полт* подражание тупому звуку падающих предметов или капающей жидкости; подражание неровному, скачкообразному движению, неравномерному мельканию чего-либо;

– чув. *пайит-паит* подражание пыхтению кипящей каши – мар. *пышит-пошит* подражание сухому негромкому звуку, например, звуку пыхтения; см. также *пышт-пушт* подражание негромкому пыхтящему звуку.

– чув. *çатър-çатър* подражание сильному треску, хрусту – мар. *чыдыр-чодыр*, марГ. *чыдыр-цодыр* подражание треску, потрескиванию, хрусту, сухим, резким звукам чего-либо;

– чув. *танкяр-танкяр* «ухабистый, с выбоинами, неровный» – мар. *тынгыр-тунгыр* подражание чему-либо неровному, изрытому, бугристому, кочковатому;

– чув. *тапяр-тапяр* о беспорядочном, неритмичном топанье – мар. *тыпыр-топыр* подражание звуку шагов, легкому топоту, притопыванию;

– чув. *чанкяр-чанкяр* подражание резкому звяканью, звону металлических предметов – мар. *чынгыр-чонгыр*, марГ. *цынгыр-цунгыр*, *цынгыри-цонгыри* подражание брэнчанию, звяканью, бряцанию, бряканью, *тынгыр-тьонгыр* подражание звону;

– чув. *шакяр-шакяр* подражание неравномерному стуку; подражание постукиванию, бряканью мелких предметов – марГ. *шыгыр-шогыр* подражание шуму падения мелких предметов, лёгкому стуку предметов друг о друга, см. также марГ. *шыгыр-шугыр* подражание шуму, стуку, грохоту при падении каких-либо предметов, постукиванию, бряканью предметов, шуму при езде;

– чув. *шалт-шалт* подражание стукам, которые следуют один за другим отрывисто, с отчетливой раздельностью – мар. *шылт-шолт* подражание равномерному звуку, шуму ударов, стуку;

– чув. *шатяр-шатяр* подражание неритмичному шуму, всплескам воды; подражание неравномерному падению крупных капель дождя, капли – мар. *шывыр-шовыр / шывыр-шүвыр* подражание резкому шуму воды;

– чув. *шатяр-шатяр* подражание неритмичному треску, хрусту – мар. *шыдыр-шодыр* подражание хрусту, треску, а также скрежету, скрипу;

– чув. *шар-шар* подражание резкому звуку разрываемой ткани – мар. *шыр-шор* подражание резкому шуму, звуку, возникающему при разрывании чего-либо, при падении сыпучих предметов;

– чув. *шарт-шарт* подражание звукам резких ударов – мар. *шырт-шорт* подражание треску, хрусту.

Кроме того, двух случаях наблюдается совпадение полнозначных частей парных слов сопоставляемых языков:

– мар. *кыгыр-кугыр* подражание извилистому движению, ср. с чув. *кукяр* ‘кривой’, заимствованным марийскими диалектами в формах *кагыр / кадыр* ‘кривой; кривизна, изгиб’ [2, с. 196]; можно допустить, что мар. *кыгыр-кугыр* из чувашского *кукяр* с инициальным редуликатом *-кыгыр*, вошедшее в марийский язык относительно недавно;

– мар. *нямыр-нямыр* ‘слабый, вялый, жидкий, киселеобразный’ из мар. *немыр* ‘мучная кашлица’ (→ чув. *нимёр / мимёр* ‘поре’) [2, с. 310] с финальным редуликатом *-нямыр*.

Важным моментом в изучении чувашских и марийских звукоподражательных парных слов следует признать сопоставление их фонетических типов.

В чувашском языке наблюдается 19 фонетических моделей звукоподражательных парных слов, в марийском – 12. Фонетические типы обоих языков совпадают в следующих пяти случаях (см. таблицу 1).

Общие фонетические типы звукоподражательных парных слов в чувашском и марийском языках

Common phonetic types of onomatopoeic paired words in the Chuvash and Mari languages

№	Фонетический тип	В чувашском языке		В марийском языке		Примеры
		всего	доля, в %	всего	доля, в %	
1	CVCVC-CVCVC	69	22,2	40	20,9	шăкăл-шăкăл, кыжик-кожик
2	CVC-CVC	57	18,3	58	30,4	çăт-çăт; йыл-йол
3	CVCCVC-CVCCVC	56	18,0	17	8,9	йăнкăр-янкăр, куптык-коптык
4	CVCCV-CVCCV	13	4,2	19	9,9	пăкăл-пакăл, лынге-лонго
5	CVCV-CVCV	8	2,6	23	12,0	чăри-чари, кыве-ково
Итого		203	65,3	157	82,1	

Совпадающие в обоих языках фонетические модели покрывают словник звукоподражательных парных слов в разных объемах, ср.: марийская часть достигает доли в 82,1 процента, чувашская – в 65,3 процента.

Модели по частотности ранжируются негармонично, ср.: табличная очередность чувашского ряда, установленная в порядке убывания показателей, в случае с марийским материалом принимает иное выражение: 2–1–5–4–3.

Самая востребованная фонетическая модель в чувашском языке – CVCVC-CVCVC (*йăкăл-якăл* подра-

жание скользким движениям неодинаковой силы, *кăчăр-качăр* ‘подражание неритмичному скрипу’), представленная долей в 22,2 процентов. В марийском языке доминирующая модель звукоподражательных парных слов – CVC-CVC (*тик-тик* подражание писку птенцов; марГ. *цыл-цолт* подражание блеску), выраженная долей в 30,4 процента.

Интереснейшим вопросом фонетически идентичных звукоподражательных парных слов чувашского и марийского языков является их разное семантическое наполнение (см. таблицу 2).

Сопоставление фонетически сходных, но семантически различных звукоподражательных парных слов чувашского и марийского языков

Comparison of phonetically similar, but semantically different onomatopoeic paired words of the Chuvash and Mari languages

Чувашские парные слова	Марийские парные слова
йăлт-ялт о быстрых движениях	йылт-йолт подражание яркому блеску, сильному сверканию (молнии, огня и др.)
кăлтăр-калтăр подражание неравномерному стуку вращающегося предмета, жернова	кўлдыр-гўлдыр подражание звуку бряцанья металлических предметов
чăлтăр-чалтăр о разлетающихся искрах, брызгах и т. п.	чылдыр-чолдыр подражание бряканью, бряцанию, звяканью, скрипу, дребезжанию, лязгу
чăлт-чалт о прыжках, скачках; подражание всплескам от плоских камней, пущенных по поверхности воды	цылт-цолт (марГ.) подражание прерывистым вспышкам, всполохам, бликам
чăр-чар о взгляде широко раскрытых глаз; о перечеркивании (текста)	цыр-цор (марГ.) подражание звуку рвущейся бумаги
чăштăр-чаштăр подражание сильному и неравномерному шелесту, шороху; подражание шумному осыпанию, например, земли, зерна	цыр-цор (марГ.) подражание звуку рвущейся бумаги

В приведенных примерах находит отражение удивительное свойство носителей разных языков вкладывать в созвучные слова отличающееся содержание. Скорее всего некоторые из них отдаленно взаимосвязаны между собой, например, чувашское *кăлтăр-калтăр* и марийское *кўлдыр-гўлдыр*, то же можно сказать о *чăр-чар* (о перечеркивании) и *цыр-цор*. Однако как объяснить семантические различия в случаях с парными словами чувашским *чăлтăр-чалтăр* и марийским *чылдыр-чолдыр*, а также *чăштăр-чаштăр* и *чыштыр-чоштыр*? Поразительно совпадающая

внешняя форма сложнооформленного слова не позволяет говорить об их самостоятельном происхождении. Возможно, здесь прослеживается татарское участие: ср. с тат. *чылдыр-чылдыр* / *чыштыр-чыштыр* – подражание звуку журчания речки или звяканью металлических предметов. Татарское парное слово *чаштыр-чоштыр* (подражание шуршанию высокой травы, когда идешь по ней; подражание шуршанию, шороху (листьяев)), можно сказать, семантически идентично чувашскому *чăштăр-чаштăр*, но не марийскому *чыштыр-чоштыр*.

Выводы

Исследования показали, что в дериватологическом плане парные слова в обоих языках строятся на основе одной и той же модели и представляют собой звуко-подражание с неполным дивергентным редупликативным компонентом в заключительной части слова. При этом созвучные пары не обнаруживают семантических схождений так часто, как ожидалось. Представляется, что объяснить обнаруженную особенность фонетиче-

ски созвучных парных слов можно, лишь обратившись к генетическим различиям языков, имплицитно сохраняющихся по настоящее время и дающих о себе знать лишь при специальном научном анализе.

Сокращения

Мар. – марийский язык, марГ. – горное наречие марийского языка, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык, С – консонант, V – вокал.

Список литературы

1. Словарь марийского языка: в 10 т. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995–2005.
2. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М.Р. Федотов. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, Саран. фил., 1990. – 336 с.
3. Luutonen J. Reverse dictionary of Mari (Cheremis) = Обратный словарь марийского языка / J. Luutonen, S. Saarinen, A. Moisio, O. Sergeev, L. Matrosova. – Хельсинки: Soci t  Finno-Ougrienne, 2002. – 446 с.
4. Zheltov P. Reverse dictionary of Chuvash = Обратный словарь чувашского языка / P. Zheltov, E. Fomin, J. Luutonen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. – Хельсинки: Soci t  Finno-Ougrienne, 2009. – 344 с.

References

1. (1995). Slovar' mariiskogo iazyka. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo-.
2. Fedotov, M.R. Chuvashsko-mariiskie iazykovye vzaimosviazi., 336.
3. Luutonen, J., Saarinen, S., Moisio, A., Sergeev, O., & Matrosova, L. (2002). Reverse dictionary of Mari (Cheremis) = Obratnyi slovar' mariiskogo iazyka., 446. Khel'sinki: Societe Finno-Ougrienne.
4. Zheltov, P., Fomin, E., & Luutonen, J. (2009). Reverse dictionary of Chuvash = Obratnyi slovar' chuvashskogo iazyka. Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 344. Khel'sinki: Societe Finno-Ougrienne.

Информация об авторе

Кириллова Валентина Юрьевна – аспирант ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»; доцент БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Минобразования Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Valentina Yu. Kirillova – postgraduate student of the FSBEI of HE “I.N. Ulianov Chuvash State University”, associate professor of BI of FVE “Chuvash Republican Institute of Education” of the Ministry of Education of Chuvashia, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 02.03.2021

Принята к публикации / Accepted 12.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021

Аналитические формы глагола как структурная особенность грамматики чувашского языка

DOI 10.31483/r-97986

УДК 811.161.1

Лебедев Э.Е.

БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, e-mail: edlebed@gmail.com

Резюме: Исследование посвящено рассмотрению аналитических форм глагола в чувашском языке и вопросу их включения в систему грамматических категорий наряду с синтетическими формами. Работа выполнена на *материале* образцов чувашской художественной литературы с использованием функционально-семантического *метода*. В статье представлена краткая история изучения этого вопроса как в целом в тюркологии, так и в чувашском языкознании. Автор подчеркивает, что существующий неопределенный статус подобных сочетаний в грамматиках чувашского и других тюркских языков не способствует адекватному описанию соответствующих форм и категорий. В связи с тем, что один из компонентов аналитических форм полностью или частично теряет свое номинативное значение, приобретая при этом служебное грамматическое значение, они так и не стали предметом подробного изучения в разделе синтаксиса. Но и в морфологии их также не изучают в должной мере из-за того, что формально в таких сочетаниях присутствует более чем одно слово. Автор считает, что при применении функционально-семантического подхода к изучению подобных сочетаний становится ясно, что функционально эти формы не отличаются от синтетических форм и должны быть предметом описания именно на морфологическом уровне. *Выводы* исследования подтверждаются примерами по конкретным аналитическим формам и заключаются в том, что эти формы представляют собой неотъемлемую часть и структурную особенность грамматики чувашского языка. В качестве перспективы дальнейших исследований можно назвать подробное изучение функционально-семантической составляющей аналитических форм глагола и разработку их классификации.

Ключевые слова: аналитические формы, способ действия, грамматические категории глагола, вспомогательные глаголы, деепричастия.

Для цитирования: Лебедев Э.Е. Аналитические формы глагола как структурная особенность грамматики чувашского языка // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 16-21. DOI:10.31483/r-97986.

Analytical Forms of the Verb as a Structural Feature of the Grammar of the Chuvash Language

Eduard E. Lebedev

BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic,
Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, e-mail: edlebed@gmail.com

Abstract: The study is devoted to the consideration of the analytical forms of the verb in the Chuvash language and the issue of their inclusion in the system of grammatical categories along with synthetic forms. The work was carried out on *the material* of samples of Chuvash fiction using the functional-semantic *method*. The article presents a brief history of the study of this issue both in general in Turkic studies and in Chuvash linguistics. The author emphasizes that the existing undefined status of such combinations in the grammars of the Chuvash and other Turkic languages does not contribute to an adequate description of the corresponding forms and categories. Due to the fact that one of the components of analytical forms completely or partially loses its nominative meaning, while acquiring an official grammatical meaning, they have not become the subject of detailed study in the syntax section. But in morphology, they are also not studied to the proper extent due to the fact that more than one word is formally present in such combinations. The author believes that when applying the functional-semantic approach to the study of such combinations, it becomes clear that functionally these forms do not differ from synthetic forms and should be the subject of description at the morphological level. *The conclusions* of the research are supported by examples of specific analytical forms and are as follows: these forms are an integral part and structural feature of the Chuvash language grammar. As a prospect for further research, we can name a detailed study of the functional and semantic component of the analytical forms of the verb and the development of their classification.

Keywords: analytical forms, mode of action, grammatical categories of the verb, auxiliary verbs, gerunds.

For citation: Lebedev E.E. (2021). Analytical Forms of the Verb as a Structural Feature of the Grammar of the Chuvash Language. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 16-21. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97986.

Введение

Изучение аналитических форм глагола в чувашском языке необходимо для того, чтобы создать адекватное описание его грамматической системы с учетом всех способов образования словоизменительных форм. Носителю языка в принципе неважно, каким способом в своей речи передать то или иное грамматическое значение – синтетическим или аналитическим. Поэтому подобные формы должны входить в систему именно морфологического уровня языка на тех же основаниях,

на которых туда входят синтетические формы. Целью нашего исследования стало выявление аналитических форм глаголов чувашского языка с тем, чтобы обозначить их реальное место в системе других грамматических форм и категорий.

Данной проблематике в чувашском языкознании посвящено считанное количество монографических исследований – работа А.М. Ивановой «Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании» [4, с. 52–69] и исследование Э.Е. Лебедева «Акционсартовые зна-

чения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке» [5]. В обоих трудах указанные формы глаголов рассмотрены под определенным углом зрения, и авторы приходят к выводу о необходимости более подробного их исследования в рамках новых парадигм в лингвистике.

Материал и методы исследования

Статья написана в традиционном лингвистическом ключе. В качестве материала исследования послужили образцы художественных произведений чувашских авторов. Основным методом, на основе которого базируются выводы работы, стал функционально-семантический подход, в соответствии с которым изучение форм чувашского языка выполнено на базе их значений. Именно на такой подход в настоящее время признается актуальным в грамматике.

Результаты исследования

Чувашский язык с точки зрения его генеалогии относится к тюркской группе алтайской семьи языков. Языки, представляющие эту группу, имеют целый ряд грамматических особенностей, из которых наиболее важной, на наш взгляд, является агглютинация – особый способ словоизменения, представляющий собой последовательное присоединение к основе слова (которая в подавляющем большинстве случаев всегда остается неизменной) специальных формальных показателей – аффиксов, каждый из которых может передавать только одно категориальное значение – число, принадлежность, падеж, время, наклонение и др. Добавим, что указанная последовательность аффиксов подчиняется строгому порядку, и нельзя, например, в этой цепочке поменять местами аффиксы числа и падежа – это категорически запрещено по законам тюркской морфологии. Начиная с классического труда О. Бетлингга «Die Sprache der Jakuten» («О языке якутов») [8], в тюркологии установилось негласное правило, по которому в круг формальных показателей морфологических категорий включались по преимуществу только синтетические формы (аффиксы), так как считалось, что синтетизм – это главная особенность грамматики агглютинативных (тюркских) языков. Такого рода установка долгое время сохранялась при написании грамматических работ по разным языкам этой группы. Однако исследователи не могли полностью отказаться от необходимости как-то определить те сочетания, которые состоят из полнозначного и вспомогательного слова и присутствуют в определенном количестве практически во всех современных тюркских языках. Называя их то «сложными словами», то «перифрастическими образованиями», ученые пытались изучать их как в разделе словообразования, так и в разделе синтаксиса. Но, надо отметить, что большинство из подобных сочетаний в результате так и не смогло закрепиться в указанных разделах грамматик, так как исследователи интуитивно понимали, что они представляют собой отличное образование, которое нельзя считать ни сложным словом, ни синтаксической конструкцией. Таким образом изучение аналитических форм (именно так правильно называть эти сочетания по аналогии с «синтетическими формами») долгое время находилось на периферии грамматических исследований по тюркским языкам.

В 1965 г. выходит монография А.А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках» [7], в которой впервые в отечественной тюркологии обосновывается

необходимость определять подобные сочетания как «аналитические формы», которые должны на равных правах с синтетическими входить в парадигмы грамматических категорий. Эта работа стала определенным прорывом в вопросе изучения подобных форм. И хотя до сих пор у российских тюркологов преобладает к ним скептическое отношение, идея о том, что грамматические значения в тюркских языках могут выражаться разными способами, все больше и больше пробивает себе дорогу в тюркологических исследованиях.

Все сказанное выше в отношении проблемы наличия в тюркских языках аналитических форм глагола, справедливо и в случае с грамматикой чувашского языка. Но, несмотря на то, что еще Н.И. Ашмарин во второй части своего «Опыта исследования чувашского синтаксиса» [2, с. 171–236] выделяет несколько аналитических форм времени глагола (часть из которых, правда, в современном языке уже неупотребительна), в работах, изданных после него, подобные формы не рассматриваются даже в разделе, посвященном категории времени, не говоря уже про другие глагольные категории – наклонения, аспектуальности и др. [6]. Чувашские ученые в этом вопросе строго следуют принципу: «все, что выходит за рамки одного слова – это синтаксис». Однако по причине того, что аналитические формы обладают некоторыми особенностями, в первую очередь полной или частичной лексической десемантизацией вспомогательного глагола, изучение этих сочетаний в разделе синтаксиса тоже не стало нормой. В результате формы со вспомогательными глаголами оказались, если так можно выразиться, «бездомными». В морфологию их не включают, потому что здесь имеется сочетание слов, а в синтаксис – из-за отсутствия у одного из элементов сочетания полного номинативного значения. Одна часть подобных образований, передающих различные аспектуальные значения, нашла свое «пристанище» в разделе словообразования под названием «сложные глаголы» (хотя и это весьма спорно), другая же до сих пор не обозначена в грамматике языка в качестве отдельных единиц, и в лучшем случае об аналитических формах с модальными или временными значениями упоминается лишь вскользь, в разделах, посвященных соответствующим синтетическим формам основного глагола [1, с. 226].

Под аналитическими формами глагола в тюркских языках понимаются сочетания основного и вспомогательного глаголов, при этом основной глагол стоит либо в форме деепричастия, либо в форме причастия. Существует традиция, в соответствии с которой первые сочетания собственно и носят название «аналитическая форма», а вторые – название «перифрастические формы» [3, с. 146]. По нашему мнению, термин «перифрастические формы» в данном случае излишен, так как оба вида сочетаний представляют собой аналитический способ, и поэтому можно ограничиться одним общим их названием. В чувашском языке в качестве формы основного глагола выступают деепричастия с показателями *-a/-e* и *-ca/-ce*, а также причастия прошедшего, настоящего и будущего времени, оформляемые аффиксами *-нӑ/-нӗ*, *-акан/-екен*, *-ас/-ес* и др. Роль второго компонента аналитической формы играют различные вспомогательные глаголы, количество которых исчисляется несколькими десятками.

Возникает вопрос, какие факторы влияют на то, что глагол в какой-то момент начинает терять свое основное лексическое значение и приобретать новое, грамма-

тическое значение? На наш взгляд, таких факторов два. Во-первых, это необходимая степень абстрактности его лексического значения. Под абстрактностью понимаем то, что глагол изначально должен передавать значение более общего, а не конкретного действия. Например, значение такого глагола как *парнеле* – ‘дарить’ вряд ли имеет способность к дальнейшему абстрагированию и приобретению вспомогательной, то есть грамматической семантики, так как этот глагол обозначает вполне конкретное действие. Очевидно, что к ряду глаголов, способных со временем приобрести вспомогательную семантику, могут относиться глаголы с обозначением наиболее распространенных и обычных действий. В этот ряд входят, например, глагол *пул* ‘быть, становиться’, глаголы движения *кил* ‘приходить’, *кай* ‘уходить, идти’, *тух* ‘выходить’, *кёр* ‘входить’, глаголы состояния *пурай* ‘жить’, *вырт* ‘лежать’, *тёр* ‘стоять’, глаголы приобретения и отчуждения *ил* ‘брать’, *пар* ‘давать’, глаголы изменения положения предмета *калар* ‘вынимать’, *хур* ‘класть’ и др.

Другим фактором, способствующим появлению в языке вспомогательных глаголов, является наличие в их номинативном значении такой семантики, которая была бы близка приобретаемому грамматическому значению. Так, глагол *тух* ‘выходить’ с большой вероятностью в процессе грамматикализации приобретет либо значение завершенности действия, либо значение направленности вовне какого-либо пространства. И действительно, в чувашском языке существуют такие сочетания, как *вуласа тух* ‘прочитать’ (то есть дочитать полностью, до конца) и *чупса тух* ‘выбежать’ – выйти за пределы определенного пространства. Глагол же *суре* ‘ходить’ имеет в своем значении семантику временной продолжительности, поэтому в качестве вспомогательного этот глагол в чувашском языке передает значение длительности или даже постоянства – *килсе суре* ‘приходить постоянно’.

Как можно догадаться из представленных выше примеров, аналитические формы глагола, образованные по схеме «деепричастие + вспомогательный глагол» или «причастие + вспомогательный глагол», в чувашском языке произошли от свободных синтаксических словосочетаний. Процессы превращения полнозначных глаголов во вспомогательные исторически, по всей видимости, занимают достаточно большой период времени. Собственно, эти процессы, на наш взгляд, продолжаются и сегодня, и завершились еще далеко не у всех сочетаний. Именно поэтому в современном состоянии языка мы можем встретить два варианта одного и того же сочетания – один с уже совершившимся процессом грамматикализации: *вёранса кайн* ‘проснулся’ (здесь указывается на окончательность совершения действия), и другой – когда оба компонента равноценны и составляют собой свободное синтаксическое сочетание – *вёранса кайн* ‘проснувшись, ушел’. Отделить один вариант от другого мы можем только с помощью контекста, то есть ближайшего лексического окружения этого сочетания. Факт возможности двоякого толкования подобных конструкций, и их зависимость от контекста, дал повод исследователям полностью отрицать наличие аналитических форм с аспектуальными значениями в чувашском языке. Да, конечно, эти формы еще не отделились полностью от синтаксических словосочетаний, и могут присутствовать в языке одновременно с ними, отличаясь только по контексту. Но данный аргумент не может быть в этом вопросе решающим. Ведь

зависимость от контекста имеют и общепризнанные грамматические формы, имеющие несколько значений. Так, аффикс исходного падежа *-ран/-рен (-тан/-тен)* в чувашском языке передает то или иное свое значение в зависимости от определенного лексического окружения: *Килтен тухр* ‘Он вышел из дома’, но *Вёл санран асларах* ‘Он старше тебя’. В первом случае форма исходного падежа передает значение направленности из помещения, во втором же – значение сравнения.

В настоящей статье мы рассмотрим значения некоторых вспомогательных глаголов в чувашском языке и варианты их сочетаний в составе аналитических форм.

1. Вспомогательный глагол *пул* ‘быть, становиться’. Основное значение этого глагола является наиболее общим и абстрактным, поэтому вполне объяснимо, что он может выступать в качестве вспомогательного. Этот глагол отмечен нами, как минимум, в семи аналитических формах, передающих значения времени, наклонения и аспектуальности.

а) форма *-нй/-нё пул*. Сразу отметим, что в этой форме вспомогательный глагол *пул* может находиться только в форме причастия прошедшего времени с показателем *-нй/-нё*: *кайнй пулнй* ‘ушел’, *сырнй пулнй* ‘написал’, *вёреннй пулнй* ‘учился’. Как указывает В.Г. Егоров: «глагол *пулнй* употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает, или они происходили без него, или он раньше совершенно не знал о них, не имел к ним отношения и рассказывает об этом с чужих слов» [1, с. 200]. Эту форму можно назвать давнопрошедшим временем или *плюсквамперфектом*, так как она передает значение действия, которое произошло давно, либо до какого-либо действия в прошлом. Примеры: *Вёсем пёрлешнй хысçан, виçе сұл общежитисенче пурайнй хысçан, туяйнй пулнй сакантти сурта* (Д. Гордеев) ‘После того как они, поженившись, три года жили по общежитиям, купили здешний дом’; *Каласа катарташь сапла: вёрçара пёр хуларе службара тәнй чух, пёррехинче халăх уявне курма кайнй уккен те, улта керешу пынй пулнй* (Н. Ильбеков) ‘Рассказывает следующее: когда во время войны он проходил службу в одном городе, как-то пошел посмотреть на народные гуляния, и там проходили соревнования по борьбе’;

Аналитическая форма давнопрошедшего времени входит в категорию времени глагола на правах отдельной формы и составляет с другими временами оппозиции по таким признакам как отношение к настоящему моменту, степень давности совершения действия, его очевидность и неочевидность.

б) форма *-ас/-ес пул*. Образована сочетанием аффикса причастия будущего времени с показателем *-ас/-ес* и вспомогательного глагола *пул*. При этом вспомогательный глагол представлен здесь в форме третьего лица настоящего времени – *пулать*. Имеет значение необходимости совершения действия. Эта аналитическая форма по всем признакам может быть выделена в отдельное должноставительное наклонение. Примеры: *Тав куркине кам сённине пёлес пулать!* (Н. Мранькка) ‘Нужно знать, кто предлагает заздравную чашу!’; *Бран пирён вёсене шырама пуслас пулать* (Д. Кибек) ‘Завтра нам надо начинать их искать’;

в) форма *-мйш/-мёш пул*. К корню основного глагола этой аналитической формы присоединяется аффикс причастия с показателем *-мйш/-мёш*. Передает значение притворного действия с отрицанием ‘сделал вид, что не...’. Примеры: «*М-та...*» – *илтмёш пулч* *Илюш*

бригадир сáмахне (А. Емельянов) – ‘«Мда...» – сделал вид, что не расслышал слова бригадира, Илюша»; «Мёнле арáслан пирки калашатáр?» – áнланмáш пулса, ура сине тáччэ араб (И. Вутлан) ‘«О каком льве вы говорите?» – встал на ноги араб, сделал вид, что не понял’.

г) форма *-анси/-енци пул*. Эта форма также передает значение притворного действия, но в отличие от предыдущей, здесь отрицание отсутствует: «сделал вид, что...». Примеры: *Кайран, куланси пулса, Краснов еннелле сáврáнчэ* (И. Григорьев) ‘Затем, сделал вид, что улыбается, повернулся к Краснову’; *Эпé хам сине такам питé тинкерсе пáхнине туютáп, сáпах ун еннелле сáврáнмастáп, юри Нáштукпа шúтленси пулса тáратáп* (А. Артемьев) ‘Я чувствую, что кто-то очень пристально смотрит на меня, но все равно не поворачиваю к нему, специально делаю вид, что заигрываю с Настей’.

д) форма *-акан/-екен пул*. Эта форма образуется при помощи причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен*. Ее значением является начало совершения действия, которое выражено основным глаголом. Отметим, что, если вспомогательный глагол в этой форме стоит в отрицательном статусе, то значение начала действия, как правило отсутствует. Примеры: *Пéлетéн-и, сёрéн-кунéн ун синчен шухáшлакан пултáм* (К. Турхан) ‘Ты знаешь, я стала думать о нем и днем и ночью’; *Сирéккасси ялне юлашки сулсенче питé сайра килекен пулчэ* (В. Алендей) ‘В последние годы он стал редко приезжать в Сириккасы’.

е) форма *-ми пул*. Образована от отрицательного причастия с показателем *-ми*. В отличие от предыдущей аналитической формы, передает значение завершения выполнения действия – «перестать что-то делать». Примеры: *Кáсал амáишэ áна вáйáран сёрлене юлса тáврáннáишáн ятлами пулчэ, сáпах сáмрáк пикен хáй сулéчен кáиш аслáрах пулас килет...* (А. Артемьев) ‘В этом году мать перестала ругать ее за ночные возвращения с игр, но все равно молодой красавице хочется быть немного старше своих лет...’; *Юлашки вакун хысэнци хёрлэ сутаём курáнми пулсан, сасартáк питé тёттэм пулса кáйрэ* (М. Ухсай) ‘Как только перестали виднеться красные огоньки последнего вагона, внезапно полностью стемнело’.

ж) форма *-ма/-ме пул*. Аналитическая форма с модальным значением готовности к совершению действия. Здесь в качестве первого компонента сочетания выступает инфинитив с показателем *-ма/-ме*. Примеры: *Ун хысáн éне сáвакансем чёрре кёрсех каласрэс, хáйсен айáтне йышáнчэс, лайáхрах ёслеме пулчэс* (А. Артемьев) ‘После этого доярки поговорили на повышенных тонах, признали свою вину и пообещали работать лучше’; *Нимéссем сине тáрсах сáмрáксене полицире «ёслеме» йыхáрнá, полицáйсене тем тёрлэ ырлáх – сёр, выльáх-чёрлэх, укса пама пулса чёнúсем сáпса тултарнá* (Л. Агаков) ‘Немцы настойчиво сманивали молодежь для «работы» в полиции, напечатали листовки с призывом, пообещав (в них) полицейам предоставить всевозможные блага – землю, скотину, денег’.

Итак, со вспомогательным глаголом *пул* мы обнаружили одну аналитическую форму с временным значением и четыре формы, передающие различные модальные значения: долженствования, притворности, готовности к совершению действия. Отмечены также формы со значением начала действия, что говорит о наличии в чувашском языке особой категории аспектуальности или способов действия (акционсарт).

2. Вспомогательный глагол *кил* – ‘приходить’.

Глагол *кил* также обладает достаточно общим значением, что позволило ему приобрести некоторые грамматические значения. В аналитических формах этот глагол сочетается с причастием будущего времени с показателем *-ac/-ec* и с деепричастием на *-ca/-ce*.

а) форма *-ac/-ec кил*. Значение этой аналитической формы – желание совершения действия. Вспомогательный компонент способен выступать в разных временных формах и принимать аффиксы отрицательного статуса. В связи с этим, на наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы считать эту аналитическую форму составной частью отдельной категории желательного наклонения в чувашском языке. Примеры: *Гришатáкн пачах та сáвáрас килмест* (С. Алексеев) ‘Гришатке совсем не хочется спать’; *Ах, чáнах, малашне мён пулассине сáв тери пéлес килет* (Г. Терентьев) ‘Ах, действительно, так хочется знать, что будет впереди’.

б) форма *-ca/-ce кил*. В этой аналитической форме вспомогательный глагол *кил* передает векторное значение направленности движения в сторону говорящего. Здесь наблюдается минимальная степень десемантизации глагола *кил*, что может вызвать некоторое сомнение в наличии в языке подобной формы. Но, если рассматривать факты языка с точки зрения функционально-семантического анализа, то глагол *кил* в этом сочетании однозначно имеет дополнительную, вспомогательную функцию указания на направление совершения действия, выраженного основным глаголом. На основании этого мы включаем сочетание *-ca/-ce кил* в ряд аналитических форм. Само же значение направленности по своим характеристикам должно признаваться значением способа действия (акционсарт) и относиться к формам, составляющим словоизменительную категорию аспектуальности. Примеры: *Ак мёнишэ вёсем хёре сáк урама ертсе килчэс иккен* (И. Григорьев) ‘Вот, оказывается, почему они привели девушку на эту улицу’; *Атáл хёрринчен чáваишем кунта ахалтен тарса килмен* (П. Афанасьев) ‘Не зря чувашки бежали сюда с берегов Волги’.

3. Вспомогательный глагол *пáх* – ‘смотреть’.

Данный глагол также может передавать разные дополнительные значения в зависимости от словоизменительного показателя основного глагола сочетания. Рассмотрим здесь две аналитические формы с указанным вспомогательным глаголом, образуемые при помощи деепричастия с показателем *-ca/-ce* и инфинитива на *-ма/-ме*. В обоих случаях мы имеем дело с передачей специфических модальных значений.

а) форма *-ca/-ce пáх*.

Указанная аналитическая форма служит для передачи значения пробы совершения действия, выраженного основным глаголом. Подобное вспомогательное значение, несомненно, достаточно близко номинативному значению глагола *пáх* – ‘смотреть’, именно поэтому оно смогло развиваться в данном сочетании. Примеры: *«Шыраса пáхар-ха варианта», – сётэм эпé* (А. Емельянов) ‘«Давайте попробуем поискать вариант», – предложил я’; *Мулкач яшкине сисе пáх, Зинаида* (М. Ухсай) ‘Попробуй-ка (поешь) суп из зайчатины, Зинаида’.

б) форма *-ма/-ме пáх*.

Еще одна аналитическая форма, образованная при помощи вспомогательного глагола *пáх*. И в этом случае также номинативное значение глагола способствовало развитию модального значения всей формы – попыт-

ки совершения действия. Примеры: «*Каллех, Ирина, санна юнашар лараймастӑн*», – *шӳтлеме пӑхрӗ Семен* (Г. Ефимов) ‘«Опять, Ирина, не получилось сесть рядом с тобой», – *попытался пошутить Семен*’; *Нимӗссен штионӗ тесе айӑплама пӑхрӗҫ* (Н. Мранькка) ‘*Попытались обвинить* (меня), называя немецким шпионом’.

4. Вспомогательный глагол *пар* ‘давать’.

Аналитические формы с этим вспомогательным глаголом образуются от деепричастий с показателями *-а/-е* и *-са/-се*.

а) форма *-а/-е пар*.

Данная аналитическая форма имеет весьма специфическое значение неожиданности совершения действия, включаемое нами в ряд модальных значений. Связь с номинативным значением «давать» здесь уже не такое явное, но все же в определенной степени еще ощущается. Примеры: *Вӑл куҫне усрӗ те – ун умӗнче амӑшӗ лара парать* (Г. Краснов) ‘Он открыл глаза, а перед ним (нежданно-негаданно) *сидит* его мама’; *Виҫӗм кун почта еҫӗкне пӑхрӑм та – сыру вырта парать* (Ф. Уяр) ‘Третьего дня заглянул в почтовый ящик, а там – письмо (*лежит*)’.

б) форма *-са/-се пар*.

В этом случае передается значение адресива – совершение действия в интересах другого лица. Глагол *пар* в этой аналитической форме имеет минимальную степень десемантизации, но функционально представляет собой вспомогательный элемент сочетания. Именно поэтому мы включаем эту форму в ряд подобных ей аналитических форм со значениями способов действия. Примеры: *Лӑплан-ха. Иёркелӗ каласа пар* (В. Алендей) ‘Успокойся, пожалуйста. *Расскажи* по порядку’; *Форма тумӗ валеҫсе парсан Миххалпа ун юлташӗсен кӑмӑлӗ пӗлӗте ҫитиех ҫӗкленӗчӗ* (Д. Гордеев) ‘*Когда раздали* форменную одежду, настроение Михаила с друзьями поднялось (до неба)’.

Выводы

Аналитические формы глагола в чувашском языке, образуемые путем сочетания показателей деепричастий, причастий и инфинитива со вспомогательными глаголами, представляют собой один из способов образования словоизменительных форм с различными аспектуальными, модальными и временными значениями.

В качестве вспомогательных могут выступать глаголы, относящиеся к различным семантическим группам, среди которых наибольшую представленность имеют глаголы движения, состояния, приобретения и отчуждения, изменения положения предмета и др. Для того, чтобы глагол получил способность к десемантизации и приобретению дополнительных грамматических значений, в его основном номинативном значении должна присутствовать семантика, близкая к той, что представлена в грамматическом значении аналитической формы. Другим важным условием для превращения полнозначного глагола во вспомогательный, является необходимый уровень абстрактности номинативного значения.

Факты чувашского языка показывают, что образование аналитических форм в языке представляет собой длительный процесс, и многие из них внешне еще не отличаются от свободных синтаксических словосочетаний. Отделить подобную форму от соответствующего синтаксического словосочетания часто бывает возможным только при помощи контекста. Но, несмотря на это, аналитические формы являются в современном чувашском языке достаточно продуктивными образованиями, что позволяет отнести их к одной из важных структурных особенностей грамматики этого языка. Эта область исследования представляет собой перспективное направление, так как до сих пор подробно не изучена функционально-семантическая составляющая всех аналитических форм глагола и не разработана их классификация.

Список литературы

1. Андреев Н.А. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология / Н.А. Андреев, В.Г. Егоров, И.П. Павлов. – Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. – 361 с.
2. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2 / Н.И. Ашмарин. – Симбирск: Изд-во Союза потребительских обществ Чувашской автономной области, 1923. – 276 с.
3. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / В.Г. Гузев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – 320 с.
4. Иванова А.М. Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании. Типолого-контрастивный аспект / А.М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. – 308 с.
5. Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Э.Е. Лебедев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 2016. – 164 с.
6. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 2 / И.П. Павлов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук, 2017. – 448 с.
7. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1965. – 275 с.
8. Bötlingk O. Über die Sprache der Jakuten / O. Bötlingk. – СПб., 1851. – 184 с.

References

1. Andreev, N.A., Egorov, V.G., & Pavlov, I.P. (1957). Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo iazyka. Ch. 1. Morfoloģiia., 361. Cheboksary: Chuv. gos. izd-vo.
2. Ashmarin, N.I. Opyt issledovaniia chuvashskogo sintaksisa. Ch. 2., 276.
3. Guzev, V.G. (2015). Teoreticheskaia grammatika turetskogo iazyka., 320. SPb.: Izd-vo SPbGU.
4. Ivanova, A.M. (2011). Problemy morfosintaksisa v chuvashskom iazykoznanii. Tipologo-kontrastivnyi aspekt., 308. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta.
5. Lebedev, E.E. (2016). Aktsionsartovye znachenii slozhnoverbal'nykh analiticheskikh form v chuvashskom iazyke., 164. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos. in-ta gumanitar. nauk.
6. Pavlov, I.P. (2017). Sovremennyi chuvashskii iazyk. T. 2., 448. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos. in-ta gumanitar. nauk.
7. Iuldashev, A.A. (1965). Analiticheskie formy glagola v tiurkskikh iazykakh., 275. M.: Nauka.
8. Botlingk, O. (1851). Uber die Sprache der Jakuten., 184. SPb.

Информация об авторе

Лебедев Эдуард Евгеньевич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики ЧР, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Eduard E. Lebedev – candidate of philological sciences, senior research fellow of BSI “Chuvash State Institute of Humanities” of Ministry of Education & Youth of Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 09.03.2021

Принята к публикации / Accepted 16.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021

Современное зарубежное чувашеведение: Мелинда Такач

DOI 10.31483/r-97771

УДК 811.512.111

Фомин Э.В.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена изучению венгерского раздела чувашеведения. *Цель* работы – представить научной общественности новых ученых венгерского чувашеведения. Автор пользуется традиционными описательными и аналитическими *методами*, принятыми в науковедении. Венгерский раздел – наиболее развитая область зарубежного чувашеведения. Он обусловлен контактами тюркских языков чувашского типа с венгерским, имевшими место в период до обретения венграми родины. В настоящее время венгерское чувашеведение преимущественно представлено лингвистическим и музыковедческим направлениями. Имеются труды исторического и литературоведческого планов. Одним из представителей современного чувашеведения в Венгрии является М. Такач, заявившая о себе прямыми переводами произведений чувашской художественной литературы на венгерский язык, главным образом рассказов Е. Лисиной. Ею также опубликованы научные труды, обусловленные личным опытом и посвященные проблематике переводоведения и лингвистики художественного текста. Таким образом, отличительной чертой чувашеведческих изысканий М. Такач в настоящий момент является отход от проблематики, признающихся традиционными для венгерского чувашеведения, – контактологических исследований. Другим направлением М. Такач является изучение проблематики «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» 1769 г. Автор приходит к *выводу*, что научные разработки М. Такач в венгерском чувашеведении развивают традиции изучения художественных текстов чувашских авторов в лингвистическом и переводческом аспектах.

Ключевые слова: венгерское чувашеведение, чувашская литература, межкультурная коммуникация.

Благодарности: автор выражает благодарность члену Венгерской академии наук доктору филологии Кларе Адягаши, Дебреценский университет, Венгрия, и доценту Валерии Кульчар, Сегедский университет, за консультативную помощь в работе над очерком.

Для цитирования: Фомин Э.В. Современное зарубежное чувашеведение: Мелинда Такач // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 22-25. DOI:10.31483/r-97771.

Modern Foreign Chuvash Studies: Melinda Takács

Eduard V. Fomin

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the Hungarian section of the Chuvash studies. *The aim* of the work is to familiarize the scientific community with new Hungarian scientists. The author uses traditional descriptive and analytical *methods* practiced in scholarship. The Hungarian section is the most developed area of foreign Chuvash studies. It is due to the linguistic contacts of the Turkic languages of the Chuvash type with Hungarian, which took place in the period before the conquering of homeland by the Hungarians. Currently, Hungarian Chuvash studies are mainly represented by linguistic and musicological trends. There are works of a historical and literary plan. One of the representatives of modern scholars of the Chuvash language in Hungary is M. Takács, who asserted herself by direct translations of the works of the Chuvash fiction into Hungarian, mainly the stories of E. Lisina. She also published scholarly works based on personal experience and devoted to the problems of translation and linguistics of a literary text. Thus, a distinctive feature of M. Takács's Chuvash studies at the moment is a departure from the problems recognized as traditional for the Hungarian Chuvash studies – language contacts. Another direction of M. Takács's research is the study of nouns published in the book «Works related to the grammar of the Chuvash language» of 1769. Another direction of M. Takács is the study of the problems of «Works belonging to the grammar of the Chuvash language» 1769. The author comes to *the conclusion* that the scientific developments of M. Takac in Hungarian Chuvash studies develop the traditions of studying the literary texts of Chuvash authors in linguistic and translation aspects.

Keywords: Hungarian Chuvash studies, Chuvash literature, intercultural communication.

Acknowledgements: the author is grateful to Klara Adyagashi, the member of the Hungarian Academy of Sciences, doctor of philological sciences from University of Debrecen, Hungary, and to Valeria Kulchar, the associate professor from University of Szeged, for their advisory assistance in the work on the article.

For citation: Fomin E.V. (2021). Modern Foreign Chuvash Studies: Melinda Takács. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 22-25. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97771.

Введение

Венгерское направление представляет наиболее развитый раздел зарубежных чувашеведческих исследований. Оно было заложено еще в середине XIX в. интересом венгерских ученых к собственной этничности, который привел их к необходимости изучения чувашского языка. Дело в том, что в истории двух языков, отделенных в настоящее время значительными расстояниями, был период интенсивных контактов, и в венгерском языке сохранилось несколько сотен тюркских заимствований чувашского типа.

Традиции, заложенные основоположниками венгерского чувашеведения в XIX в., получили мощное развитие в последующем (см.: [1]). Разработки венгерских ученых в области чувашского языка выделяются скрупулезностью научного анализа, полнотой изложения материала и в принципе являются наилучшими образцами чувашеведческих исследований в целом [7, с. 3].

Методы

Работа основана на традиционных науковедческих методах – наблюдении, анализе фактического мате-

риал и их описании. Данное исследование написано в жанре очерка и ставит целью знакомство специалистов в области чувашеведения и тюркологии с новыми именами, в данном случае – с Мелиндой Такач, кандидатом наук в области средневековой археологии Венгрии и начинающим специалистом по чувашскому языку. По сути, в работе используются методы изучения персоналий, но исследование не привязано к юбилейной дате и имеет более свободный стиль изложения.

Публикация продолжает серию работ научной группы, посвященных зарубежному чувашеведению [2; 5; 6].

Результаты исследования

Мелинда Такач (Melinda Takács) – археолог, кандидат наук (PhD), бакалавр алтаистики, специалист в области чувашского языка. Родилась 23 сентября 1986 г. в г. Домбовар, область Тольна, Венгрия. В 2005–2011 гг. училась археологии в Университете имени Ётвёша Лоранда (Eötvös Loránd Tudományegyetem) в Будапеште, специализация – эпоха переселения народов и Средние века. Занималась исследованием поселений Верхней Тисы позднего аварского периода и ранней эпохи Арпадов. В 2010–2011 гг. по стипендиальной программе «Эразмус» училась в Университете имени епископа Константина Преслава в г. Шумен, Болгария. В 2012–2015 гг. являлась докторантом Сегедского университета, Венгрия.

В 2010 г. прошла стажировку в Римско-германском центральном музее г. Майнц, ФРГ, в 2013 г. – в Институте истории материальной культуры Российской академии наук в Санкт-Петербурге, в 2015 и 2016 гг. изучала чувашский язык в Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

17 ноября 2018 г. в Университете Сегеда блестяще защитила докторскую диссертацию «Данные по истории поселений Верхнего Потисья в раннем Средневековье» [8].

В 2020 г. завершила учебу по программе бакалавриата направления подготовки «Алтаистика» в университете Сегеда. В качестве выпускной квалификационной работы ею было предложено исследование о книге «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» 1769 г. Научный консультант – доктор К. Адягаши, профессор университета г. Дебрецен. Данная работа М. Такач была опубликована в сборнике научных трудов «Nyelvtudományi közlemények» («Лингвистические публикации») [10]. Итогом ее исследования, основанного на подробнейшем внутреннем анализе материала, стало заключение о том, что автором первой чувашской грамматики не является выходец из чувашей – его следует искать среди русской духовной интеллигенции. (Иной точки зрения придерживаются российские чувашеведы, признающие в качестве создателя грамматики Е.И. Рожанского.)

Так сложилось, что на кафедре алтаистики университета Сегеда чувашский язык студентами в данный период не изучается. Он преподавался здесь во времена, когда заведующим кафедрой был легендарный в мире алтаистики А. Рона-Таш.

Судя по всему, преподавание чувашского языка в Сегедском университете было на столь высоком уровне, что обучившиеся здесь специалисты до сих пор владеют чувашским языком по крайней мере в пассивной форме. Отсутствие преподавания чувашского языка на кафедре алтаистики венгерскими специалистами воспринимается как существенное упущение в программе подготовки алтаистов.

По причине отсутствия такого модуля, как чувашский язык, в родном университете М. Такач была вынуждена в течение нескольких семестров еженедельно ездить на занятия по истории чувашского языка из Сегеда в Университет Дебрецена, Венгрия, к доктору К. Адягаши, специалисту в области славистики и тюркологии.

М. Такач в своих намерениях выучить чувашский язык проявила удивительную настойчивость. Она получила образовательный грант и в 2015–2016 гг. прошла обучение практическому чувашскому языку в Чувашском государственном институте гуманитарных наук в три этапа.

Пребывание М. Такач в Чувашии было событием неординарным и получило освещение в республиканских средствах массовой информации¹.

Обучение исходно было организовано на чувашском языке. При этом у преподавателей было полное ощущение, что М. Такач уже знает основы чувашского языка. Позже она признавалась, что имела о чувашском языке лишь общие представления. Между тем преподаватели, уверенные в высоких познаниях студентки, максимально загружали ее заданиями, среди которых значились ежедневные переводы произведений чувашских писателей, написание сложных эссе, выполнение упражнений по грамматике.

Переводы текстов ставили целью не только обучение чувашскому языку, но и осуществление качественного перевода чувашской литературы для последующего ее опубликования в венгерских журналах. В качестве таких текстов были избраны рассказы Е. Лисиной «Ѕăкăр чĕлли» (Кусок хлеба) и «Хĕле кĕрес умĕн» (Предзимье). Выбор рассказов диктовался пронзительностью повествования и изумительной поэтикой, делающих тексты достойными включения в сокровищницу мировой литературы.

Рассказ «Ѕăкăр чĕлли» на венгерский язык переводился почти год. Работа была выполнена на превосходном уровне и в 2016 г. удостоилась стипендии имени Михая Бабиача. Рассказ опубликован в венгерском журнале «Forrás» («Родник»)², выходящем в городе Кечкемет.

Произведение обрамляется предисловием и послесловием переводчика, в которых даются необходимые пояснения венгерскому читателю о чувашах, чувашско-венгерских связях, писательнице и самом рассказе. «Представление произведений [Е. Лисиной] венгерскому читателю отлично вписывается в чувашскую литературу, переведенную на венгерский язык», – заключает переводчица [9, с. 138].

В послесловии к рассказу М. Такач делаются важные признания: «Работа вдохновлена автобиографическим рассказом, главными героями которого являются сам автор и его сестра Луиза... Я оказалась в особом положении, имея возможность встретиться одновременно и с автором, и с главными героями рассказа.

Удивительно: несмотря на то, что за время, прошедшее с начала работы, мое знание чувашского языка значительно улучшилось, перевод рассказа не стал для

¹ См.: Алексеева И. Венгр пики чăваш чĕлхи вĕренме килнĕ // Хыпар. – 2015. – 9 февр., а также репортаж Национальной телерадиокомпании Чувашии: <http://www.ntrk21.ru/video/21260>

² Сам рассказ Е. Лисиной и очерк М. Такач о работе над его переводом см.: Eva Liszina: Egy darab kenyér Egy csuvas novella magyarra fordításának tapasztalatai // Forrás. – 2016. – №11. – О. 139–147. – Пер. загл.: Кусок хлеба.

меня легче. Это связано, с одной стороны, с высоким уровнем повествования, а с другой – с разнообразным характером сюжета. Казалось бы, рассказ охватывает лишь один день, но события разворачиваются во многих местах (в городском общежитии, деревенском доме, колхозе, магазине, больнице, столовой, на природе), соответственно разнообразен словарь рассказа. Язык Лисиной особенно в отношении глаголов представляет чрезвычайно широкую палитру...

Перевод на венгерский описания природы, сравнений, сложных фигур речи... часто заставляли меня серьезно задумываться.

...В работах Евы Лисиной описания флоры Чувашии особенно выразительны. В рассказе некоторые виды трав не являются родными для Венгрии или малоизвестны здесь, поэтому в зависимости от контекста я включала в перевод только названия тех растений, которые несут какую-то информацию и для венгерских читателей» [9, с. 149–151].

Совсем иначе подается М. Такач второй рассказ Е. Лисиной «Хёле кёрес умён»³. Здесь уже нет со стороны переводчика ни вдохновенного предисловия, ни послесловия. Все комментирование сведено к минимальным постраничным уточнениям и ссылкам к экзотическим моментам рассказа, что абсолютно логично: о чувашах и Е. Лисиной венгерские читатели уже должны знать по рассказу «Egy darab kenyér».

Переводы рассказов Е. Лисиной на венгерский язык имели естественным продолжением научные работы о творчестве писательницы. Они написаны М. Такач в период ее активного увлечения чувашским языком и творчеством Е. Лисиной.

Основные положения статьи «Из опыта перевода рассказа чувашской писательницы Евы Лисиной «Кусок хлеба» на венгерский язык» [3] перекликаются с рассуждениями переводчика в журнале «Forrás». По сути, это замечательная подача русскому читателю исследовательского материала, написанного на венгерском языке: наблюдения М. Такач должны быть доступны российским филологам, изучающим творчество современных чувашских писателей.

В другой работе («Несколько заметок о творчестве чувашской писательницы Евы Лисиной») [4] М. Такач выделяет важные языковые и экстралингвистические

³ См. венгерский перевод рассказа: Liszina E. Mielőtt beköszönt a tél // Forrás. – 2020. – №2. – С. 36–42. – Пер. загл.: Предзимье.

Список литературы

1. Дмитриева Ю. Hungaro-Tschuwaschica: аннотир. библиогр. указат. исслед. венг. ученых XIX–XX вв. / Ю. Дмитриева, К. Адягаши. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2001. – 238 с.
2. Иванова А.М. Linguistica Tschuwaschica: чувашский язык в контексте зарубежной лингвистики / А.М. Иванова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019. – №4. – С. 68–73.
3. Такач М. Из опыта перевода рассказа чувашской писательницы Евы Лисиной «Кусок хлеба» на венгерский язык / М. Такач // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2016. – №4. – С. 73–78.
4. Такач М. Несколько заметок о творчестве чувашской писательницы Евы Лисиной / М. Такач // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2016. – С. 13–15.
5. Фомин Э.В. Венгрия в аспекте чувашского западоведения / Э.В. Фомин // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сборник статей. – Будапешт, Киров, 2019. – С. 179–186.
6. Фомин Э.В. Функционирование чувашского языка в среде иностранцев / Э.В. Фомин // Язык, культура, образование в современном мире. Ч. 1: Проблемы романо-германской филологии, перевода, литературоведения и межкультурной коммуникации. – Пермь, 2006. – С. 165–168.
7. Хузангай А.П. От редактора // Ю. Дмитриева, К. Адягаши. Hungaro-Tschuwaschica. – Чебоксары, 2001. – С. 3–4.

параметры, присущие творчеству писательницы: произведение Е. Лисиной основаны на реальных событиях; поэтонимы в ее прозе являются отражением имен конкретных людей, что скорее всего обусловлено документальным характером творчества; оригинальные тексты и их авторские переводы различаются в деталях и взаимодополняют друг друга; тексты Е. Лисиной удивительным образом сочетают в себе чувашское начало и заметное русское влияние на грамматическом уровне; излюбленные пунктуационные знаки писательницы – тире и троеточие (по нашим наблюдениям, скобки, особенно в эпистолярном жанре. – Э.Ф.).

Важным представляется заключение М. Такач: «Исследование творчества чувашской писательницы в лингвистическом аспекте только начинается. Важным аргументом в пользу подобных разысканий является перевод ее произведений на многие языки – русский, шведский, венгерский, немецкий, татарский, башкирский, осетинский, коми, японский, вьетнамский. У каждого переводчика – свое видение языковой ткани ее повестей и рассказов, и скорее всего в этом видится ключ к разгадке лингвистической специфики творчества Е. Лисиной, которая признает свои произведения как написанные простым языком, при этом таковыми не являясь» [4, с. 15].

Надо сказать, что творчество Е. Лисиной в чувашеведении представляет область, едва разработанную, при этом объективно оставаясь интереснейшим явлением литературы. В этом плане выбор объекта научных интересов со стороны М. Такач вполне объясним.

Выводы

Чувашеведение – фундаментальная отрасль венгерской гуманитарной науки, обусловленная контактами предков чувашей и венгров. Научные разработки многогранного и талантливого ученого М. Такач в венгерском чувашеведении развивают традиции изучения художественных текстов чувашских авторов в лингвистическом и переводческом аспектах. Это ценный подход, основанный на научном осмыслении личного переводческого опыта.

Изучение М. Такач первой чувашской грамматики вновь ставит вопрос об ее авторе, когда, казалось бы, эта проблема уже считалась решенной. Данная работа должна быть опубликована и в Чувашии с тем, чтобы ввести ее результаты в отечественное чувашеведение.

8. Takács M. Egy kora középkori település a Nyírségben. Adatok a Felső-Tisza-vidék kora középkori településtörténetéhez. – Szeged, 2018. – 755 o.
9. Takács M. Eva Liszina: Egy darab kenyér. Egy csuvas novella magyarra fordításának tapasztalatai // Forrás. – 2016. – №11. – O. 137–152.
10. Takács M. Megjegyzések az első csuvas grammatika keletkezéstörténetéhez // Nyelvtudományi közlemények. – 2020. – K. 116. – O. 191–220. – Венг. – Пер. загл.: Заметки о происхождении первой чувашской грамматики.

References

1. Dmitrieva, Iu., & Adigashi, K. (2001). Hungaro-Tschuwaschica., 238. Cheboksary: Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk.
2. Ivanova, A. M. (2019). Linguistica Tschuwaschica: chuvashskii iazyk v kontekste zarubezhnoi lingvistiki. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ia. Iakovleva, 4, 68-73.
3. Takach, M. (2016). Iz opyta perevoda rasskaza chuvashskoi pisatel'nitsy Evy Lisinoi "Kusok khleba" na vengerskii iazyk. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Iakovleva, 4, 73-78.
4. Takach, M. (2016). Neskol'ko zametok o tvorchestve chuvashskoi pisatel'nitsy Evy Lisinoi. Ashmarinskie chteniia, 13-15. Cheboksary.
5. Fomin, E. V. (2019). Vengriia v aspekte chuvashskogo zapadovedeniia. Politika i kul'tura: problemy vzaimodeistviia v sovremennom mire, Budapesht., 179-186. Kirov.
6. Fomin, E. V. (2006). Funktsionirovanie chuvashskogo iazyka v srede inostrantsev. Iazyk, kul'tura, obrazovanie v sovremennom mire. Ch. 1: Problemy romano-germanskoj filologii, perevoda, literaturovedeniia i mezkul'turnoi kommunikatsii, 165-168. Perm'.
7. Khuzangai, A. P. (2001). Ot redaktora. Iu. Dmitrieva, K. Adigashi. Hungaro-Tschuwaschica, 3-4. Cheboksary.
8. Takacs, M. (2018). Egy kora kozepkori telepules a Nyirsegeben. Adatok a Felso-Tisza-videk kora kozepkori telepulestortenetehez. Szeged.
9. Takacs, M. (2016). Eva Liszina: Egy darab kenyér. Egy csuvas novella magyarra forditasanak tapasztalatai. Forras, 11, 137.
10. Takacs, M. (2020). Megjegyzesek az elso csuvas grammatika keletkezesortenetehez. Nyelvtudomanyi kozlemenyek, K. 116, 191.

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, Россия, Чебоксары.

Information about the author

Eduard V. Fomin – candidate of philology, associate professor of the Department Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Russia, Cheboksary.

Поступила в редакцию / Received 01.02.2021

Принята к публикации / Accepted 19.02.2021

Опубликована / Published 16.03.2021

Чебоксарский региолект русского языка: новое просторечие

DOI 10.31483/r-97793

УДК 811.161.1

Фомин Э.В.^{1а}, Ерина Т.Н.^{2б}¹БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.²ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru

Резюме: Статья посвящена изучению нелитературных единиц, бытующих в чебоксарском региолекте русского языка и признаваемых в качестве важных маркеров речи жителей г. Чебоксары. *Цель* работы – охарактеризовать чебоксарский региолект в качестве сложного явления, сочетающего в себе две ипостаси – литературную и новопросторечную, а также подвергнуть анализу некодифицированную разговорную лексику. *Материал исследования* прежде всего составили лексико-фразеологические единицы, собранные авторами в ходе многолетних наблюдений за речью жителей г. Чебоксары. *Выводы* работы строятся на анализе материала с ортологической точки зрения. В результате исследования авторы пришли к следующему заключению: в столице Чувашской Республики существует устойчивый специфичный пласт языковых единиц, локализованных городом и его агломерацией. Он представлен выразительными некодифицированными лексико-фразеологическими единицами, чувашско-русскими новообразованиями, подражанием русской речи чувашей. При этом такого рода чебоксаризмы общеизвестны в пределах функционирования региолекта, а не принадлежат исключительно какой-либо социальной группе. Данный лексический пласт, несмотря на его незначительные объемы, важен для самоидентификации жителей г. Чебоксары как носителей обособленного лингвистического феномена, и его необходимо признать в качестве главного источника словаря чебоксарского региолекта.

Ключевые слова: чебоксаризмы, некодифицированные сферы использования языка, чебоксарский региолект русского языка.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта №19-412-210001 р_а.

Для цитирования: Фомин Э.В. Чебоксарский региолект русского языка: новое просторечие / Э.В. Фомин, Т.Н. Ерина // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 26-29. DOI:10.31483/r-97793.

Cheboksary Regiolect of Russian Language: the New Vernacular

Eduard V. Fomin^{1а}, Tamara N. Erina^{2б}¹BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.²FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru^б <https://orcid.org/0000-0002-3428-3534>, e-mail: tnerina@rambler.ru

Abstract: This article is devoted to the study of non-literary units that exist in the Cheboksary regiolect of the Russian language and are recognized as important speech markers of the residents of Cheboksary. *The purpose* of the work is to characterize the Cheboksary regiolect of the region as a complex phenomenon that combines two hypostases – literary and new vernacular, as well as to analyze uncodified colloquial vocabulary. *The material of the research* was, first of all, lexico-phraseological units collected by the authors in the course of long-term observations of the speech of the inhabitants of Cheboksary. *The conclusions* of the work are based on the analysis of the material from the orthological point of view. As a result of the research, the authors came to the following conclusion: in the capital of the Chuvash Republic there is a stable specific layer of linguistic units localized by the city and its agglomeration. It is represented by expressive uncodified lexical and phraseological units, Chuvash-Russian new formations, imitation of the Russian speech of the Chuvash. Moreover, such cheboksarisms are well known within the functioning of the regiolect, and do not belong exclusively to any social group. This lexical layer, despite its insignificant volume, is important for the self-identification of the inhabitants of Cheboksary as carriers of a separate linguistic phenomenon, and it must be recognized as the main source of the Cheboksary regional dictionary.

Keywords: cheboksarisms, uncodified spheres of language use, Cheboksary regiolect of the Russian language.

Funding: the study was carried out with the financial support of the RFBR and the Chuvash Republic in the framework of the scientific project No. 19-412-210001 r_a.

For citation: Fomin E.V., & Erina T.N. (2021). Cheboksary Regiolect of Russian Language: the New Vernacular. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 26-29. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97793.

Введение

До сих пор в изучении чебоксарского региолекта русского языка делался упор на его литературной сущности: «очень часто регионализмы квалифицируются с позиций литературной нормы в качестве ненормативных, жаргонных, просторечных... Между тем глубинные наблюдения противоречат такой постановке вопроса, и лингвистам все-таки следует говорить о ре-

гиональном варьировании металекта...» (Пер. наш. – Э.Ф.) [7, с. 316]. Данный подход в лингвистической регионалистике уже сам по себе необычен, поскольку в среде ученых существует убеждение, что региональное варьирование русского языка сводится к некодифицированным сферам его функционирования [1; 3].

Материал нового просторечия, как бы ни игнорировали его участники исследовательской груп-

пы, *volens nolens* требовал его фиксации и научного изучения.

Методы

Выводы исследования основаны на многолетних наблюдениях авторов над речью чебоксарцев. Материалом исследования послужили языковые факты, зафиксированные в естественных условиях. Ведущий аспект работы – ортологический.

Материалы данной работы частично были изложены в предыдущих публикациях [4; 5; 8].

Результаты исследования

О просторечии жителей Чебоксар в полном смысле слова говорить сложно, поскольку оно здесь не столь распространенное явление. Во многом это происходит потому, что русский язык в Чувашии не имеет естественной диалектной основы, а исходно осваивается в литературной форме в качестве второго языка. Этническое русское население в городе сложилось в советское время и в основном представлено людьми с высшим и средним-профессиональным образованием, предполагающим владение литературным языком.

В то же время в отношении Чебоксар можно говорить о новом просторечии, в данном случае, включающем уникальные некодифицированные лексико-фразеологические единицы, чувашско-русские новообразования и подражание русской речи чувашей.

Некодифицированные единицы разговорной речи

Некодифицированные лексико-фразеологические единицы Чебоксар, главным образом восходящие к молодежной речи, количественно ограничены несколькими десятками элементов. Они являются народными названиями официальных наименований и достаточно устойчивы в речи жителей города, например:

1. *Копер* – Чебоксарский филиал Московского кооперативного института.

2. *Пенал / стекляшка* – новый Дом правительства Чувашской Республики по Президентскому бульвару, название согласно архитектурным особенностям строения.

3. *Первак* – дом №1 по улице Ахазова.

4. *Пьяный дом* – дом на Юго-Западном бульваре г. Чебоксары, жители которого злоупотребляют спиртными напитками.

5. *Танковое училище* – Чебоксарский электромеханический колледж, бывшее училище №19 г, название по памятнику в виде танка, установленному рядом с училищем.

6. *Тубик* – туберкулезный диспансер.

7. *Чузунок* – Чувашский государственный университет через сокращенную форму ЧГУ.

8. *Элеватор* – Чувашский государственный театр оперы и балета, название по внешнему виду здания, напоминающему элеватор.

Популярны в речи жителей Чебоксар некодифицированные топонимы, в том числе представленные аббревиатурами, например:

1. *Замамье* – микрорайон за памятником Матери-Покровительнице.

2. *Огород* – парк на площади Республики.

3. *СЗР* – Северо-Западный район.

4. *ЮЗР* – Юго-Западный район.

5. *Нчб., Новчик* – г. Новочебоксарск.

6. *Чебы* – г. Чебоксары.

Наиболее востребованную форму народных названий городских объектов представляют слова с финальным компонентом *-ка*, например: *Агрегатка* – район Чебоксарского агрегатного завода; *Богданка* – район, прилегаемый к улице Богдана Хмельницкого; *Новоюжка* – Новоюжный район; *Чернышка* – остановка «Улица Чернышевского»; «*Чувашка*» – гостиница «Чувашия».

Востребованный в среде чебоксарцев ойконим *Марпосад*, по сути, уже является полноправным вариантом избыточного названия *Маршинский Посад*. В пользу такой констатации говорит и высокая частотность самого стяженного урбонима, и наличие урбанонима *Марпосадское шоссе* в Чебоксарах.

Безоговорочно пренебрежительная коннотация вкладывается в топоним *Чувашияндия*. При этом первое упоминание настоящего названия происходит в положительном значении в книге В. Сбоева «Записки о чувашах» в 1841 г.: «Говоря о чувашской аристократии, я и забыл напомнить Вам, что в настоящее время рядом с нею возникает новая, ученая аристократия, юная Чувашияндия, долженствующая сильно действовать на возрождение и образование своего племени» [2, с. 12].

В принципе топоним *Чувашияндия* не должен обладать какой-либо коннотацией, ср. с аналогичными географическими названиями: *Голландия, Гренландия, Ирландия, Исландия, Финляндия, Шотландия*. Но речевая практика вступает в противоречие с ожидаемой стилистической оценкой. В наши дни настоящий топоним встречается в речи уроженцев Чувашии, живущих в Москве, и вряд ли возводится к наследию ученого XIX в.

Представляется, что рассмотренные некодифицированные лексические единицы как уникальные названия достойны включения в словарь чебоксаризмов [6].

Чувашско-русские новообразования

Особой выразительностью обладают единицы чувашско-русского происхождения, ср.:

– *камович / камовна* слово, используемое для уточнения отчества < чув. *кам* ‘кто’ + рус. *-ов-ич / -ов-на*;

– *укицуйки* ‘денежки’ < чув. *укса* ‘деньги’ + рус. *-уйк-и*;

– *хамръяльство* ‘кумовство’ < чув. *хамър ял* ‘земляк’, букв. ‘своя деревня’ + рус. *-ств-о*;

– *ширтанчик* ‘небольшой ширтан’ < чув. *шйрттан* ‘колбасное изделие’ + рус. *-чик*;

– *шубаикарець* ‘чебоксарець’ < чув. *Шупаикар* ‘Чебоксары’ + рус. *-ец*;

– *шубаикарский* ‘чебоксарский’ < чув. *Шупаикар* + рус. *-ск-ий*.

Такого рода единицы функционально привязаны к Чувашской Республике и за ее пределами практически неизвестны. Но именно они в наибольшей степени обладают потенциалом придать русской речи чебоксарцев специфические черты. В принципе чувашско-русские лексические образования закладывают дальнейшие основы освоения чувашских слов региональным вариантом русского языка.

Другим просторечным явлением чебоксарского региолекта следует признать грамматическую форму введения чувашских глаголов в русскую речь, например:

– *каяхать* ‘уходить’ < чув. *кай-* ‘уйди’ + *-ах* + рус. *-а-ть*;

– *цурэхать* ‘приходить’ < чув. *суре-* ‘ходи’ + *-ех* + рус. *-а-ть*.

Подобное глаголообразование выдерживается в агглютинативном ключе, присущем чувашскому языку: глаголы представлены корнем в побудительной форме (*кай-*, *суре-*); присоединяемые аффиксы *-ax* (*-ex*) – вставки, созвучные с чувашским усилительным формантом (*калать* ‘говорит’ – *калатех* ‘обязательно скажет’, *вёсет* ‘летит’ – *вёсетех* ‘обязательно будет летать’); сингармонизм выдерживается до русской части слова. Примечательно, что любой чувашский глагол таким образом может быть облечен в русскую форму.

В целом использование глаголов чувашского происхождения характерно речи людей, в той или иной степени знакомых с чувашским языком. Это связано с необходимостью каждый раз производить новые глаголы от чувашских основ.

Подражание русской речи чувашей

Воспроизведение специфики чувашского языка в русской речи применяется в узкой сфере дружеского общения. Феномен существует и за пределами Чувашии как элемент ностальгии по малой родине.

Подражание главным образом основано на следующих приемах: буквенном произношении (*[молоко́]*, *[часы́]*, *[пр'ид'ош']*), апокопы (*минута* → *минут*, *машина* → *машин*), эпентезы (*пожёт*, *Левонид*), элизии (соорудить → сорудить), оглушении инициальных звонких согласных (*[п'илет]*, *[к'ород]*, эпентезы (*[ик:ьс]*), озвончении глухих согласных в позиции между двумя гласными (*камне[б]ад*); замещении мягких *с'* и *з'* звуком *[ш':]* (*[вош':ьм']*).

На лексическом уровне имитация русской речи чувашей происходит с использованием чувашизмов (чув. *хуллен-хуллен* [*хул'эн'Эхул'эн'*] ‘потихоньку’; чув. *ай-уй* ‘ай-ай’) и заменой русских слов описательными сочетаниями (*трос* → *железная веревка*).

Грамматический уровень подражания русской речи чувашей обусловлен нарушением правил согласования слов в роде, числе и падеже (*позвонить ко мне, хороший учительница*), словорасположением согласно формуле SOV (*Один человек жил-был*).

Важным элементом имитации чувашской речи является высокая частотность определенных литературных единиц, например, частиц что ли / что ль, да (*На корпоратив придешь, что ль? Книгу принесешь, да?*), *-ка* (*Айда-ка*).

Выводы

Чебоксарский региолект русского языка – сложно-структурное образование: с одной стороны, он являет собой разновидность русского литературного языка, с другой – новое просторечие, т. е. пласт общеизвестных локально распространенных разговорных элементов. Участие такого рода лексико-фразеологических единиц в функционировании региолектов очень важно. Во многом благодаря им усиливаются специфичное звучание региональной речи. В нашем случае рассмотренные единицы подчеркивают литературную сущность чебоксарского региолекта, противопоставляясь ей.

В Чебоксарах к настоящему времени сложился локально общеизвестный пласт некодифицированной лексики. Он представлен уникальными образованиями, выразительно, уничижительно и пренебрежительно называемыми местные реалии. С ортологической точки зрения, они маргинальны и раздражают последователей строгого соблюдения норм литературного языка. По этой причине такого рода чебоксаризмы редко становятся материалом лингвистических исследований. Между тем, как показывает речевая практика, их следует признать в качестве важного источника словаря чебоксарского региолекта, работа над которым ведется авторами данной работы.

Список литературы

1. Гердт А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Гердт. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2001. – 488 с.
2. Сбоев В. Записки о чувашах / В. Сбоев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 140 с.
3. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение. – Псков, 1991. – С. 156–162.
4. Фомин Э.В. Имитация русской речи чувашей как маркер чебоксарского региолекта / Э.В. Фомин // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении. – Симферополь, 2020. – С. 76–77.
5. Фомин Э.В. Имитация чувашского акцента в русской речи / Э.В. Фомин // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары, 2018. – С. 48–51.
6. Фомин Э.В. О словаре чебоксарского региолекта русского языка / Э.В. Фомин, Т.Н. Ерина // Этническая культура. – 2020. – №4. – С. 39–42.
7. Erina T.N. Russian language in modern conditions: Cheboksary regiolect / T.N. Erina, E.V. Fomin // European proceedings of social and behavioural sciences. – 2020. – Vol. 92. – P. 315–322.
8. Fomin E. Adoption of Russian suffixes by the Chuvash language / E. Fomin // Booklet of abstracts. 19th International morphology meeting. – Vienna, 2020. – P. 135–136 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/d/bizcomm/Sonstiges/IMM19/Booklet_of_abstracts_V1.pdf

References

1. Gerdt, A.S. (2001). Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektzii i khrestomatii., 488. SPb.: Izd-vo SPBU.
2. Sboev, V. (2004). Zapiski o chuvashakh., 140. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
3. Trubinskii, V.I. (1991). Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniia. Pskovskie govory i ikh okruzhenie, 156-162. Pskov.
4. Fomin, E.V. (2020). Imitatsiia russkoi rechi chuvashei kak marker cheboksarskogo regiolekta. Mezhhkul'turnye kommunikatsii, 76-77. Simferopol'.
5. Fomin, E.V. (2018). Imitatsiia chuvashskogo aktsenta v russkoi rechi. Iazykovye kontakty narodov Povolzh'ia i Urala, 48-51. Cheboksary.
6. Fomin, E.V., & Erina, T.N. (2020). O slovare cheboksarskogo regiolekta russkogo iazyka. Etnicheskaiia kul'tura, 4, 39-42.

7. Erina, T.N., & Fomin, E.V. (2020). Russian language in modern conditions: Cheboksary regiolect. European proceedings of social and behavioural sciences, Vol. 92, 315.

8. Fomin, E. (2020). Adoption of Russian suffixes by the Chuvash language. Booklet of abstracts. 19th International morphology meeting, 135. Vienna. Retrieved from https://www.wu.ac.at/fileadmin/wu/d/bizcomm/Sonstiges/IMM19/Booklet_of_abstracts_V1.pdf

Информация об авторах

Фомин Эдуард Валентинович – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, Россия, Чебоксары.

Ерина Тамара Николаевна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Information about the authors

Eduard V. Fomin – candidate of philology, associate professor of the Department Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Russia, Cheboksary.

Tamara N. Erina – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE «I.N. Ulianov Chuvash State University», Cheboksary, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 06.02.2021

Принята к публикации / Accepted 16.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021

Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме

DOI 10.31483/r-97978

УДК 398.47

Ван Хааске Л.А.

АНО ВО «Московский международный университет»,
Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0002-0951-9584>, e-mail: vanhaaske@mm.st

Резюме: В статье предпринята попытка реконструкции образа ведьмы на основании протоколов допросов обвиняемых в колдовстве в рамках судебного процесса в Салеме (колония Массачусетс, Северная Америка, 1692 год) и связанных с ними материалов. *Объектом рассмотрения* является феномен судебного преследования по обвинениям в колдовстве. *Источниковой базой* являются протоколы Салемского процесса, транскрибированные и изданные в 1977 году, а также ряд документальных свидетельств очевидцев, выступающих при этом с богословской позиции. В статье рассмотрены особенности мифологического сознания традиционного общества, продиктованные верой в сверхъестественное (ведовское) воздействие и страхом перед подобным воздействием. Проанализировав протоколы допросов первых обвиняемых в ходе этого процесса и рассмотрев ряд их биографических данных, автор приходит к *выводу* о парадоксальности ситуации, демонстрируемой этим судебным процессом: фактически преследованиям подвергаются произвольные люди, и реконструкция образа ведьмы, который мог бы лежать в основе таких обвинений, не представляется возможным. Выводы автора имеют существенное значение для исследования как феномена ведовских процессов, так и ментальности традиционного общества. Исследование проведено с актуальной для современных социальных наук имагологической перспективы.

Ключевые слова: ведовской процесс, образ ведьмы, страх перед сверхъестественным, образ Другого, пуританская ментальность, мифологическое сознание, спектральные доказательства, колониальная Америка.

Для цитирования: Ван Хааске Л.А. Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 30-36. DOI:10.31483/r-97978.

The Image of Witch in the Documents of the Salem Witch-Trial

Leionis A. Van Haaske

ANO of HE "International University in Moscow",
Moscow, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-0951-9584>, e-mail: vanhaaske@mm.st

Abstract: The article attempts to reconstruct the image of a witch based on the interrogation records of those accused of witchcraft during the Salem trial (Massachusetts, North America, 1692) and related materials. *The subject of research* is the phenomenon of prosecution on those accused of witchcraft. *The source base* are the records of the Salem process, transcribed and published in 1977, as well as a number of documentary testimonies of witnesses, speaking from a puritanical viewpoint. The article examines the features of the mythological worldview of traditional society, dictated by the belief in supernatural influence (witchcraft). After analyzing the interrogation records of the first accused during this trial and considering a number of their biographical data, the author comes to *the conclusion* that the situation demonstrated by this trial is paradoxical: in fact, arbitrary people are subjected to persecution, and the reconstruction of the image of a witch that could underlie such accusations, does not seem possible. The author's conclusions are essential for the study of both the phenomenon of witch-trials and the mentality of traditional society. This article was conducted from an imagological perspective relevant to modern social studies.

Keywords: witch-trial, the image of a witch, fear of the supernatural, the Other, puritan mentality, mythological worldview, spectral evidence, colonial America.

For citation: Van khaaske L.A. (2021). The Image of Witch in the Documents of the Salem Witch-Trial. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 30-36. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97978.

Введение. Теоретическая и источниковая база исследования

Образ ведьмы является одним из самых своеобразных и противоречивых образов в народной культуре. Он присутствует практически в каждой фольклорной традиции и этим традиционно привлекает внимание специалистов по фольклористике и этнографии. Одновременно с этим можно говорить об общекультурном значении этого образа – и здесь мы можем вспомнить такой исторический феномен как «охота на ведьм», ставший важным элементом средневековой истории Западной Европы. Также мы можем говорить о феномене ведьмы в истории права – это обусловлено системными преследованиями по обвинениям в колдовстве. Однако, несмотря на большое внимание и полярность мнений, в исследовании этого феномена остается ряд «белых пятен». Таким образом, мы можем сказать, что вопрос об образе ведьмы *актуален для исследований* в области социальных наук.

Одновременно с этим важно отметить, что актуальность вопроса о ведьмах достаточно велика и в социальной среде вообще с учетом неугасающего интереса к подобным практикам – и если ведьма в искусстве уже стала важным элементом «культуры ужаса», то популярность телевизионной передачи «Битва экстрасенсов» и высокий спрос на оккультно-эзотерические услуги вообще красноречиво свидетельствуют о том, что идею ведовства невозможно признать пережитком культуры традиционного общества и исключительно фольклорным феноменом. Безусловно, подобное положение делает необходимым рассмотрение этого явления с научной позиции.

Специалистами уже неоднократно признавалось то, что помимо массового характера обвинения в колдовстве имели еще и крайне неизбирательный характер [1]. К такому же выводу мы пришли в исследовании обвинительного дискурса собственно Салемского процесса [2]. Однако эта кажущаяся решенность вопроса именно о подходе обвинения ставит перед нами

другой *исследовательский вопрос*: кем были те, кого обвинили в колдовстве в Салеме 1692 году?

Таким образом, мы можем выдвинуть *исследовательскую гипотезу* о том, что образ обвиняемых в колдовстве в рамках Салемского процесса не создает целостного образа ведьмы в мифологической картине традиционного общества – и, более того, предположить, что какого-то конкретного образа ведьмы в рамках западноевропейского мифологического сознания не существовало вообще. Иными словами, ведьмой считался не тот, кто соответствовал какому-то детерминированному образу ведьмы, а тот, в чей адрес выдвигалось обвинение в колдовстве.

Для того, чтобы ответить на поставленный нами исследовательский вопрос, мы обратимся в первую очередь к судебным протоколам суда над ведьмами в Салеме. Стенографические записи этого судебного процесса, в основном представленные протоколами допросов и обвинений, были транскрибированы и изданы в 1977 году [16] и оцифрованы с приложением комментариев в рамках исследовательского проекта Университета Миссури в 2018 году, что делает их исключительно доступным для исследователей источником.

Одновременно с этим, стоит отметить, что подробный анализ наиболее ярких исследований, связанных с Салемским процессом, дан нами в параллельном исследовании, посвященном анализу обвинительного дискурса этого судебного процесса [2]. Фактически, данная статья является частью большого авторского проекта, связанного с исследованием феномена страха как актора коллективного действия в различных культурно-исторических пространствах. В данном случае коллективным действием рассматривается судебное преследование по обвинению в колдовстве, а образом страха – собственно, идея ведовского воздействия и персонально ведьма. В свою очередь, вопрос об особенностях восприятия страха именно в мифологическом создании был поднят нами в работе «Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья» [3].

Таким образом, *целью этого исследования* является реконструкция образа ведьмы в судебной документации Салемского процесса. *Объектом исследования* является феномен судебного преследования по обвинению в колдовстве.

Основным исследовательским методом для данной статьи нами был выбран метод контекстуального и контент-анализа юридических документов. С нашей точки зрения, такой подход позволит в наилучшей степени раскрыть основную гипотезу нашей работы и найти ответ на поставленный исследовательский вопрос. Одновременно с этим, важно сделать оговорку о том, что, в связи с исключительной массовостью процесса (в течение 1692 года в Салеме было предъявлено не менее двухсот обвинений в колдовстве [16]) и отмеченной нами [2] неизбирательностью обвинительного дискурса, мы приняли решение ограничить выборку первыми предъявленными обвинениями. Помимо объема материалов причиной для этого является предположение о том, что именно первые обвинения могут быть наиболее показательными в плане анализа образа обвиняемого.

Образ ведьмы в материалах судебного процесса в Салеме

Все обвинения в ходе этого судебного процесса были предъявлены в течение 1692 года, выбранные

нами для отдельного рассмотрения хронологически относятся к февралю – апрелю этого года.

Важнейшим эпизодом старта этого судебного процесса стало поведение двух девочек, Элизабет Паррис и Абигейл Уильямс. В начале февраля они столкнулись с болезненным состоянием, симптомы которого совпадали с принятыми в XVII веке представлениями о последствиях ведовского воздействия (порчи). Среди выраженных эпизодов отмечаются судорожные и истероидные припадки, повышенная возбудимость вместе с иррациональностью действий, аномальные психосоматические реакции (ощущения жжения, холода, покалывания в конечностях) [2]. Вскоре аналогичная симптоматика проявляется еще у двух девушек, Элизабет Патнем и Мэри Уоррен. Одновременно с этим, подобные же болезненные проявления впоследствии проявляются у других жителей Салема – например, матери Элизабет Патнем [6, с. 5]. Это приводит к признанию происходящего актом злонамеренного колдовского воздействия, и, следовательно, провоцирует начало судебного процесса. Логика развития этого процесса была рассмотрена нами в указанной выше статье, в связи с этим мы опустим детали юридического характера. Ограничимся лишь признанием того факта, что подобное развитие событий в целом соответствует духу большинства актов преследования ведьм, что отметил в своем исследовании Канторович [1].

Одновременно с этим необходимо отметить, что спустя 13 лет после завершения судебного процесса одна из обвинительниц, Элизабет Патнем, призналась в том, что все изначальные проявления со стороны ее и ее подруг были симуляцией [2]. Таким образом, можно говорить об уникальной ситуации: суд не только действовал с позиции мифологического сознания, признавая реальность иррациональной идеи (идеи колдовства), но и не предпринимал попыток объективного анализа происходящего. Этот аспект представляется нам исключительно важным как в контексте феномена судебных процессов по обвинениям в колдовстве, так и для характеристики мифологического сознания традиционного общества вообще.

Первой обвиненной в колдовстве становится женщина по имени Титуба. Это рабыня священника Сэмюэла Патнема, отца одной из подверженных припадкам девушек. Предположительно, ее родиной была Южная Америка. По некоторым сведениям, она была знакома с ритуалами вуду, о которых рассказывала Элизабет Паррис и ее подругам в качестве «сказок». После начала припадков у девочек предпринимала попытку «лечения» при помощи так называемого «ведьминого пирога» [14, с. 22] – особого блюда, согласно поверьям ее народа призванного помочь при такого рода симптомах. Этот эпизод достаточно трудно трактовать, так как судебные документы не дают представления о том, какое значение Титуба придавала этому действию: рассматривала ли она состояние девочек как следствие «порчи», или пыталась практиковать какие-то средства народной медицины, обращенные к внеоккультной практике. Однако с точки зрения суда это действие стало доводом в пользу обвинения в адрес Титубы: она стала первой, обвиненной в колдовстве.

В ходе судебного разбирательства она призналась, что знала о неких оккультных ритуалах, предназначенных для защиты от злых сил, и получила это знание еще на своей родине. Она не отказывалась от приготовления «ведьмино хлеба», но настаивала на отсутствии зло-

намеренности этих действий – сама она позиционировала это как лечебное средство. От нее не было получено признаний в том, что она ведьма, однако она заявила о том, что вступила в сговор с неким «человеком в черном» и подписалась в некоей книге – причем заставили ее это сделать Сара Гуд и Сара Осборн, и кроме того в книге присутствовало шесть имен. Последний эпизод также достаточно трудно трактовать – мы предполагаем, что его появление в рамках допросов Титубы связано со спецификой инквизиционного судебного процесса – применением специфических методов допроса, выстраивание опроса обвиняемого с включением вопросов, изначально содержащих в себе согласованные с позицией следствия ответы [5]. Также Титуба заявила, что дома у Сары Осборн обитает некое существо демонического происхождения [5]. В данном случае, по всей видимости, речь идет о фамильяре – специфическом существе демонического происхождения, которое считалось неотъемлемым спутником любой ведьмы [1, с. 44]. Титуба не была казнена, однако из-за формальных деталей процесса долго содержалась под стражей, после чего была перепродана. О дальнейшей судьбе неизвестно.

В контексте обвинения в ведовстве образ Титубы играет очень существенную роль. Во-первых, за счет своего происхождения и статуса (рабыня-иностранка) она изначально рассматривалась как «чужая» в рамках общины Салема. Во-вторых, мы можем предположить, что изначально обвинение в ее адрес было связано именно с этим статусом и тем, что она принадлежала отцу одной из девушек-симулянок.

От Титубы цепочка обвинений была направлена на Сару Гуд и Сару Осборн. Стоит отметить, что их имена стали напрямую называть девушки, подверженные «ведовскому влиянию», однако, согласно протоколам допросов, произошло это после признаний Титубы [5]. Мать и дочь Патнем заявили, что «призрак» Сары Гуд являлся им для того, чтобы причинять боль. Это может свидетельствовать в пользу своеобразного «встраивания» людей в вектор обвинений со стороны самих жертв обвинений.

Сару Гуд также можно считать носительницей весьма специфического статуса в рамках общины Салема. Она была нищенкой и дважды состояла в браке, регулярно конфликтовала с супругом и соседями – все это противоречило пуританскому образу добропорядочной женщины. Также она имела долги перед соседями, оставшиеся после смерти первого мужа [14, с. 112]. Сара Гуд созналась в участии в сговоре с дьяволом в образе «черного человека», однако заявила, что ее заставили подписаться в книге Титуба и Сара Осборн. Она не признала своей вины в колдовстве в адрес девочек, однако сами девочки при появлении Сары Гуд начинали биться в припадках [15]. Сара Гуд была казнена путем повешения.

С учетом перекрестного характера обвинений, мы можем предположить, что признания со стороны Сары Гуд также носят искусственный характер.

Другая обвиняемая, Сара Осборн, по состоянию здоровья несколько лет не посещала церковь. Она состояла в дальнем родстве с семьей Патнем, с которыми имела долгую судебную тяжбу из-за права собственности на земельный участок. Также ходили слухи о прелюбодеяниях, которые она практиковала. В суде Сара Осборн отрицала все обвинения. Она никого не обвинила по своей инициативе и умерла в тюрьме до окончания судебного разбирательства [5].

Если описанные выше три обвинения можно в какой-то степени связать с специфическим статусом обвиняемых, то дальнейшие обвинения вызывают удивление.

Так, одной из следующих обвиняемых стала Марта Кори – женщина, которая признавалась всеми уважаемым членом церковной общины Салема. Многие признавали ее образцом христианского благочестия, в ее поддержку жителями города была создана петиция. Единственным компромитирующим ее фактом было наличие незаконнорожденного сына от индейца, который был принят в семью ее вторым мужем. В ходе суда она заявляла, что была оговорена и призывала суд прекратить верить выдумкам девочек [4]. Несмотря на это, суд принял во внимание заявления Энн Патнем-младшей о демоническом влиянии Марты Кори. Марта Кори была повешена, несмотря на возраст в 72 года.

Не менее показательна и не менее трагична история другой обвиняемой, Ребекки Норс. К началу судебного разбирательства ее возраст составлял 71 год, и в силу преклонного возраста и состояния здоровья она практически не выходила из дома. Она считалась крайне благочестивой христианкой, но, несмотря на это, ее характеризовали как достаточно своенравную и несговорчивую женщину. Некоторые свидетели утверждали, что она «могла забиться в припадке, когда ей это было выгодно» [9]. Основным поводом для обвинений в ее адрес стало то, что Ребекка Норс являлась в виде призрака и причиняла мучения как изначально подверженным припадкам девушкам, так и тем, кто стал испытывать «колдовское влияние» позже. Среди позднейших обвинений – использование колдовства с целью обогащения. Она отрицала все обвинения, пользовалась активной поддержкой горожан [9]. Ребекка Норс была оправдана судом присяжных, однако после активного вмешательства семьи Патнем приговор был пересмотрен. Она была казнена.

Весьма гротескным выглядит обвинение в адрес четырехлетней дочери Сары Гуд, Дороти. Она призналась в колдовстве и свидетельствовала, что видела, как мать общалась с дьяволом. Также свидетельствовала о наличии в ее доме фамильяра, принадлежащего Саре Гуд [6, с. 7]. Освобождена под залог, дальнейшая судьба неизвестна.

С нашей точки зрения, этот эпизод можно трактовать достаточно прямолинейно: скорее всего, в силу малолетнего возраста Дороти не могла логически оценивать вопросы обвинителей и действия суда, в связи с чем просто давала ответы на вопросы, в которые, как отмечалось выше, изначально закладывался прямолинейный ответ. Это подтверждают протоколы ее допросов [16].

На фоне разрастания судебного процесса и увеличения объема обвинений не вызывает удивления выдвижение обвинений в адрес супругов Проктор, Джона и Элизабет.

Джон Проктор был одним из богатейших людей Салема, одна из изначально подверженных припадкам девушек, Мэри Уоррен, работала служанкой в его доме и была уволена после того, как он обвинил ее в симуляции. По мере развития судебного процесса он неоднократно заявлял о том, что обвинения в колдовстве необоснованны, и судить стоит обвиняющих девушек. Однако, вскоре после того, как он в очередной раз озвучил эту позицию, в адрес его жены, Элизабет, были выдвинуты обвинения в колдовстве. Во время «очной ставки» с девушками-обвинительницами, в присут-

ствии Элизабет у них начался очередной припадок, что было расценено как доказательство ее вины [6].

Важно отметить, что супруги Проктор принадлежали к обществу квакеров, а Элизабет также была повитухой и ухаживала за больными. В рамках пуританского общества квакеры, равно как и повитухи, нередко обвинялись в колдовстве. Более того, в 1669 году в ее адрес уже выдвигались подобные обвинения [8].

Обвинения в адрес Джона Проктора были выдвинуты спустя неделю после обвинения его жены. Формальным поводом были заявления о том, что его призрак является по ночам к подверженным припадкам девушкам и причиняет боль. Одновременно с этим, Мэри Уоррен заявила, что он пытался принудить ее подписать контракт с дьяволом [14, с. 201]. В ходе суда и он, и его супруга последовательно отрицали все обвинения – причем сам Джон был крайне резок в выражениях. Одновременно с этим, в поддержку семьи Проктор было подано несколько петиций и свидетельств безупречной репутации. Несмотря на это, Джон Проктор был повешен. Элизабет Проктор получила отсрочку казни из-за беременности, и это спасло ей жизнь: она была освобождена из тюрьмы в ноябре 1692 года после вмешательства в судебный процесс губернатора Массачусетса. Все имущество семьи Проктор тем временем было разграблено.

Практика «семейных обвинений» тем временем была продолжена. В колдовстве был обвинен муж упоминавшейся ранее Марты Кори, Джайлс. Его возраст на момент событий составлял 81 год. Важной характеристикой к его образу может быть тот факт, что в 1676 году он обвинялся в убийстве работника своей фермы в ходе конфликта. Обвинения в убийстве были сняты, был оштрафован за нанесение телесных повреждений [16]. Джайлс Кори активно выступал в защиту жены и осуждал обвинения как бездоказательные. Непосредственно обвинялся в том, что в виде призрака преследует нескольких человек, в том числе Энн Патнем [12]. Также ему приписывалось то, что он руководил действиями призрака человека, умершего на его ферме [8]. Он отказался признать вину, за что был подвергнут публичной пытке в форме помещения под пресс из камней. Джайлс Кори погиб на третий день пытки, он был раздавлен камнями [7].

Еще одним интересным штрихом к образу Джайлса Кори в контексте этого процесса – и заодно значимым элементом последующей мифологизации Салемского процесса. С его именем связано сразу две городские легенды Салема. Согласно первой, его призрак появляется на городском кладбище всякий раз, когда городу угрожает опасность – например, слухи о явлении этого призрака ходили накануне катастрофического пожара, опустошившего Салем в 1914 году. Вторая городская легенда рассказывает о проклятье, согласно которому все шерифы Салема умерли или ушли в отставку из-за тяжелых сердечно-сосудистых заболеваний – эта последовательность прекратилась только после того, как офис шерифа был перенесен в соседний город [14, с. 252].

Если сами обстоятельства предъявления обвинений Джайлсу Кори не выбиваются из общей логики и образности дискурса этого процесса, то аспект с проклятьем и призраком можно объяснить обстоятельствами его смерти, которые кажутся исключительными по жесткости на фоне остальных судебных действий.

Другой яркий пример формирования образа ведьмы в ходе этого процесса – это эпизод обвинения Бриджетт

Бишоп. Она была весьма обеспеченной женщиной, так как содержала две таверны. Славилась достаточно экстравагантными пристрастиями в одежде и достаточно вольным поведением. Являясь хозяйкой питейных заведений, обладала определенным количеством «компромата» на горожан, но упоминала о нем только в случае конфликтов. В 1667 году, после смерти второго мужа, Бриджетт Бишоп уже предъявлялись обвинения в колдовстве – они были сняты [10]. Изначальные обвинения не выдаются из общей логики: утверждалось, что ее призрак причиняет страдания и принуждает подписать некую книгу, угрожая утоплением.

В дальнейшем число свидетельств против Бишоп увеличивается, и вместе с этим характер обвинений становится откровенно абсурдным: один из жителей заявляет, что ее призрак порвал его пальто. Другой обвиняет в смерти кошки. Третий заявляет, что она лично околдовала его для того, чтобы он ударил своего ребенка лопатой. Также в составе обвинения присутствуют зловещие кружева, колдовские травы и якобы личные заявления Бишоп о том, что она поклоняется дьяволу. В числе прочих, против Бишоп свидетельствует ее муж. Дополнительным аргументом в пользу того, что она поклоняется дьяволу, является экстравагантность одежды. Бриджетт Бишоп была повешена, несмотря на то, что последовательно отрицала все обвинения [10].

Мы можем признать, что градус абсурдности судебного процесса к маю 1692 года достиг апогея, наилучшим образом иллюстрируя значение фразеологизма «охота на ведьм». В отличие от изначальных обвинителей в прошлых кейсах, где в большинстве случаев обвинение исходило от Элизабет Паррис или Энн Патнем, первого обвинителя бывшего священника Салема, Джорджа Берроуза, найти не удастся – судя по всему, здесь присутствовало синхронное обвинение со стороны нескольких человек. Пастор Берроуз обладал суровым характером, но одновременно с этим воспринимался как образец пуританского образа жизни. Он покинул Салем за 9 лет до начала суда после того, как церковная община не рассталась с ним, из-за чего он был вынужден взять в долг на похороны жены у Томаса Патнема [11].

Обвинению в колдовстве предшествовало судебное прошение о взыскании долга. Повод для обвинения непосредственно в колдовстве – присутствовавшие в большинстве предшествовавших случаев явления злонамеренного призрака обвиняемого. Удивительным становится то, что в момент предъявления обвинений Берроуз проживал в другом штате, и на протяжении долгого времени даже не упоминался в общине Салема – по требованию суда он был экстрадирован. Подтверждением того, что он состоял в сговоре с дьяволом, была исключительная физическая сила, отказ от крещения собственных детей (по его объяснению – из-за разочарования в церковной общине после смерти жены) и нападения индейцев, происходившие во время его служения в Салеме, несмотря на регулярные молебны о недопущении этого. Фактически, в данном случае Берроузу вменялось нарушение порядка богослужений, ассоциированное в рамках суда с сговором с дьяволом. По решению суда, Джордж Берроуз был повешен, несмотря на то, что на виселице полностью и без ошибок прочел молитву, что считалось невозможным для колдуна [11].

Последним примером обвинения в контексте ведовства в нашей выборке обвинение в адрес Мэри Уоррен –

одной из девочек, выступавшей в качестве изначальных обвинительниц. Также как и в случае с Джорджем Берроузом, установить обвинителя здесь не представляется возможным. Она была основной обвинительницей в адрес семьи Проктор, однако приблизительно через месяц после начала преследований «ведьм» созналась в лжесвидетельствовании и заявила о том, что изначальные припадки девушек были симуляцией. Вскоре после этого обвинение было выдвинуто в ее адрес. Она отчаянно отрицала обвинение в колдовстве, но настаивала на своей виновности в лжесвидетельствовании [13]. Мэри Уоррен была освобождена из тюрьмы до окончательного предъявления обвинений по распоряжению губернатора Массачусетса. Как мы показали в исследовании обвинительного дискурса этого судебного процесса, эпизод обвинения Мэри Уоррен можно трактовать как своеобразную «самозащиту» стороны обвинения: ее показания могли дискредитировать сам судебный процесс, и, как следствие, власть Салема в принципе [2].

Дальнейшие обвинения начинают иметь совершенно произвольный характер: одновременно обвиняются до десятка человек за день, и логику предъявления обвинений становится невозможно выявить. Однако, в большинстве случаев присутствует один и тот же мотив – явление призрака обвиняемого. Этот феномен, получивший особое развитие в ходе Салемского процесса, получил название «спектральных доказательств», и был подвергнут критике еще в ходе самого судебного разбирательства. Более того, именно критика этого метода сыграла решающую роль в том, что губернатор Массачусетса Уильям Фипс потребовал остановить суд [14, с. 301].

Заключение

Проанализировав случаи первых обвинений в ходе Салемского судебного процесса, мы можем прийти к удивительному выводу: фактически, единственным, что объединяет обвиняемых, является предъявление им обвинения. Здесь нет возможности говорить о родственном социальном статусе обвиняемых: обвинения были выдвинуты как в адрес людей, обладающих маргинальным статусом (нищенка, рабыня), так и в адрес представителей религиозной или экономической элиты. Здесь нет возможности говорить о родственном гендерном составе, так как в числе первых обвиняемых присутствует двое мужчин. Возраст обвиняемых и характер их деятельности также различаются. Мы вынуждены не только признать неизбирательность обвинений – но и фактическое отсутствие персонализированного образа ведьмы в случае данного процесса.

В двух случаях обвинения, описанных нами выше, мы сталкиваемся с своеобразным феноменом повторного обвинения в колдовстве – и с нашей точки зрения это можно трактовать двойственно. Безусловно, это говорит о массовой уверенности в реальности колдовства

как явления – и вместе с этим мы можем видеть, для обоих случаев невозможно говорить о присутствии у повторно обвиненных в колдовстве каких-либо общих качеств. Отталкиваясь от этого, можно поставить вопрос о спекулятивном характере подобных обвинений в принципе – и это может подтверждаться характеристиками поведения Ребекки Норс.

Салемский судебный процесс показывает нам удивительный пример глубокой мифологизации общественного сознания – с одной стороны, являющейся неотъемлемой частью традиционного общества, но с другой стороны, способной приводить к значимым негативным последствиям. Включение мифологического компонента в юридическую практику вместе с последующим подтверждением фиктивности обвинений создает удивительный прецедент, ярко характеризующий феномен ведовских процессов в принципе.

Мы можем признать, что образ ведьмы в контексте этого процесса в большей степени заключался не в персонализированных качествах конкретного человека, а в действиях, приписываемых ведьме, которые в свою очередь переносились на тех или иных обвиняемых. Ведущими действиями здесь становятся «явление призрака», «сговор с дьяволом» и «порча» – эти феномены могут считаться базовыми характеристиками для обвинений в колдовстве в принципе.

Важно отметить, что резонанс, возникший вокруг Салемского процесса, стал поводом для достаточно существенного пересмотра отношения к обвинениям в колдовстве в североамериканских колониях. Как отмечалось в исследовании М. Старки [14, с. 322], этот процесс стал одной из причин секуляризации американского правосудия – и в этом мы можем видеть значимый элемент социально-политической трансформации, своеобразное «разочарование» государственной власти в исключительном влиянии на властные процедуры религиозных ценностей и характерных элементов традиционного общества.

С нашей точки зрения, исследование материалов Салемского процесса и подобных ему феноменов позволяет расширить объем научных представлений не только о собственно ведовском дискурсе, сколько о моделях социального поведения в традиционном обществе вообще. Этот вопрос является важным не только для исследований связанной с идеей колдовства фольклорной традиции, но и социально-культурной антропологии в целом. Одновременно с этим, Салемский процесс и подобные ему могут рассматриваться как особые формы коллективного действия, индуцированные исключительно психологическими мотивами – в данном случае, страхом перед ведовским воздействием и уверенностью в его возможности. Развивая эту логику, мы можем поставить вопрос о том, насколько существенным является влияние этого феномена в культуре в принципе. Этот вопрос является фундаментальным для планируемых нами в дальнейшем исследовательских проектов.

Список литературы

1. Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах / Я.А. Канторович. – М.: КРАСАНД, 2011. – 232 с.
2. Ван Хааске Л.А. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа / Л.А. ван Хааске // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №2. – С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35055 (дата обращения: 08.03.2021)
3. Ван Хааске Л.А. Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья / Л.А. ван Хааске // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2014. – №3. – С. 54–62

4. Examination of Martha Corey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n38.html#n38.2> (дата обращения: 08.03.2021).
5. Examination of Sarah Osborne, as Recorded by John Hathorne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n95.html#n95.2> (дата обращения: 08.03.2021).
6. Lawson D. A Brief and True Narrative of Some Remarkable Passages Relating to Sundry Persons Afflicted by Witchcraft, at Salem Village: Which happened from the Nineteenth of March, to the Fifth of April, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A49794.0001.001> (дата обращения: 08.03.2021).
7. Mather C. The Wonders of the Invisible World. Observations as Well Historical as Theological, upon the Nature, the Number, and the Operations of the Devils. Boston, 1693 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=etas> (дата обращения: 08.03.2021).
8. Moore G. Notes on the history of Witchcraft in Massachusetts. Worcester, MA: American Antiquarian Society, 1883. 36 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/notesonhistoryo00moor/> (дата обращения: 08.03.2021).
9. Salem Witchcraft Paper No. 094: Rebecca Nurse Executed July 19, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n94.html> (дата обращения: 08.03.2021).
10. Salem Witchcraft Paper No. 013: Bridget Bishop Executed, June 10, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n13.html> (дата обращения: 08.03.2021).
11. Salem Witchcraft Paper No. 022: George Burroughs Executed, August 19, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n22.html> (дата обращения 08.03.2021).
12. Salem Witchcraft Paper No. 037: Giles Corey Pressed to Death, September 16, 1692 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n37.html> (дата обращения: 08.03.2021).
13. Salem Witchcraft Paper No. 135: Mary Warren [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n135.html> (дата обращения: 08.03.2021).
14. Starkey M. The devil in Massachusetts: a modern inquiry into the Salem Witch trials. Alexandria: Time-Life books inc. 1982. 344 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/devilinmassachus0000star/> (дата обращения: 08.03.2021).
15. Summary of Evidence v. Sarah Good [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/n63.html#n63.7> (дата обращения: 08.03.2021).
16. The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes. / Edit. Paul Boyer and Stephen Nissenbaum. Da Capo Press: New York, 1977 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salem.lib.virginia.edu/category/swp.html> (дата обращения: 08.03.2021).

References

1. Kantorovic Ya. A. Medieval witch trials. Moscow: KRASAND, 2011. 232 p. (In Russ.)
2. Van Haaske L. A. Accusatory Discourse of the Salem Witch Trial: experiment of imagological analysis // Genesis: historical research. 2021. №2. С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.2.35055 (In Russ.)
3. Van Haaske L. A. Images of fear of the supernatural in the mythological traditions of the high middle ages // Locus: people, society, cultures, meanings. 2014. №3. Pp. 54–62. (In Russ.)
4. Examination of Martha Corey. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n38.html#n38.2>
5. Examination of Sarah Osborne, as Recorded by John Hathorne. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n95.html#n95.2>
6. Lawson, D. A Brief and True Narrative of Some Remarkable Passages Relating to Sundry Persons Afflicted by Witchcraft, at Salem Village: Which happened from the Nineteenth of March, to the Fifth of April, 1692. Retrieved from <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A49794.0001.001>
7. Mather, C. The Wonders of the Invisible World. Observations as Well Historical as Theological, upon the Nature, the Number, and the Operations of the Devils. Boston, 1693. Retrieved from <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=etas>
8. Moore, G. Notes on the history of Witchcraft in Massachusetts. Worcester, MA: American Antiquarian Society, 1883. 36 p. Retrieved from <https://archive.org/details/notesonhistoryo00moor/>
9. Paper, No. Salem Witchcraft 094: Rebecca Nurse Executed July 19, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n94.html>
10. Paper, No. Salem Witchcraft 013: Bridget Bishop Executed, June 10, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n13.html>
11. Paper, No. Salem Witchcraft 022: George Burroughs Executed, August 19, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n22.html>
12. Paper, No. Salem Witchcraft 037: Giles Corey Pressed to Death, September 16, 1692. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n37.html>
13. Paper, No. Salem Witchcraft 135: Mary Warren. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n135.html>
14. Starkey, M. The devil in Massachusetts: a modern inquiry into the Salem Witch trials. Alexandria: Time-Life books inc. 1982. 344 p. Retrieved from <https://archive.org/details/devilinmassachus0000star/>
15. Summary of Evidence v. Sarah Good. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/n63.html#n63.7>
16. (1977). The Salem Witchcraft Papers Verbatim Transcriptions of the Court Records In three volumes. Da Capo Press: New York. Retrieved from <http://salem.lib.virginia.edu/category/swp.html>

Информация об авторе

Ван Хааске Лейонис Аанрис – преподаватель
АНО ВО «Московский международный университет»,
Москва, Россия

Information about the author

Leionis A. Van Haaske – lecturer
of ANO of HE "International University in Moscow",
Moscow, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 08.03.2021

Принята к публикации / Accepted 16.03.2021

Опубликована / Published 17.03.2021

Троицкие гуляния в Аксубаевском районе Республики Татарстан

DOI 10.31483/r-97494

УДК 811.161.1

Гуцина Е.Г.^{1а}, Егоров Д.В.^{2б}, Мингалиев А.Х.^{1с}¹Этнографический музей ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация.²ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация.^а <https://orcid.org/0000-0001-6225-8216>, e-mail: egguschina@mail.ru^б <https://orcid.org/0000-0001-6769-7429>, e-mail: etnomuseum@mail.ru^с <https://orcid.org/0000-0003-0808-2883>, e-mail: arslan.mingaliev@yandex.ru

Резюме: В статье авторы на основе полевых материалов рассматривают вопросы сохранения культурных традиций русского населения Среднего Поволжья, а именно возрождение Троицких гуляний в XX–XXI вв. на примере деятельности Русского национального центра Аксубаевского района Республики Татарстан. Накопленный за тридцатилетнюю историю возрождения праздника опыт еще не становился объектом изучения ученых, чем и обуславливается *актуальность* нашей работы. *Целью* работы является рассмотрение особенностей локального варианта празднования Троицы и специфики возрождения народной традиции в современном мире. В работе использовались как общеисторические *методы*, так и специальные *методы* этнологии: включенное наблюдение и глубинное интервью. Троица в своем первоначальном значении является, прежде всего, церковным праздником. Вместе с тем она также вобрала в себя народные традиции, обычаи и обряды. В советское время празднование вовсе утратило былое значение и носило фрагментарный эпизодический характер. Разумеется, церковное богослужение в день Святой Троицы (Пятидесятницы) также не исполнялось. Однако благодаря инициативности местных жителей празднование Троицы возобновилось, что явилось ярким примером позитивного этнокультурного опыта возрождения локальных обрядовых практик русского населения Среднего Поволжья.

Ключевые слова: традиция, этнография, Троица, народные праздники, Троицкие гулянья, этнофестивали, возрождение традиций.

Для цитирования: Гуцина Е.Г. Троицкие гуляния в Аксубаевском районе Республики Татарстан / Е.Г. Гуцина, Д.В. Егоров, А.Х. Мингалиев // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 37-40. DOI:10.31483/r-97494.

Pentecost Church-Ale in the Aksubaevsky District of The Republic of Tatarstan

Elena G. Gushchina^{1а}, Danila V. Egorov^{2б}, Arslan H. Mingaliev^{1с}¹BEI of HE Ethnographic Museum of FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation.²FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation.^а <https://orcid.org/0000-0001-6225-8216>, e-mail: egguschina@mail.ru^б <https://orcid.org/0000-0001-6769-7429>, e-mail: etnomuseum@mail.ru^с <https://orcid.org/0000-0003-0808-2883>, e-mail: arslan.mingaliev@yandex.ru

Abstract: In the article the authors on the basis of materials, consider the issues of preserving cultural traditions of the Russian population of the Middle Volga region, namely the revival of the Pentecost church-ale in 20–21 centuries on the example of the Russian national center of Aksubaevsky district of the Republic of Tatarstan. The experience accumulated over the thirty-year history of the revival of the holiday has not yet become an object of study of scientists, which determines *the relevance* of our work. *The aim* is to consider the features of the local version of the celebration of the Pentecost and the specifics of the revival of folk tradition in the modern world. The authors used general historical *methods* and special *methods* of ethnology: included observation and in-depth interview. Pentecost in its original meaning is a church festival. But it also incorporated folk traditions, customs and rituals. In Soviet times the celebration completely lost its former significance, the church service on the Whit Monday (Pentecost) was also not performed. Thanks to the initiative of local residents, the celebration of the Pentecost was resumed, which was a vivid example of the positive ethno-cultural experience of the revival of local ritual practices of the Russians of the Middle Volga region.

Keywords: tradition, ethnography, Pentecost, national holidays, Pentecost church-ale, ethnic festivals, revival of traditions.

For citation: Gushchina E.G., Egorov D.V., & Mingaliev A.K. (2021). Pentecost Church-Ale in the Aksubaevsky District of The Republic of Tatarstan. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 37-40. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97494.

Введение

Народные праздники занимали особое место в крестьянской культуре. Праздники делились на общие, которые справлялись на всей территории расселения русских крестьян, и местные. Следует отметить, что праздники и фольклор русских Татарстана является частью общерусской традиции. Традиции празднования создавались на протяжении длительного времени русскими, пришедшими на территорию края из разных российских губерний, принадлежащим к разным социальным группам.

Праздники различались и в разные временные периоды – менялись формы празднования, изменялся песенный жанр. В советском Татарстане, как и по всей России, главную роль в календаре стали играть новые праздники и обычаи; а на смену традиционным обрядам пришли спортивно-состязательные соревнования. Народные массовые праздники стали проводить по сценариям, где народу часто отводилась роль зрителей, а не активных участников. Стали организовываться художественные самодеятельные коллективы, которые исполняли «народные» песни, часто не характерные для данной местности, но популярные и любимые.

Возрождение народных традиций и праздников начинается в 90-х гг. XX в. Примером может служить реконструкция праздника Троицы в Аксубаевском районе Республики Татарстан. Вместе с тем накопленный за тридцатилетнюю историю возрождения праздника опыт еще не становился объектом изучения ученых, чем и обуславливается актуальность нашей работы. Целью работы является рассмотреть особенности локального варианта празднования Троицы и специфику возрождения народной традиции в современном мире.

Материал и методы исследования

В работе использовались как общеисторические методы, так и специальные методы этнологии: включенное наблюдение и глубинное интервью. Проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы позволили рассмотреть бытование праздника Троицы в хронологической последовательности и провести сопоставление с общероссийской традицией празднования. Методы включенного наблюдения и глубинного интервью позволили зафиксировать специфические особенности празднования Троицы на современном этапе с учетом локальных особенностей. В работе использованы полевые материалы авторов (ПМА), собранные в период 2018–2020 гг. в ходе экспедиции в Аксубаевский район Республики Татарстан.

Результаты исследования и их обсуждение

День Святой Троицы, или день Пятидесятницы – православный праздник, почитающийся среди русского населения наравне с другими великими православными праздниками. Празднование Троицы в нашей стране имеет глубокие исторические корни: впервые в обрядовую практику Русской православной церкви празднование Пятидесятницы было введено еще в начале XV в. [4, с. 114].

Троица воплощает в себе фундаментальную христианскую идею триединства Бога, благодаря чему праздник имеет высокую значимость и устойчивость в православном сознании. Несмотря на явное монотеистическое основание, Троица не избежала участи сращения в народной практике со многими дохристианскими праздниками с сопутствующим переплетением традиций.

В народной традиции Троица входит в праздничный цикл, который начинается с семика и заканчивается Духовым Днем. Так, празднование Троицы и семика приходилось на конец весеннего периода, и в народном календаре они отмечались друг за другом, а в ряде регионов центральной части России и вовсе совпадали с незначительной разницей в один-два дня. Следует напомнить, что семик – это древний восточнославянский праздник, знаменующий наступление лета. В ходе продолжительных этнокультурных контактов схожие праздники появились и у неславянских народов Поволжья (например, Семьк у марийцев). С принятием христианства праздник был приурочен к Троице, но продолжал одержать в себе древние обряды (поминание усопших, девичьи гулянья, кумления), в том числе и отражавших переходное состояние. Как весенняя природа, молодые девушки расцветали, но еще не плодоносили. В народе Троица считалась исключительно девичьим праздником. Нарядно одетые девушки прогуливались, собирались вместе и совершали определенные ритуальные действия – кумление, крещение и похороны кукушки, обряды с березой (завивание берез), гадания на будущее, сбор лекарственных растений.

Формы проведения Троицких обрядов и гуляний имели локальные традиции. Зачастую даже в близлежащих селениях комплекс обрядовых действий в некоторой степени имел значительные расхождения, и, в целом, сами Троицкие гуляния несли сугубо индивидуальный характер в зависимости от местности их проведения.

Однако, несмотря на имеющиеся различия, едиными для всего русского населения, вне зависимости от территории расселения, были обрядовые практики с березой, которая считалась древним символом счастья и добра, а также спасения от нечистой силы и злых чар. Вместе с тем, береза и играла роль связующего звена между миром живых и миром мертвых. Учитывая, что Троица вбирала в себя комплекс поминальных обрядовых действий, береза в данном случае для православного населения, сохранившего в сознании «природную близость» к дохристианским верованиям, играла для их исполнения существенную роль. Чаще всего подобными поминальными днями была суббота, предшествовавшая дню Троицы, и Духов день, который наступал после святого праздника [3, с. 55].

Другой важной частью Троицкого обрядового комплекса является кумление. Это обряд инициации в цикле весенне-летних праздников восточных славян, а также форма молодежного союза [1, с. 42–46]. И.И. Шангина отмечает, что данный обряд соотносится с пережитком обрядов инициации, которые символизировали готовность молодых девушек к заключению брака и вступлению во взрослую семейную жизнь [4, с. 115–117]. Именно с обрядом кумления и связан обычай завивания ветвей березы. Правильное проведение данного обряда предполагало коллективный выбор молодыми девушками березы с обвисшими ветвями, последующее парное завивание этих ветвей, заплетение ветвей в косы и связывание их лентами. Обряд сопровождался девичьим хороводом под песни и пляски, после чего устраивался пир, на котором пили мед и ели яичницу. Основным смыслом обряда являлось сплочение дружескими отношениями молодых девушек. Чаще всего кумами становились две подруги, которые во время обряда завивания березки клялись друг другу в вечной дружбе и любви. С этого момента они могли доверять друг другу любые секреты, дарить друг другу подарки и надеяться на взаимную помощь. Считалось, что покумившиеся девушки вступали тем самым в духовное родство, которое можно сравнить с родством крестных отца и матери. Однако кумовство длилось недолго, зачастую, через неделю после Троицы, в следующее воскресенье, на том же самом месте, где ранее происходил обряд кумления, девушки устраивали обряд раскумления, в ходе которого они возвращались к своему прежнему состоянию, возвращая при этом подаренные ранее подарки. Данный обряд был характерен для центральной и южной части европейской части России. Но сама суть обряда кумления осталась незатронутой: они совершили переход в брачный возраст [5, с. 160–164].

Забегая вперед, скажем, что действие с березой не всегда ограничивались лишь ее завиванием и развиванием. В ряде регионов России обряд развивания и вовсе не проводился, например, на территории Среднего Поволжья. Там сразу после обряда завивания березы дерево срубали, украшали платками и проносили через всю деревню к реке и сбрасывали в воду с навесного моста. Бывали случаи, когда обряд развивания проводили у самой реки, снимали с березы все ее украшения и только потом спускали ее по воде.

Стоит отметить, что празднование Троицы, как в послереволюционной России, так и в современной уже носило не повсеместный характер [5, с. 159]. Лишь в 1990 г. наметилась тенденция к возрождению позабытых праздников и сопутствующим им обрядовых практик. Процесс возрождения троичских гуляний и самой Троицы как важной составляющей культуры русского населения можно рассмотреть на примере Русского национального центра Аксубаевского района Республики Татарстан.

Русские составляют лишь пятую часть населения района – 16,8%. Учитывая этническое разнообразие местности (помимо русских в Аксубаевском районе проживают чуваша – 44% и татары – 38,5%), празднование Троицы стало оптимальным способом удовлетворения этнокультурных и конфессиональных потребностей православных русских. Реставрация традиций может стать связующим звеном поколений. Троичские хороводы, песни и исполняемые на гармонии мелодии собирают в Аксубаевском районе гостей не только из Татарстана, но и сопредельных регионов страны: Самарской, Рязанской, Саратовской и других областей. В Аксубаевском районе созданы два русских национальных центра – на базе Нижнебаландинского и Кривоозерского сельских Домов культуры. Каждый из русских национальных центров представляет самостоятельный коллектив взрослых и детей (например, в Нижнебаландинском сельском Доме культуры это взрослый коллектив «Калина» и детский коллектив «Веретеньшко»). Ежегодно, начиная с середины 1999 г., коллективы организуют празднование Троицы и готовят концертную программу, успевшую зарекомендовать себя и за пределами республики.

На основе полевых материалов автора, собранных методами включенного наблюдения и глубинного интервью в период в 2018–2020 гг., более подробно раскрываются локальные особенности проведения Троицы. Результаты исследования локальных традиций в празднично-календарной обрядности могут служить важным источником этнографических сведений о русском населении Среднего Поволжья, а также дать почву для проведения дальнейших исследований в данной области научных знаний. Так, в своих исследованиях советский и российский этнограф Е.П. Бусыгин, изучая материальную и социальную культуру русского населения края и сравнивая ее с великорусской культурой в целом, пришел к выводу, что русские Среднего Поволжья являются отдельной локальной группой – «поволжскими великороссами», существенно отличающейся от русского населения центральных, южных и северных областей нашей страны [2]. При этом изучению духовной культуры, в том числе праздников и обрядов, в советское время было уделено гораздо меньшее внимание.

В русском национальном центре Нижнебаландинского сельского Дома культуры празднование Троицы разделено на два этапа. Первый этап включает себя концертную программу, где под звуки гармони исполняются русские народные песни, танцы и водятся хороводы вокруг молодой и пышной березки. Второй этап праздника – обрядово-сакральная часть. После завершения концертной программы все плавно перетекает к обряду завивания березки. В виду локальных традиций, сначала это делают молодые девушки, что символизирует обряд кумления, и лишь затем к березке может подойти любой желающий. Обычно люди подходят со своими лентами или платочками, так как считается, что берез-

ка слышит просьбы только тех, кто оставляет на ней свои собственные вещи. После того, как обряд завивания подошел к концу, наступает этап «проноса» березы через всю деревню до реки. При этом сопровождают березку все присутствующие гости. Под музыкальное сопровождение гармони и хоровых песен, все посетившие праздник гости направляются к навесному мосту, где и должна произойти развязка обряда. Гости несут с собой угощения, главным образом пироги, пшеничную кашу в чугунных горшках, квас. Также у каждого присутствующего должна быть березовая ветка, которую сорвали во время завивания дерева. Считается, что сорванная ветвь принесет удачу и исполнит желание того, кто оставил на березе свою ленту или платочек. Обрядом раскумления как такового среди русского населения Аксубаевского района нет. Об этом свидетельствует факт, что приходящие на праздник женщины-старожилы обращаются к своим подругам словами «кума» или «кумушка».

Когда процессия доходит до реки, наступает этап прощания с березой. Ее вновь устанавливают у берега и начинают водить вокруг нее хороводы, при этом гости угощают друг друга принесенными вместе с собой к реке угощениями. После небольшой трапезы под звуки гармони и девичьи хороводы вокруг березки, часть гостей, оказавшихся рядом, поднимаются на навесной мост, где и должен произойти спуск. Сильный юноша или мужчина поднимает березку на мост и становится с ней в центре. При этом на березке остаются ленты, завязанные девицами и гостями. Среди местного населения считается, что березка должна унести вместе с собой все их желания, которые символизируют повязанные ленты, чтобы они обязательно исполнились. Под хоровое пение всех участников березу опускают в реку. Как правило, уходить с моста никто не торопится. Каждый присутствующий наблюдает, как береза плывет по течению. Лишь после того, как она скроется за поворотом реки, все спускаются с моста с надеждой на исполнение их желаний. Повторяя мелодии и песни, люди возвращаются к центру села, где начинался праздник. На пути к центру они также проходят по главным улицам села, говоря жителям приятные и хорошие слова и вселяя надежду на вечерний троичский дождь. Среди местного населения бытует поверье, что дождь на Троицу – добрый знак. Это знак, что Бог услышал их молитвы и все прошения, как личные, так и общественные, поэтому они обязательно сбудутся, хлеба уродятся, и люди будут жить в достатке.

Вместе с тем респонденты отмечали организационные и информационные сложности, отсутствие государственной и общественной поддержки при возрождении празднования традиционных среди русского населения Троицы, Рождества, Масленицы. Фактически единственными источниками знаний о традициях проведения обрядов черпали из рассказов старожилов сел. Сейчас с каждым годом фиксируется устойчивая тенденция к увеличению числа участников троичских хороводов, расширению информационного охвата о проведении Троицы (видеосюжеты республиканского телеканала, любительские ролики в интернете, которые служат дополнительным «пиаром» для привлечения желающих).

Выводы

Троица в своем первоначальном значении является, прежде всего, церковным праздником. Вместе с тем он

также вообрал в себя народные традиции, обычаи и обряды. В советское время празднование вовсе утратило былое значение и носило фрагментарный эпизодический характер. Разумеется, церковное богослужение в день Святой Троицы (Пятидесятницы) также не ис-

полнялось. Однако благодаря инициативности местных жителей празднование Троицы возобновилось, что является ярким примером позитивного этнокультурного опыта возрождения локальных обрядовых практик русского населения Среднего Поволжья.

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. К (Круг) – П (Перепёлка) / Т.А. Агапкина; под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Межд. отношения, 2004. – С. 42–46.
2. Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.) / Е.П. Бусыгин. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2013. – 530 с.
3. Фурсова Е.Ф. Календарные обряды. Ч. 2: Обычаи и обряды летне-осеннего периода / Е.Ф. Фурсова. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – 268 с.
4. Шангина И.И. Русские праздники / И.И. Шангина, А.Ф. Некрылова. – М.: Азбука-Аттикус, 2013. – 464 с.
5. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники / И.И. Шангина. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 557 с.

References

1. Agapkina, T.A. (2004). Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar': v 5 t. T. 3. K (Krug), 42-46. M.: Mezhd. otnosheniia.
2. Busygin, E.P. (2013). Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ia: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (seredina XIX – nachalo XX v.), 530. Kazan': Tat. kn. izd-vo.
3. Fursova, E.F. (2003). Kalendarnye obriady. Ch. 2: Obychai i obriady letne-osennego perioda., 268. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN.
4. Shangina, I.I., & Nekrylova, A.F. (2013). Russkie prazdniki., 464. M.: Azbuka-Attikus.
5. Shangina, I.I. (2003). Russkii narod. Budni i prazdniki., 557. SPb.: Azbuka-klassika.

Информация об авторах

Гушина Елена Геннадьевна – канд. ист. наук, директор Этнографического музея ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация.

Егоров Данила Витальевич – студент ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация.

Мингалиев Арслан Хайрутдинович – хранитель музейных предметов Этнографического музея ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация.

Information about the authors

Elena G. Gushchina – candidate of historical sciences, chief of Ethnographic Museum of FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation.

Danila V. Egorov – student of FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation.

Arslan H. Mingaliev – curator of museum objects of Ethnographic Museum of FSAEI of HE "Kazan (Volga Region) Federal University", Kazan, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 24.12.2020

Принята к публикации / Accepted 19.01.2021

Опубликована / Published 12.03.2021

Изучение ассирийской диаспоры Центральной России на примере сообществ городов Рязанской области

DOI 10.31483/r-97795

УДК 39

Михайлов С.С.

Музей истории и культуры старообрядчества,
Москва, Российская Федерация.
 <https://orcid.org/0000-0001-5541-425X>, e-mail: mesherdkray@mail.ru

Резюме: История ассирийцев, обосновавшихся на территории России, – важная и малоизученная тема. Цель статьи – познакомить читателей и научную общественность с результатами исследования ассирийской диаспоры Рязанского региона. Были изучены локальные ассирийские сообщества, сформировавшиеся в 1920–1930-х гг. Рязанского региона России. Применение методов полевого исследования позволило нам выявить, что в Рязани в XX столетии возникло два маленьких ассирийских некрополя – на исторических Лазаревском и Скорбященском кладбищах. Автором были осмотрены местные захоронения, сохранившиеся на 2019–2020 годы. Рязанский ассирийский некрополь не отличается от мест компактного погребения представителей этого народа в других городах, которые осмотрены автором. Тем не менее он весьма важен для изучения этой диаспоры. Результаты исследования показали, что ассирийский народ подразделялся к началу XX в. на два десятка субэтносов (племен), представители некоторых племенных и сельских групп создавали диаспоры. Касательно Рязани это, большей частью, выходцы из независимой («аширетной») области Джила (племя джилвая), маликства Джила Горта (Большая Джила), из сел Алсан (локальная группа аласная), Зирини (зерная), Миди (медная). В России оказалось достаточно небольшое число семейств беженцев – выходцев из аширетного независимого маликства – Тхума (племя тхумная), а также выходцев из небольшого селения Швава, жители которого составляли небольшую группу шаветная. В последнем случае мы установили название рода – отжах, к которому относилась семья – Би-Сулу. Рязанские тхумная, судя по тому, что мы знаем об их соплеменниках в соседних Москве, Туле, а также в Грузии, скорее всего, были выходцами из села Мязря (группа мазерная). В работе приводятся факты истории маленьких ассирийских сообществ других городов Рязанской области – Касимов, Рязжск и Михайлов. Основное профессиональное занятие представителей ассирийских сообществ в 1920–1970-х годах – чистка обуви. Сделан вывод о том, что ассирийцы, несмотря на малую численность диаспоры, играли важную роль в городской культуре Рязани XX века. В дальнейшем мы намерены расширить источниковую базу исследования и продолжить изучать различные аспекты жизни ассирийцев в России.

Ключевые слова: ассирийцы, диаспора, Рязань, Рязанская область, Рязжск, Касимов, Михайлов, некрополь.

Для цитирования: Михайлов С.С. Изучение ассирийской диаспоры Центральной России на примере сообществ городов Рязанской области // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 41-47. DOI:10.31483/r-97795.

The Research of the Assyrian Diaspora in Central Russia on the Example of the Communities of the Ryazan Region Cities

Sergei S. Mikhailov

Museum of the History and Culture of the Old Believers,
Moscow, Russian Federation.
 <https://orcid.org/0000-0001-5541-425X> e-mail: mesherdkray@mail.ru

Abstract: The article attempts to reconstruct the image of a witch based on the interrogation records of those accused of witchcraft during the history of the Assyrians who settled on the territory of Russia is an important and understudied topic. The purpose of the article is to acquaint readers and the scientific community with the results of the study of the Assyrian diaspora in the Ryazan region. The local Assyrian communities formed in the 1920s-1930s were studied. Ryazan region of Russia. Using the methods of field research, we find out that in Ryazan in the twentieth century, two small Assyrian necropolises arose – at the historical Lazarevskoye and Skorbyashensky cemeteries. The author inspected the graves preserved for 2019–2020. The Ryazan Assyrian necropolis does not differ from the places of compact burials of representatives of this people in other cities, which were examined by the author. Nevertheless, it is very important for the study of this diaspora. The results of the study showed that the Assyrian people were subdivided by the beginning of the twentieth century. for two dozen subethnos (tribes), representatives of some tribal and groups created diasporas. Regarding Ryazan, this is a large part, natives of the independent («ashiret») region of Djilu (the Jilvai tribe), the Maliks of Djilu Gorta (Big Djilu), from the villages of Alsan (local group of alasnaya), Zirini (grain), Midi (copper). A rather small number of families turned out to be in Russia – natives of the Ashiret independent Maliks – Thuma (the Thumnaya tribe), as well as natives of the small village of Shvava, whose inhabitants make up a small group of Shavetnaya. In the latter case, we have established the name of the genus-otzhah. Ryazan thumnaya, judging by what we know about their fellow tribesmen in neighboring Moscow, Tula, as well as in Georgia, most likely came from the village of Myazrya (maser group). The paper presents facts of the history of small Assyrian communities in other cities of the Ryazan region – Kasimov, Ryazhsk and Mikhailov. The main professional occupation of the representatives of the Assyrian communities in the 1920–1970s was shoe cleaning. It is concluded that the Assyrians, despite the small number of the diaspora, played a role in the urban culture of Ryazan in the twentieth century. In the future, we intend to expand the resources of the research base and continue to study various aspects of the life of the Assyrians in Russia.

Keywords: assyrians, diaspora, Ryazan, Ryazan region, Ryazhsk, Kasimov, Mikhailov, necropolis.

For citation: Mikhailov S.S. (2021). The Research of the Assyrian Diaspora in Central Russia on the Example of the Communities of the Ryazan Region Cities. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 41-47. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97795.

Введение

На территории России проживает большое число этнических сообществ, как коренных, так и диаспор, которые в разное время переселялись на нашу территорию. Некоторые народы исследованы достаточно хорошо, им посвящено большое число публикаций, включая монографии. Другие народы, большей частью имеющие свои корни за пределами нашей страны, до сих пор представляют собой «белые пятна», хотя на протяжении длительного времени их представители играли и продолжают играть свою роль в жизни российского общества. В первой трети XX столетия во многих городах Европейской России, прежде всего крупных, а также расположенных на линиях железных дорог, появились весьма небольшие, но при этом интересные диаспоры ассирийцев, иногда упоминаемых в литературе и разговорной речи под этнонимом «айсоры». Они представляли большей частью волну беженцев-христиан, происшедших с юго-востока нынешней Турции, южной части Ванского вилайета, спасавшихся от чудовищной резни, развязанной в годы Первой Мировой войны. Формирование диаспор происходило большей частью в 1920 – 1930-х гг. – семьи беженцев, в период между переходом российской границы и окончательным оседанием в том или ином городе, в большинстве случаев сменяли по несколько мест жительства, переезжая в поисках более приемлемого места, из региона в регион. Поскольку властями беженцам было навязано весьма специфическое занятие – чистка обуви – не одно десятилетие ассирийцы являлись частью городского колорита, работая на «стоянках» (термин из профессионального жаргона) на городских улицах, площадях, рынках, торгуя сопутствующим товаром (шнурки, стельки и т. п.). Несмотря на то, что ассирийцы играли весьма интересную роль в городской культуре России, а также и то, что немало представителей этого народа, разумеется, отметились как яркие представители местной науки, культуры, спорта, на производстве и т. п., прежде этот народ почти не привлекал внимание историков и этнологов, за исключением редких представителей самого рассматриваемого этноса.

Результаты и обсуждение

В этом повествовании мы хотели бы коснуться проблем изучения диаспоры, которая сформировалась в Рязанской области, прежде всего в самом областном центре, а также еще нескольких городах. Сразу отметим, что, когда речь заходит об городских сообществах рассматриваемого народа, то мы видим не привычные нам диаспоры в десятки или сотни семей, а о маленьких группах, численность которых редко где превышала десятков семей, а то и ограничивалась одним ассирийским семейством, остававшимся в том или ином городе после выезда из него остальных соплеменников (изначально беженцы старались селиться пусть и небольшими, но группами). Тем не менее для выяснения общей картины данной диаспоры, мы стараемся учитывать и самые маленькие прецеденты поселения ассирийских семей, тем более что и они являются неотъемлемой частью большой схемы расселения локальных племенных и сельских сообществ этого народа. В небольших городах, где жило по одной-две-три семьи ассирийцев, часто можно зафиксировать много ценных сведений историко-этнографического характера.

К сожалению, такая интереснейшая диаспора, ставшая, несмотря на свою крайне маленькую численность, частью городской бытовой культуры XX столетия, в России почти не исследована. В наше время лучшим знатоком истории ассирийцев на территории бывшего СССР является представитель этого народа, заведующий библиотекой Санкт-Петербургской Духовной Академии, архимандрит Стефан (Садо). Он продолжает исследовательскую работу, начатую еще его отцом, Михаилом Юхановичем Садо (1934–2010), известным лингвистом, семитологом, общественным деятелем, является автором ряда книг, ставших уже классическими для всех, кто интересуется ассирийской темой. Одна из них – «Мартиролог ассирийцев СССР», вышедшая в 2017 г., в которой собраны сведения о всех соплеменниках, пострадавших в СССР в ходе репрессивной политики [2]. Однако для нас главным источником получения информации по изучению истории и культуры ассирийских диаспор российских городов, включая и интересующую нас Рязань, является поле, т.е. воспоминания самих членов диаспор, а также тех, кто так или иначе с ними соприкасался. Посвященную ассирийцам городов Европейской России, за исключением материалов, опубликованных автором, можем назвать лишь общую статью К.П. Матвеева, в которой, однако, нет ни единого упоминания про Рязань и другие города Рязанской области [1, с.46–55].

На территории Рязанского региона, как мы видим из материалов, выявленных о Стефаном (Садо), в 1938 г. было репрессировано всего два этнических ассирийца – О. Давид в Касимове, и Ю. Сулейманов в Михайлове. В связи с этим мы лишены такого источника, как следственные дела, в которых отражалась важная информация о периоде проживания фигурантов на территории нашей страны после пересечения границы в 1915–1917 гг., адреса, члены семей и т. п. К вопросу о том, почему ассирийцы Рязани смогли избежать маховика политических репрессий 1938 г., у нас пока нет информации, как таковой счастливый прецедент мог произойти. Семьи ассирийцев, имевших на тот момент иранское гражданство, жили в соседних кварталах от здания областного НКВД – последнее находилось на ул. Ленина, д. №№46 и 48, а представители рассматриваемого нами этнического сообщества жили на ул. Революции (сейчас снова Соборная), в домах №№2, 10, 12, 26, а также в доме 58 по ул. Подбельского (ныне снова – Почтовая). Вблизи здания спецслужб находилось три стоянки чистильщиков обуви, причем одна из них, самая известная в городе, стояла буквально под окнами сотрудников, на противоположной стороне ул. Ленина. Возможно, у областного НКВД было немало иных «претендентов» за роль «врагов народа» и до ассирийцев просто не дошла очередь, возможно, существовала какая-то другая, ныне неизвестная нам причина.

В Рязани, равно как и в большинстве других городов Центральной России, где автор проводит исследование истории и культуры ассирийских общин, старожилы весьма слабо помнят ассирийцев и их стоянки «Чистка обуви». Исключение представляют люди, кто жил или работал рядом с ассирийцами. Остальные, в лучшем случае, помнят только о каких-то абстрактных «армяшках», грудившихся на нескольких подобных местах, каковые существовали в Рязани в послевоенные

десятилетия. Причисление представителей интересующего нас народа к армянам характерно не только для этого областного центра, но и для Москвы и большинства других городов. Значительно реже этнических ассирийцев могли принимать за греков (Тверь, Серпухов), грузин (Муром). Также рязанцы часто принимали ассирийцев за цыган. К сожалению, большинство горожан мало обращало внимание на стоявшие в городе палатки (на более раннем этапе – стационарные «шкафы»), а еще раньше – просто приносимые на рабочее место ящики для чистки), в которых работали ассирийцы. Специфика русских провинциальных городов – большинство горожан не имели особой культуры в плане ухода за обувью, не так часто покупали шнурки, стельки и пр. товар, реализуемый на стоянках, поэтому фиксировать воспоминания о них достаточно сложно. К тому же российский горожанин XX века, из числа представителей титульной русской нации – человек достаточно нелюбопытный, в отличие от тех же выходцев с Востока, которые в советский период достаточно хорошо знали и другие диаспоры своего города. К тому же сейчас, в конце первой четверти XXI в., осталось мало очевидцев, кто мог бы что-то рассказать. Главным источником сведений по исследуемому объекту остаются немногочисленные ныне потомки самих ассирийских семей, коих также остается мало – многие переехали в Москву и другие города.

При изучении локальных ассирийских сообществ, сформировавшихся в 1920–1930-х гг., учитывая предыдущую историю и специфику ассирийского народа, подразделявшегося к началу XX в. на два десятка субэтносов (племен), весьма важно выявлять и составляющую диаспор, т.е. представители каких племенных и сельских групп их создали. Касательно Рязани, это большей частью выходцы из независимой («аширетной») области Джилу (племя джилвая), маликства Джилу Горга (Большая Джилу), из сел Алсан (локальная группа аласная), Зирини (зерная), Миди (медная). Помимо джилвая, в городе проживало какое-то число семей выходцев из также аширетной области-маликства Диз (дизная), однако, поскольку сейчас уже в городе не осталось их потомков, никто не может назвать из какого именно села (сел-?) они происходят. По косвенным сведениям, это могут быть уроженцы из села Мадис (мадесная), которых также было много в Москве, равно как и дизная ряда других сельских групп. Нам также известно о семьях выходцев из еще одного аширетного независимого маликства – Тхума (племя тхумная), – из которого в России оказалось достаточно небольшое число семейств беженцев, а также выходцев из небольшого селения Швава, жители которого составляли небольшую группу шаветная. В последнем случае нам даже известно и название рода-отца, к которому относилась семья – Би-Сулу. Рязанские тхумная, судя по тому, что мы знаем об их соплеменниках в соседних Москве, Туле, а также в Грузии, скорее всего были выходцами из села Мязря (группа мазерная). Возможно, прежде всего на раннем этапе истории диаспоры, в городе жили выходцы из других групп, о которых уже ничего не знают нынешние ассирийцы-старожилы.

Конечно же, важным элементом истории и культуры городского этнического сообщества является место последнего упокоения его членов, а именно кладбище.

Именно на него мы хотели бы обратить особое внимание в этом повествовании, благо его изучение немало помогает в изучении диаспоры в целом. Некрополь рязанских ассирийцев, семьи которых обосновались в городе в 1920–1930-х гг., появился на двух сохранившихся доньне старинных городских кладбищах – Скорбященском (существует с 1784 г.) и Лазаревском (основано в 1774 г.). На последнем хоронили преимущественно выходцы из села Зирини, члены семей Биткаш, Миди, Варда. Погребения здесь производились до того момента, как в 1968 г. Лазаревское было официально закрыто и там стало невозможным подзахоранивать усопших даже в родственные могилы. К сожалению, сейчас уже никто не сможет нам сказать, какова была причина, что рязанские зерная стали хоронить не там, где возник некрополь соплеменников, включая и выходцев из того же маликства Джилу Горга, т.е. на Скорбященском, о котором мы подробнее поговорим чуть ниже, а выбрали другое кладбище. Мы можем здесь предположить, что указанные семьи этой локальной группы прибыли в город к уже проживавшим здесь односельчанами, которые вскоре покинули Рязань, и хоронили там, где уже были их могилы. В настоящее время память об этих ранних рязанских ассирийцах утрачена старожилами и рассказать об этой странице истории некому. Одним из косвенных подтверждений этому может быть тот момент, что семьи Миди, Биткаш проживали в самом центре города, напротив рязанского кремля, в самом первом доме (№2) по ул. Соборной (Революции). В 1930-х гг., когда указанные семейства прибыли в город, Рязань была переполнена и найти угол, не имея родственников или знакомых, уже обосновавшихся здесь, можно было разве что на окраине. Миди и Биткаш могли поселиться в доме, где жили односельчане, которые переехали сюда в 1918 – начале 1920-х гг., а, возможно, обосновались в Рязани еще до 1914 г. К сожалению, информации об этом мы уже не найдем в архивах, а старожилов, которых нам удалось опросить, ничего про это не знают. Единственное, что сохранила историческая память семьи Миди, это то, что ее представители прибыли в интересующий нас город, поскольку знали, что здесь живут соплеменники. Однако, к 1930-м гг. соплеменники – беженцы проживали в достаточно большом количестве городов, речь здесь идет о соплеменниках-односельчанах, которые в силу того, что выходцев из Зирини оказалось в России не так уж много, могли принять и помочь и размещением.

На Скорбященском кладбище погребения ассирийцев нами обнаружены в двух местах. Одно из них – на стыке территорий исторического городского православного некрополя и Старообрядческого кладбища. Это место компактного погребения представителей группы зерная, где они стали хоронить своих усопших после закрытия для погребения Лазаревского кладбища. Здесь мы видим могилу с памятником, под которым покоятся Мельхиседек Михайлович Биткаш (1925–1972), Амнувел Михайлович Миди (1902–1984) и Мария Даниловна Миди (урожденная Биткаш, 1911–1981), могилу отца и сына Варда: Семена Мироновича (1891–1972) и Владимира Семеновича (1932–1999). Рядом с Варда, уже фактически на территории Старообрядческого кладбища, находится могила Владимира Юхановича Георгизова (1918–1988). По словам информантов, последний по

материнской линии был родственником семьи Биткаш. Еще один член семьи Варда, Зиновий Семенович, лежит чуть поодаль от отца и брата, в ряду захоронений известных горожан, на границе Старообрядческого и Ленинградского кладбищ.

Другой «куст» семейных могил рязанских ассирийцев расположен вблизи православного храма (в советское время не закрывался), на 8, 9 и 10 участках. Здесь хоронить начали сразу по мере ухода из жизни беженцев, переселившихся в Рязань. Судя по всему, эта часть национального некрополя возникла в 1920-х гг., когда престижные места у храма, где ранее хоронили рязанские дворяне, купцы – представители городской зажиточной и высокопоставленной верхушки, оказались бесхозными и их получали обычные жители города. Первые две обнаруженные нами ассирийские могилы, находящиеся метрах в тридцати от храма, достаточно хорошо видно с основной аллеи нынешнего Скорбященского храма. Одна из них с одним погребением (возможно, здесь лежат и другие члены семьи, памятники которых не сохранились) – Херро Юнан Ишо (1884–1953). Рядом с Х. Ишо, под одним памятником, похоронены Варда Денхаевич Шуман (1880–1953), его сын, Владимир Вардаевич Шуман (1928–1965), а также Владимир Сергеевич Аизов (1929–1990). Нынешние рязанские ассирийцы-старожилы ничего не помнят об этом семействе. Фамилия «Аизовы», которая, скорее всего, является искаженной от «Азизовы», которая также встречается у ассирийцев нашей страны, более не встречается. Судя по запущенному состоянию захоронения, более молодые поколения семьи давно покинули город. Нам известно, что фамилия «Шуман» также встречается в диаспоре ассирийцев соседнего областного центра Тула, возможно, что ее рязанские носители являются одной из ветвей этого семейства и также принадлежат к выходцам из области Джилу, из с. Алсан (аласная).

В глубине участка, метрах в 8–10 от Ишо и Шуман, мы видим могилу членов семьи Херб и могилу Юлии Михайловны Аванесян (1929–2017). На могиле Херб стоит один памятник, на коем выбиты имена трех человек, а именно матери и двух ее сыновей: Сарра Ихс Херб (1884–1871), Михаил Юханнович Херб (1925–1944) и Яков Юнанович Херб (1922–1957). На деле же под памятником лежат всего двое – в третьем случае мы имеем дело с кенотафом М.Ю. Херба, который погиб в годы войны в Прибалтике и настоящее захоронение которого находится именно там. Семья Херб по племени происхождения является ассирийцами-дизная (область-маликство Диз), однако, мы пока не знаем из какого именно селения, а, следовательно, и локальной группы. В настоящее время в Рязани не осталось членов этого семейства, а соплеменники из других групп данной информацией не располагают. Ю.М. Аванесян погребена в одной ограде с Херб, под отдельным памятником. По словам старожилов, она по происхождению связана с ними, а свою фамилию получила уже в замужестве. Касательно армянской фамилии «Аванесян», которая, судя по всему, появилась в документах при пересечении российской границы, в 1915–1916 гг. Семья же, как мы знаем и от ассирийцев-старожилов, и от знавших семью других рязанцев, являлась чисто ассирийской. Аванесян происходили из небольшого селения Швава, в южной части Ванского вилайета, неда-

леко от области Гявар. Жители этого села считались самостоятельной группой и были известны в ассирийской среде под названием «шаветная». От московских представителей этого маленького сообщества, мы знаем, что в Рязани обособилась только одна семья шаветная, которая относилась к роду-отжак Би-Сулу. По сведениям, которые сообщил автору архимандрит Стефан (Садо), в документах 1920-х гг. старшее поколение Аванесян писалось в варианте «Аванесовы». Ю. Аванесян погребена рядом с членами семьи Херб по причине родственных отношений с ними. О месте погребения старших поколений Аванесян мы скажем чуть ниже.

Далее, в глубине, на небольшом пригорочке, мы видим могилы членов семьи Аванесян. Здесь, в одной ограде, мы видели два памятника, один из которых стоит на захоронении старшего поколения семьи, супругов Абрама Иосифовича (1871–1960) и Шуша Сулеймановны (1882–1975), а второй – сына Андрея Абрамовича (1920–1999). В нескольких метрах от них, с железными оградой и крестом, сохранилась могила 1950-х гг., которая в марте 2020 г., когда автор производил осмотр, была достаточно запущенной. На кресте была табличка: «Елена жена Якуба Давида, род 1880 г. в г. Урмий, скончалась г. Рязани 1959 г.». В данном случае мы видим на данный момент эксклюзивное для Рязани и крайне редкое для русского провинциального города упоминание о месте рождения погребенной представительницы ассирийского этноса. Единственный известный нам некрополь, в котором могил с указанием родных сел беженцев, а также областей и даже в некоторых случаях родов-отжак, это московское Ваганьковское кладбище, на котором (участки 3 и 6) расположен некрополь племен джилвая и куная. В большинстве других случаев ассирийские могилы мы можем, если, конечно, нам кто-то целенаправленно не указал на них, можно отличить характерными именами, отчествами и фамилиями. На некоторых современных памятниках также можно увидеть ассирийскую символику (изображение флага, «несторианской» формы креста, молитвы традиционным письмом и т. п.). В данном случае упоминание о месте рождения интересно тем, что заказавшие крест и табличку родственники поместили на ней не фактическое место рождения усопшей – семья Давид, как мы знаем, происходила из области Джилу, в Турции, – а то, что было указано в паспорте. Когда беженцы-ассирийцы уходили от геноцида через территорию северо-западной Персии, власти последней, испокон веков претендовавшие на сопредельные турецкие земли, решили воспользоваться ситуацией и щедро раздали происходившим из них христианами свое гражданство. Для получения паспорта надо было указать какое-то мнимое место рождения в данной стране. Беженцы чаще всего называли город Урмия, как наиболее известное место проживания иранских соплеменников. Как мы видим по тексту таблички, потомки даже воспроизвели название города с ошибкой, назвав его «Урмий» вместо «Урмия». Подобные ошибки весьма часто встречаются на ассирийских некрополях, на памятниках того времени и более раннего периода – названия писались на слух, со слов старших родственников, которые зачастую еще весьма слабо владели русским языком.

Рядом с этой могилой, а также соседним захоронением Аванесян, есть несколько заброшенных захороне-

ний с простыми железными крестами (один безымянный старый крест стоит в ограде Аванесян), на которых не осталось ни табличек, ни иных надписей. Возможно, часть этих захоронений может также принадлежать ассирийцам – сейчас уже никто не может что-то прояснить. По поводу Елены и ее семьи, мы знаем, что в 1920–1930-х гг. в Рязани проживали члены семейства Давид, выходцы из с. Алсан, в Джили, из которой происходил и касимовский ассириец Осиф Давид, к сведению, до 1932 г. проживавший в рассматриваемом городе. Мы полагаем, что могила вышеупомянутой «Елены жены Якуба Давида» – единственное сохранившееся захоронение некрополя этого семейства, который мог насчитывать как минимум несколько могил, включая могилу самого Якуба, отца Осифа Давида – Давида, умершего в Рязани в самом начале 1930-х, а также его дяди – Давида Ивановича Бит [2, с. 266].

Несколько особняком расположена могила Лидии Ефимовны Бит-Юхан (1906–1981), находящаяся на 8 участке. Рядом с ней нет других ассирийских захоронений, и никто из нынешних рязанских ассирийских старожилов ничего не может сказать ни об этой женщине, ни об этой, однозначно ассирийской, фамилии в городе. На могиле стоит памятник, поставленный, как свидетельствует надпись-посвящение, от детей и внуков, однако, в 2019–2020 гг., когда автор бывал здесь, захоронение выглядело запущенным. Скорее всего, члены семьи давно покинули Рязань. Фамилия «Бит-Юхан» нам известна у ассирийцев нескольких групп, в том числе и представленных в рассматриваемом городе. В Егорьевске (до мая 1922 г. входил в состав Рязанской губернии) с 1930-х гг. проживает семья Бит-Юхан, представители племени шапатная, выходцы из селения Дарбанд, района Тергевр на границе Турции и Ирана. Ветви этого клана также живут в Ногинске, Электро-стали и Коломне. В Москве семьи с такой фамилией есть в сообществах джилвая, выходцев из с. Алсан, а также дизная. В последнем случае мы видим выходцев из селения Курис (локальная группа курисная), причем ее глава до ареста в 1938-м работал чистильщиком обуви на стоянке у Наркомата Путей Сообщения, что у Красных ворот, недалеко от Казанского вокзала, откуда, как мы знаем, идут поезда в сторону Рязани [2, с. 204]. Нам известно, что семья Бит-Юхан, выходцы из иранской Урмии (селение Ардишай), по крайней мере до репрессий 1938 г. жила в Москве [2, с. 205]. В Рязани могли появиться выходцы из любой из этих групп, точная информация о происхождении семьи и ее рязанской истории может быть получена только от потомков или родственников, которых пока выявить не удалось. Егорьевские Бит-Юханы о том, чтобы кто-то из их клана жил в Рязани, не знают ничего.

Из визуального осмотра Скорбященского некрополя, бесед с ассирийцами-старожилами, которых, к настоящему времени в Рязани остались лишь единицы, сопоставление информации с другими сведениями, обнаруженными по рязанской ассирийской теме, мы можем сделать вывод, что то, что мы видим к 2020 г., является лишь остатками прежнего относительно большого места погребения диаспоры. Здесь выглядит достаточно ухоженным самый новый по времени появления участок – некрополь семей джилвая из с. Зирини, которые стали погребать здесь всего полвека назад. Остальные

«кусты» могил большей частью не ухожены и даже заброшены, за исключением участка Херб – Ю.М. Аванесян.

Далее мы хотели бы немного коснуться некрополя на Лазаревском кладбище. Оно также относится к старейшим сохранившимся некрополям Рязани, было устроено еще в 1770-х гг. Здесь не хоронят с 1968 г., территория сохраняется, однако, находится в сильно запущенном состоянии, хотя вокруг устроена новая ограда. На этом некрополе нам к настоящему моменту известно несколько ассирийских захоронений. Здесь прежде всего следует назвать двух старших представителей семьи Биткаш – Даниила и Марьям Беньяминовны (урожденной Георгиевой). Из семьи Варда здесь погребена Ульяна (Гузу) Мирзаевна (1896–1956), а также ее сын Миру Самму (1924–1940). Здесь же, на Лазаревском, похоронен представитель семейства Ивановых, выходцев из с. Миди, также в области Джили Горга, которого информанты называли по-ассирийски д’Жендо д’Бе-Мамму (1878–1956). С данным некрополем мы еще намерены поработать далее, возможно старожилы смогут показать еще места каких-то погребений, прежде всего семей, которые давно покинули город. Мы не смогли обнаружить на Скорбященском кладбище мест погребения Ивановых, умерших позже 1968 г., которым принадлежала самая известная в городе стоянка, располагавшаяся на углу улиц Ленина и Подбельского. Ее представители к настоящему моменту уже выехали из Рязани, однако, еще в 1990-х гг. они жили в городе, и один из Ивановых работал в обувной палатке на Центральном рынке, другой, его сын, зарабатывавший частным извозом, оказавшись не в том месте не в то время, погиб во время криминальных разборок. По словам информантов – представителей других ассирийских семей, Ивановы были по своему происхождению джилвая, выходцами из села Миди (медная).

Далее мы немного поговорим о других городах рязанской области, в которых известны ассирийцы – представители волны беженцев Первой Мировой войны. В Касимове нам известна одна ассирийская семья, вернее, смешанная, ассирийско-русская, по фамилии Давид. Ее глава – Осиф (Иосиф) сын Давида Давид, 1904 г.р., – перебрался в рассматриваемый город только в мае 1932 г., а до этого проживал в Рязани. О нем мы знаем по материалам о Стефана (Садо), поскольку Давид был арестован в 1938 г. и в 1943-м умер в лагерях [2, с. 266]. Его семья (русская супруга и четверо детей) оставалась жить в Касимове. Нам удалось пообщаться с некоторыми потомками, от которых была зафиксирована сохранявшаяся по состоянию на 2017 г. историческая память семьи. Из новых находок архимандрита Стефана (Садо) нам известно, что в Касимове в 1937 г. умер брат Осифа, т. е. семья не была единственной в городе (информация предоставлена автору о Стефаном в 2019 г.). Но современные потомки семьи Давид ни о каких иных родственниках, живших в этом месте, ничего не знают.

По информации, обнаруженной архимандритом Стефаном (Садо) уже после выхода «Мартиролога...» один ассириец, Юнан Сулейманов, 1874 г.р., был в 1938 г. репрессирован в городе Михайлов. О нем известно, что в указанном городе он поселился только в 1936 г., перебравшись из Москвы. В составе семьи, в след-

ственном деле, указана только 60-летняя супруга Ханна Адеса (информация предоставлена автору О. Стефаном в 2019 г.). Жили ли здесь еще какие-то ассирийские семьи, нам выяснить не удалось. Однако, мы полагаем, что пожилой Сулейманов приехал в город, где явно проживали какие-то родственники. Племенное происхождение этого человека нам не известно, однако, учитывая расположение города Михайлов на железнодорожной линии между городами Кашира. Мичуринск (до 1932 г. – Козлов), вблизи Рязани и Тулы, где нам прежде всего известны выходцы из области Джилу, мы предполагаем, что и здесь жили ассирийцы-джильвая, предположительно из сел Алсан и Зирини. Не исключено также, что крошечная михайловская диаспора была создана и при участии представителей других групп.

Еще одним рязанским городом, в котором нам известна ассирийская диаспора, является Ряжск, также стоящий на линии железной дороги. Ассирийцам Ряжска, также, как и рязанским городским соплеменникам, удалось избежать репрессий 1938 г., в связи с чем мы не имеем под рукой информации из следственных дел, которая могла бы во многом помочь узнать историю местных семей. От директора ряжского краеведческого музея, Галины Васильевны Колосовой (информация 2017 г.) мы знаем, что в 1950-х гг. в городе оставалась только одна семья ассирийцев, которая проживала в центре города, на Комсомольской ул. д. 11 (не сохранился). Русские знакомые и соседи не смогли вспомнить фамилию, однако хорошо знали членов семейства по именам. С ассирийцами русское окружение находилось в весьма хороших отношениях. Глава семейства, Авдо, работал чистильщиком обуви на соседнем рынке. По другим каналам, прежде всего ассирийским, фамилия семьи нам хорошо известна – Бит-Мурад, это также выходцы из с. Алсан. На более раннем этапе, например, еще в 1930-х гг., ассирийских семей в городе было больше. В следственном деле касимовского ассирийца О. Давида упоминается его дядя, названный в следственном деле «Георгий Михаил», живший в Ряжске [2, с. 266].

Последние ряжские ассирийцы, вышеупомянутая семья Бит-Мурад, переехали в Казань в 1960 г. (по некоторым сведениям, одна из родственниц еще несколько лет оставалась в городе). Автор в начале 2020 г. беседовал в Казани с их потомками, однако, они уже ничего не могли сказать об интересующем нас периоде. К сожалению, семейный архив сгорел во время пожара старого дома в Васильево. В Ряжск никто из Бит-Мурад более не приезжал, сохранялись ли на местном кладбище ассирийские могилы, не известно. Представитель семейства – Харибо Бит-Мурад, – родившийся уже после переезда, в 1960 г., смог дать какие-то отрывочные сведения, например, сообщил названия субэтнических групп «ханесная» и «марбушная», которые, как мы полагаем, на раннем этапе проживали в городе вместе с аласная, или же находились в родстве с местными семьями ассирийцев из Алсана. Ряжского адреса, а также других подробностей информант не знал. К сожалению, сейчас Х. Бит-Мурад является последним старожилом из бывшего ряжского семейства, поскольку его старший брат вскоре после приезда в Казань погиб во время грозы, две сестры-инвалида (горбуни) к настоящему времени уже умерли. Давно нет и старшей сестры, которая в свое время вышла замуж в Тверь (в то

время – Калинин). Других потомков ряжских ассирийцев, прежде всего семей, которые могли жить здесь в 1920–1930-х гг., нами не выявлено. Таким образом, эта страница ассирийской истории Рязанского региона навсегда закрыта для нас.

Выводы

На данный момент нами выявлен и описан такой важный элемент рязанской ассирийской истории, как некрополь, расположенный на двух городских кладбищах. Поскольку, с течением времени этот важнейший элемент истории и жизни рассматриваемого сообщества постепенно меняется – исчезают старые, заброшенные захоронения, в действующие погребаются новые усопшие члены семейств, вследствие чего часто ставятся новые надгробия, которые не всегда несут на себе информацию о более ранних захоронениях членов семей и т. п. – фиксация его состояния на настоящий момент может помочь будущим исследователям быта и истории рязанских ассирийцев. Кроме этого, изучение локальной темы рязанских ассирийцев раскрывает историю и культуру представителей данной диаспоры в Российской Федерации в целом. Собранный нами материал в ходе исследования Рязанского ассирийского некрополя пополнил научные сведения о многонациональном мире городов России в целом, о месте в нем того или иного народа. Научно-практическая значимость исследования обусловлена тем, что оно охватывает ряд малоизученных факторов расселения рязанских ассирийцев на этапе формирования их общины в России, в первой трети XX столетия и создает условия для комплексного исследования поставленной проблемы в межрегиональном контексте. Полученные в ходе исследования конкретные данные, выводы и наблюдения могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории и культуре Европейской части России XX века, в воспитании гражданственности и формировании этнокультурной компетентности современных школьников и студентов.

Работа по сбору полевого материала, касающегося истории и места в городской культуре ассирийцев Рязанского региона, продолжается. Необходимо рассмотреть роль геоклиматических и социально-политических факторов, которые оказывали воздействие не только на сознание, образ жизни, профессиональную ориентацию ассирийцев, но и определяли их социальную дифференциацию и обусловили появление новых черт в нравах, семейных традициях и быту отдельных людей и в целом общины ассирийцев в России. В наших планах расширение источниковой базы исследования, а именно: анализ законодательных актов конца XIX и начала XX вв., середины XX в., в которых нашли отражение попытки регламентации быта и общественной жизни ассирийской диаспоры; использование фондов различных архивохранилищ с целью выявления мемуаров, дневников, писем, заметок и пр., касающихся различных сторон жизни ассирийцев в России. К сожалению, мы уже ничего нового не сможем выяснить про диаспору Касимова и Ряжска, где от потомков удалось зафиксировать все, что оставалось в семейной исторической памяти. Возможно, в ходе полевых изысканий в других городах удастся обнаружить родственников михайловского Ю. Сулейманова, а также иных ассирий-

цев – жителей города, которые что-то смогут сообщить про ассирийское сообщество этого места. Основным направлением поиска ныне является сама Рязань, где еще сохраняются остатки диаспоры и есть люди, которые могут сообщить немало важного. В результате бе-

сед со старожилами, изучения документов и архивных источников постепенно выявляется новый материал, который, как мы надеемся, в дальнейшем может стать основой для будущих публикаций.

Список литературы

1. Матвеев (Бар-Маттай) К.П. Ассирийцы в городах Европейской части СССР. Малые и дисперстные этнические группы в Европейской части СССР / К.П. Матвеев (Бар-Маттай). – М., 1985. – С.46–55.
2. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы) / С. Садо. – СПб., 2017. – 744 с.

References

1. Matveev (Bar-Mattai), K.P. (1985). Assiriitsy v gorodakh Evropeiskoi chasti SSSR. Malye i disperstnye etnicheskie gruppy v Evropeiskoi chasti SSSR., 46. M.
2. Sado, S. (2017). Martirolog assiriitsev SSSR (1920-1950-e gody)., 744. SPb.

Информация об авторе

Михайлов Сергей Сергеевич – научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey S. Mikhailov – research scientist of Museum of the History and Culture of the Old Believers, Moscow, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 06.02.2021

Принята к публикации / Accepted 11.03.2021

Опубликована / Published 12.03.2021

Датские эксперименты Томаса Винтерберга

DOI 10.31483/r-98023

УДК 7.01, 7.03

Кранк Э.О.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-6387-7710>, e-mail: krank1@mail.ru

Резюме: Статья посвящена творчеству датского режиссера Т. Винтерберга. *Цель статьи* состоит в том, чтобы, исследовав сюжетное своеобразие историй, рассказанных Т. Винтербергом средствами кинематографа, уяснить жанровую специфику его фильмов, выделив эксперимент как наиболее значимую составляющую их художественного и ментального своеобразия. *Дескриптивный, герменевтический, диахронический, историко-генетический, компаративистский, аналитический и биографический методы*, используемые комплексно, позволяют прийти к определенным выводам. Эти *выводы* состоят в том, что кинематограф Т. Винтерберга опирается на эксперимент как способ построения сюжета, что определяет жанровый характер фильмов режиссера. Это подтверждается удачей, сопутствовавшей именно тем фильмам Т. Винтерберга, которые построены на датском материале, и гораздо меньшим успехом фильмов, созданных на сюжетах, которые связаны с другими топосами (советским, американским, британским). Мировая известность пришла к Т. Винтербергу после выхода на экраны фильма «Торжество», снятого в рамках такого первоначально датского феномена, каким является «Догма-95». Сопоставление авторского почерка Т. Винтерберга с мастером датского (и мирового) кинематографа и инициатором «Догмы» Л. фон Триером позволяет сравнить способы организации повествования у двух известных режиссеров: если у Л. фон Триера в основу фильмов положена провокация, то у Т. Винтерберга – именно эксперимент. Будучи укорененным на национальной почве, этот эксперимент превосходит собственно этническую ограниченность, обретая универсальный, внациональный характер.

Ключевые слова: датский кинематограф, Догма-95, Томас Винтерберг, экзистенциальный эксперимент, Ларс фон Триер, киноповествование.

Для цитирования: Кранк Э.О. Датские эксперименты Томаса Винтерберга // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 48-57. DOI:10.31483/r-98023.

Thomas Winterberg's Danish Experiments

Eduard O. Krank

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-6387-7710> e-mail: krank1@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the work of the Danish film director T. Winterberg. *The aim of the article* is to study the plot originality of the stories told by T. Winterberg by methods of cinema, to understand the genre specificity of his films, highlighting the experiment as the most significant component of their artistic and mental originality. *Descriptive, hermeneutic, diachronic, historical-genetic, comparative, analytical and biographical methods*, used in a complex manner, allow one to come to certain conclusions. These *conclusions* are that T. Winterberg's cinematography relies on experiment as a way of plotting, which determines the genre character of the director's films. This is confirmed by the luck that accompanied exactly those films of T. Winterberg, which are built on Danish material, and the much less success of films created on plots that are associated with other toposes (Soviet, American, British). T. Winterberg became world famous after the release of the film "Family Celebration", made within the framework of such originally Danish phenomenon as «Dogma-95». Collation of the author's manner of T. Winterberg with the master of Danish (and world) cinema and originator of «Dogma» L. von Trier allows us to compare the ways of organizing the narrative of two famous film directors: if L. von Trier's films are based on provocation, then T. Winterberg – exactly on experiment. Being rooted on national soil, this experiment transcends ethnic narrow-mindedness itself, acquiring a universal, between-national character.

Keywords: Danish cinema, Dogma 95, Thomas Winterberg, existential experiment, Lars von Trier, film narration.

For citation: Krank E.O. (2021). Thomas Winterberg's Danish Experiments. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 48-57. (In Russ.) DOI:10.31483/r-98023.

Введение

Знаменательно, что, предвзяв выход на экраны последней ленты Томаса Винтерберга «Еще по одной», один из рецензентов назвал его «прославленным датским режиссером» [1]. В этом словосочетании содержится оксюморон, поскольку слово «слава» включает в себя момент преодоления этнических границ. Да, Томас Винтерберг – датский кинорежиссер, творчество которого получило известность после того, как на Каннском кинофестивале его фильм «Торжество» был удостоен специального приза жюри. Это было признание не только самого фильма, но и датского кинематографического феномена «Догма-95».

Широкая известность пришла к режиссеру позднее, с фильмом «Курск», посвященным катастрофе на со-

ветской подлодке. До этого времени Т. Винтерберг был известен довольно небольшому количеству киноведов и любителей кинематографа. Другое дело, что последний – датский – фильм («Еще по одной») получил целый букет призов различных кинофестивалей. Но вот что характерно: фильмы, снятые не на датском материале (за исключением, пожалуй, «Курска»), не имели столь серьезного резонанса, какой вызвали картины на датском языке и снятые в самой Дании.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос, в чем специфика датских фильмов режиссера, снискавшая ему не только национальное, но и всемирное признание. Исходной посылкой является положение о том, что любое явление национальной культуры заслуживает внимания, если, будучи воплощенным в

этническом пространстве, выражает общечеловеческую проблематику. Этой теме посвящена наша статья «Национальный кинематограф и национальный менталитет» [11]. Что касается Т. Винтерберга, то, как мы покажем ниже, нарратив и художественная манера режиссера восходят к экзистенциальному эксперименту как способу художественного исследования.

Методы

При анализе творчества какого-либо деятеля искусства особое значение имеет *биографический метод*. Поскольку сколько-нибудь основательных русскоязычных текстов о Т. Винтерберге нет (впрочем, иноязычных также), мы вынуждены придерживаться вех творческой биографии. Вот список фильмов, в которых Т. Винтерберг проявил себя как режиссер:

- 1993 – Последний раунд / Sidste omgang (короткометражный), сценаристы: Бо Х. Хансен, Т. Винтерберг;
- 1994 – Мальчик, который ходил задом наперед / Drengen der gik baglæns (короткометражный), сценаристы: Бо Х. Хансен, Т. Винтерберг;
- 1996 – Самые большие герои / De største helte, сценаристы: Бо Х. Хансен, Т. Винтерберг;
- 1998 – Торжество / Festen, сценаристы: Т. Винтерберг, М. Руков;
- 2000 – Третья ложь / Third Lie;
- 2003 – Всё о любви / It's All About Love, сценаристы: М. Руков, Т. Винтерберг;
- 2005 – Дорогая Венди / Dear Wendy, сценарист: Ларс фон Триер;
- 2007 – Возвращение домой / En mand kommer hjem; сценаристы: М. Кауфман, М. Руков, Т. Винтерберг;
- 2010 – Субмарино / Submarino, сценаристы: Т. Линдхольм, Т. Винтерберг;
- 2012 – Охота / Jagten, сценаристы: Т. Линдхольм, Т. Винтерберг;
- 2015 – Вдали от обезумевшей толпы / Far from the Madding Crowd, сценарист: Д. Николс;
- 2016 – Коммуна / Kollektivet, сценаристы: Т. Винтерберг, Т. Линдхольм, М. Руков;
- 2018 – Курск / Kursk, сценарист: Р. Родэт;
- 2020 – Ещё по одной / Druk, сценаристы: Т. Линдхольм, Т. Винтерберг [4].

Из фильмографии режиссера очевидно, что Т. Винтерберг в подавляющем большинстве проектов выступает и как сценарист, т.е. как их инициатор, их автор, а потому, хотя и с определенной оговоркой, его можно считать представителем так называемого «авторского кинематографа».

Характеризуя фильмы режиссера, мы опираемся на *диахронический и историко-генетический методы*. При сравнении датского и не-датского нарратива мы используем *компаративистскую методологию*. Она продуктивна и в том отношении, чтобы противопоставить избранный Т. Винтербергом способ киноповествования тому, как свой нарратив организует его старший соотечественник Л. фон Триер. *Аналитический метод* в исследовании произведений киноискусства по необходимости носит *дескриптивный* характер. Пытаясь определить своеобразие мессиджа фильмов и способов его воплощения, мы пользуемся *герменевтической методикой* с целью адекватного прочтения посланий, заключенных в фильмах. Такого рода *комплексная методология*, позволит нам определить специфику творчества режиссера и, прежде всего, то, что характеризует укорененность фильмов режиссера в датском экзистенциальном и ху-

дожественном пространстве и способствует его трансляции в пространство общечеловеческое.

Выводы

Главный вывод, к которому мы приходим в результате исследования, заключается в том, что Т. Винтерберг своими киноработами обязан, в плане содержания, именно *датскому материалу*, а в отношении способа его подачи – принципу *экзистенциального эксперимента*. Более того, различая столь важные понятия в искусстве, как *эксперимент* и *провокация*, мы можем судить о *морализме* и *имморализме* современного датского кинематографа. Мы покажем также, что Дания в отношении эксперимента, осуществляемого средствами киноискусства, является благоприятным пространством для чистоты его проведения. В этой связи особое внимание обращаем на то, как в сюжетах своих фильмов Т. Винтерберг использует развязку, различая моменты, когда «*принцип окончательности*» [см. об этом: 13] реализуется: А) в смерти героя (героев), Б) в открытом финале, или В) в выходе повествования за пределы киносюжета.

Обсуждение

Первоначально имя Томаса Винтерберга было связано с движением «Догма-95», которое возникло в Дании, помечено столетним юбилеем кинематографа и инициировано Ларсом фон Триером. Смысл манифеста «Догмы» состоит в противостоянии действительно актуального кинематографа развлекательной тенденции в кино, выраженной в дорогостоящем создании кинематографической иллюзии. Идеологически «Догма» содержит в себе левую трактовку искусства, восходящую к Б. Брехту, в соответствии с которой во главу угла ставится достижение эффекта максимальной достоверности в изображении социальной действительности, то, что привычно называют «правдой жизни»: «Моя высшая цель – выжать правду из моих персонажей и обстоятельств», – говорится в «Обете целомудрия» [8, с. 16]. Собственно говоря, режиссеры «Догмы» имели своей целью «довоплотить» тренд, нашедший свое выражение в творчестве предшественников: представителей итальянского неореализма сороковых годов и французской «новой волны» пятидесятых. Впрочем, в датском манифесте «новая волна» подвергается критике в том отношении, что, будучи буржуазной в своей основе, она не оправдала надежд на социальную правдивость в изображении жизни: «Новая волна» оказалась всего лишь легкой рябью; волна омыла прибрежный песок и откатилась» [8, с. 11].

Постулаты для специфически кинематографической и даже технологической составляющих «Догмы» были сформулированы в «Обете целомудрия», второй части манифеста. «Обет» предполагал аскетичность в отношении поведения камеры («камера должна быть ручной»), света («искусственное освещение не допускается»), звука («звук никогда не должен записываться отдельно от изображения») и локаций («съемки должны производиться на натуре» или в реальном интерьере: «нельзя привозить никакого реквизита и бутафории») [8, с. 14–16]. Принцип трех единств (времени, места и действия), как бы по умолчанию проистекающий из вышесказанного, сближает «Догму» с драматургическими единствами эпохи классицизма, другими словами – «переизобретает» устоявшиеся в сюжетном повествовании классические формы драматургической убедительности.

Фильм Т. Винтерберга «Торжество» пребывает под номером 1 в списке сертификатов «Догмы». Снятый ручной видеокамерой (оператор Э. Дод Мэнгл) с самых невероятных ракурсов и с превалированием экспрессионистского «голландского угла», фильм, вопреки технологически «некомфортному» зрительному ряду и прихотливому монтажу, также ненормированному с точки зрения принципов монтажа, – произвел фурор. За двадцать с лишним лет, прошедших после создания «Догмы», это направление не только не утратило своей актуальности в мире кинематографа, но продолжает оказывать серьезное влияние на современных кинорежиссеров, отечественных в том числе (в этой связи стоит упомянуть последние ленты С. Дворцевого, фильмы К. Балагова, недавнее «Пугало» Д. Давыдова и др.). Да, «Догма» – датский феномен, несмотря на то, что Л. фон Триер предполагал создать что-то вроде мирового консорциума из режиссеров, занятых так называемым «авторским кинематографом», разослав приглашения самым известным кинорежиссерам современности: А. Курасаве, И. Бергману, Р. Полански и др. [см. интервью А. Долина с Л. фон Триером: 8, с. 51]. Знаменательно, что никто из крупных зарубежных режиссеров не откликнулся на приглашение. Получается, что первоначально «Догма» определилась в качестве датского национального феномена *как бы поневоле*, поскольку ее не поддержали мастера кинорежиссуры других государств.

Своеобразным поводом для инициативы Л. фон Триера послужила работа над телесериалом «Королевство» (1994). В нем видеокамера (!) ведет себя совершенно непредсказуемо, что не только не смущает режиссера, но, напротив, дает ему, актерам и зрителям ощущение особого рода свободы. Низкое качество изображения и пикселизация не только не мешают Триеру, но, напротив, создают ту специфическую «ауру», о которой за полвека до того писал В. Беньямин и потерю которой в технически воспроизводимом произведении искусства утверждал [3, с. 19, 23]. Движение получило международное признание и вышло за пределы Датского королевства.

Официально «Догма» была закрыта в 2005 году и насчитывала к этому времени 35 картин. Из них в самой Дании было снято 10, в США – 12, в Испании – 3, в Италии – 2 и по одной – во Франции, Чили, Бельгии, Норвегии, Швейцарии, Швеции, Корее, Аргентине [7]. Однако последний из сертификатов, информация о котором нам доступна, имеет номер 251 [8, с. 244]. То есть, несмотря на закрытие проекта, фильмы с учетом правил «Догмы» продолжают сниматься и получать сертификаты от «отцов-основателей». Можно утверждать, таким образом, что «Догма», получив мировое признание, жизнеспособна и по сей день.

Вопрос, который естественным образом возникает из приведенной статистики, – насколько «Догма-95» является феноменом датским? В документальном романе Н. Торсена о Л. фон Триере последний утверждает: «Догма» была лучшим брендом, о котором датское кино вообще могло мечтать. Для маленькой страны, в которой большинство фильмов и так вынуждены быть малобюджетными, крайне выигрышно демонстрировать, что дешевые фильмы могут быть хорошими, если уметь думать, быть изобретательным и воспринимать ограничения как вызов» [22, с. 583].

Мы полагаем, что «датскость» «Догмы» коренится еще и в специфике деятельности Датского киноинсти-

тута в частности и в обстоятельствах постановки кинодела в Дании в целом. Кроме того, если относиться к «Догме» как своего рода эксперименту, то Дания представляет собой идеальную почву для него: маленькая страна (население Дании на сегодняшний день составляет чуть более 5 млн. 800 тыс. человек), где «все друг друга знают», по крайней мере в мире киноискусства, государственная (хоть и не слишком высокая в финансовом отношении) поддержка кинематографа, географическая и экономическая автономность в Европе (Дания не является членом Еврзоны), высокий уровень жизни, специфика политического устройства (конституционная монархия с превалированием социалистических моментов в политико-экономической жизни), протестанство как преимущественная конфессия – всё это как нельзя лучше способствовало тому, чтобы содержанием фильмов «Догмы», с ее требованием социальной обусловленности повествования, стали собственно датские сюжеты. Эти сюжеты посвящены экзистенциальным проблемам. То обстоятельство, что один из родоначальников экзистенциализма С. Кьеркегор – датчанин, имеет немаловажное значение в культуре датчан, что отражено в проектах «Догмы» и в фильмах Т. Винтерберга, большая часть которых посвящена датской проблематике. Но значение «Догмы» не исчерпывается ее местом лишь в кинематографе Дании; она стала знаковым явлением в культуре нации. Так, «Guardian» отмечала, что «the *Dogme95* movement reinvented Denmark, claiming that 1995's groundbreaking manifesto didn't just shake up cinema. It inspired Danes to make the world's best TV, buildings and food... It was a watershed for all of Denmark, and one that would come to embody its cultural renaissance» [цит. по: 7]. (Перевод: Движение «Догма-95» переизобрело Данию: новаторский манифест 1995 года встряхнул не только кино. Он вдохновил датчан на создание лучших в мире телеканалов, зданий и еды. Это был переломный момент для всей Дании, который станет олицетворением ее культурного возрождения.)

Если для Л. фон Триера «Догма» была в ряду его провокаций, то Т. Винтерберг именно в рамках «Догмы» определился как режиссер, ставящий свои фильмы по принципу эксперимента. Как заметил один из рецензентов фильма «Еще по одной», «продемонстрированный <...> новый обет целомудрия (т.е. необходимость постоянно иметь в крови 0,5 промилле алкоголя для полноценной жизни. – Э.К.), слегка напоминает манифест «Догмы» 1995 года» [21]. Это довольно точное замечание. Собственно говоря, все датские фильмы режиссера есть эксперимент. Этим они отличаются от фильмов, снятых им на ином этническом материале. Остановимся на них, с тем чтобы показать разницу между ними и фильмами, снятыми в Дании.

Действие фильма «Все о любви» (2003) происходит в Америке. Измена Т. Винтерберга национальной тематике сопряжена с изменением киноязыка, способов съемки: интерьеры подаются статичной камерой, почти обязателен «вход» или «выход» из интерьера («наезд» или «отъезд», в операторской терминологии), хотя крупные планы – от ручной камеры. В фильме нет экзистенциальной проблемы, которая требовала бы настоящего решения. Вот как об этом говорит Д. Егоров: «Всё о любви» – громоздкая метафора того, что «расставание – это маленькая смерть» <...> Режиссёр снимал большое кино с большими звездами (Хоакин Феникс, Шон Пенн), но лента была принята очень

холодно как зрителями, так и критиками. Томас очень хотел снять кино, не похожее на «Торжество», поэтому не смог абстрагироваться от «Догмы», а принципиально не действовал наперекор правилам, которые написал вместе с Ларсом. Здесь у него нарочито много хромакея, почти всегда статичная камера и фантастика вроде летающих угандийцев» [9].

Да, фильм метафоричен, но на самом деле тут иная метафора; она в том, что жизнь – это лед. И участь человека – замерзание. На этом льду жизни, этаком перманентном катке, можно существовать относительно успешно лишь в обстоятельствах, когда ты представляешь собой бизнес, который приносит окружению регулярные дивиденды. Но стоит перестать существовать в качестве бизнес-персоны, и окружение готово избавиться от тебя, заменив человеческий «оригинал» копией, только бы не утратить бизнес.

– У тебя сердце не совсем здоровое, – говорит Джон (актер Хоакин Феникс) Элене (актриса Клэр Дэйнс).

– Так вот почему меня хотят убить... – отвечает та.

Фразу персонажа: «Надо было оставаться дома, у озера», – в немалой степени Т. Винтерберг адресует себе самому (сценарий – М. Руков и Т. Винтерберг). Изменив родному ареалу (надо заметить, что датская кинокомпания Nimbus Film тем не менее представлена в ряду производителей), человек замерзает. В этой связи – повторяющийся мотив: люди, тела которых называются у героев под ногами. Эти люди «замерзли», и через них можно переступить, продолжая движение к собственной цели. Впечатляющ эпизод на катке с тремя «клонами» героини, хотя в результате гибнет не героиня, которую должны убрать с помощью наемного убийцы, а именно ее двойники (ошибка стареющего киллера). Морализм режиссера проявляется в фильме весьма ощутимо. Миру бизнеса, отснятому стационарной камерой, противопоставлена «живая» (чуть ли не видео-) камера, запечатлевающая любящих. Тема гибнущих в Уганде от фантастической утраты гравитации (герои так же, как и жители Уганды, утратили укорененность в родной земле) важна как фон: пока мы предаемся повседневному хлопотам жизни, где-то – у нас под ногами или же в дикой африканской стране – гибнут люди. Убедительность фэнтэзийным сюжетам о происходящем в Уганде придают материалы, снятые непрофессиональной видеокамерой. Подобное же, как фон, воспроизведено в «Коммуне», где сюжет сопровождают новостные репортажи, озвученные Анной (актриса Трине Дюрхольм), о кровавых событиях в полпотовской Камбодже. Вероятно, эта экзистенциалистская традиция восходит к «Персоне» И. Бергмана: замолчавшая героиня фильма Элизабет (актриса Лив Ульман) видит в теленовостях сюжет о самосожжении буддийского монаха. В фильме «Всё о любви» эксперимент состоит в том, что может ожидать человека («замерзание»), покинувшего родину. Признаем, что эксперимент остается без завершения. То есть если и эксперимент, то символистский, метафорический, а не экзистенциальный.

Через два года Т. Винтерберг ставит второй фильм на американском материале и тоже по-английски – «Дорогую Венди». Судить об этом фильме сложно, поскольку режиссер оказался в своего рода художественно-интеллектуальном плену у Л. фон Триера, который предполагал осуществить постановку этого сценария в качестве третьей части своей «американской трилогии» (включая «Догвилль» и «Мандерлей»). «Дорогая Венди» есть скорее «провокация» в триеровском духе, чем

«экзистенциальный эксперимент» Т. Винтерберга, что, заметим кстати, в очередной раз указывает на решающую роль сценарного материала в стилистике фильма.

«Вскоре (после «Дорогой Венди». – Э.К.) режиссер вернулся к датскому языку и снял «Возвращение домой», в котором опустошенный славой оперный певец вновь обретает вкус к жизни после возвращения в родной городок и встречи с сыном, о существовании которого он не знал. <...> Фильм не нашёл отклика у аудитории, но и снимался будто бы не для этого, – пишет Д. Егоров в тексте, посвященном пятидесятилетию режиссера. – Наполненная множеством параллелей с карьерой самого Винтерберга, эта картина – переломный момент, своеобразная перезагрузка. Режиссёр начинает с чистого листа и, наконец, знает, что делать дальше, без оглядки на старших товарищей» [9]. Это не совсем верно; Т. Винтерберг как бы не совсем «вернулся»: после датских «Возвращения домой», «Субмарино» и «Охоты», о которых речь впереди, были сняты иноязычные «Вдали от обезумевшей толпы» и «Курск».

Экранизация романа Т. Харди «Вдали от обезумевшей толпы» помечена 2015 годом и вовсе лишена датской «прописки» (производство США и Великобритании). Здесь Т. Винтерберг выступает в качестве приглашенного режиссера. Получилась добротная экранизация произведения английского романтизма эпохи викторианской Англии, не более того. От самого режиссера – внимание к психологии героев с отдаленным узнаванием его почерка в крупных планах. Эксперимент, если он здесь есть вообще, сосредоточен лишь на том, сможет ли режиссер, известный своими авторскими работами, подчинить себя чуждым ему задачам или нет.

Гораздо более значимым представляется фильм «Курск» (Франция, Бельгия, Люксембург; продюсер Л. Бессон) – проект очень дорогостоящий и оправдавший себя лишь на 13% по сборам [13]. Не совсем понятно, почему установилось не очень приветливое отношение к этой картине, по крайней мере у отечественного зрителя. Так, в рецензиях можно прочитать о «слишком и неуместном участии в продюсерских проектах <...> последний пример – «Курск», в котором режиссер честно пытался изобразить нечто сурово-северное по мотивам катастрофы русской подводки. Не вышло» [24].

Мы полагаем, что рецензент ошибается. Предоставим слово самому режиссеру. Решенная в жанре фильма-катастрофы, «эта история», – говорит Т. Винтерберг в одном из интервью, – о людях и хрупкости человеческой жизни. В этом смысле фильма, это история о семьях, больших и маленьких. Отношения между русским адмиралом и британским коммодором тоже можно считать в определенном смысле семейными, а такие фильмы – это мой профиль, я знаю, как их снимать. Разве что в этот раз добавились взрывы» [10].

Семейная тема – это «домашняя» для Винтерберга, в известном смысле – датская тема, и она представлена в «Курске» очень сильно. Фильм «Курск» есть эксперимент на тему выносимости бытия, связанного с гибелью моряков, людей большей частью семейных. При этом Т. Винтерберг разделяет повествование на три части: на то, что катастрофе предшествовало, на саму катастрофу и на своего рода эпилог. Катастрофу режиссер наделяет, подчеркивая «пассионарность» ее переживания, более широким форматом экрана и суживает «рамку» в начале и в конце фильма, тем самым придавая событиям эпическую интонацию. Это фильм о том, как «наша подводная лодка, символизирующая,

с одной стороны, окончательный крах советского (оружия в частности и системы вообще) и в то же время неизменного для России самоуправления властей, раз за разом предающих народ во имя звенящей пустоты, как раз тонет. Просто уходит на дно, забирая с собой жизни тех членов экипажа, которые на момент взрыва находились в седьмом и девятом отсеках, а значит, теоретически могли быть спасены, если бы не государственная тайна, геополитика и, наверное, разруха» [16]. Но и не только об этом.

Раздвинутый экран символизирует степень обобщения того, что случилось с подводной лодкой и легло в основу киноповествования. Обобщение это, на наш взгляд, состоит в том, что современный человек – это существо с катастрофическим сознанием: история с подлодкой есть символ онтологической катастрофы современного человека. Такого рода катастрофы отображаются на ментальном или даже на генетическом уровне. Возьмем на себя смелость утверждать, что их след содержится не только в генах представителей отдельной конкретной нации, но в генах человека как такового, в человеческой природе. В картине о гибели советского атомхода, в сущности, речь идет о катастрофическом эксперименте с человеческой природой и ее изменении. Великая сентенция О. Уайльда из «Тюремной исповеди»: «то, что происходит с другим, происходит с тобой» [23, т. 2, с. 432] – может служить своего рода ключом к пониманию проблематики и характера повествования не только фильма «Курск», но также к пониманию сути того экзистенциального эксперимента, который положен в основу практически каждого фильма Т. Винтерберга, определяя специфику мессиджа и манеры киноповествования.

Собственно датские фильмы Т. Винтерберга построены именно на модели «экзистенциального эксперимента». Дипломная работа режиссера – короткометражный фильм «Последний раунд» – исследует ситуацию, когда Ларс (актер Томас Бо Ларсен), совсем еще молодой человек, узнав о том, что он смертельно болен, пытается справиться с этим знанием. Здесь, на наш взгляд, Т. Винтерберг следует за О. Иоселиани, правда, история, в отличие от сюжета фильма «Жил певчий дрозд», перевернута: если у Иоселиани герой гибнет неожиданно, нелепо, в результате несчастного случая, то у Винтерберга Ларс, отдавая себе отчет в собственной обреченности и намереваясь покинуть родной город, вдруг отказывается от перелета и на день задерживается, чтобы провести время со своими друзьями. В концовке мы вновь видим его в аэропорту: открытый финал. Оба фильма роднит непритязательная интонация, бытовая сниженность диалогов, немногословность: авторы фильмов дают зрителю возможность самому разобраться в том, что происходит на экране. Обе картины – кинематографические истории в чистом виде, где драматургия состоит не в событиях и репликах героев, а в смене положений и монтаже как манере киноповествования. Заметим, что уже здесь Винтерберг верен единству действия, места и времени.

В также короткометражной картине «Мальчике, который ходил задом наперед» Андреас (Хольгер Торуп), потерявший своего братика, пытается пустить время вспять, тем самым воскрешая его. (Интересно, что поворот во времени в представлении мальчика дан все же поступательно, в соответствии с направленностью временного вектора повествования.) Как ребенку (и не только ребенку) смириться со смертью близкого суще-

ства? Как опровергнуть эту смерть? – вот задача этого эксперимента с поворотом во времени. Тема участия мертвых в жизни живых позднее возникнет в фильме «Торжество», когда Кристиан (актер Ульрих Томсен) воочию видит покончившую с собой сестру.

В фильме «Самые большие герои» повествование разворачивается по модели «роуд-муви». Нелепое нагромождение несчастий, преследующих героев, завершается их смертью. Вероятно, в фильме сказалось влияние вышедшего за пять лет до того фильма Р. Скотта «Тельма и Луиза». Как и у Р. Скотта, герои (актеры Томас Бо Ларсен и Ульрих Томсен), оказавшиеся вне закона в результате ряда нелепых случайностей и непреднамеренного убийства, спровоцировавшего тотальную полицейскую охоту на них, погибают. Эксперимент сюжета Т. Винтерберга состоит в том, что внезапно проснувшиеся в одном из героев отцовские чувства к двенадцатилетней дочери, о существовании которой он узнает в начале фильма (завязка), побуждают его изменить ход вещей. Конфликт, пользуясь выражением Ф. Ницше, человеческого-слишком-человеческого и социального неразрешим, и смерть героев, поданная парадоксально, иронично и несколько отстраненно, оставляет светлое впечатление, вопреки мрачности и неотвратимости события развязки. Схожим образом, кстати заметить, заканчивается фильм «Дорогая Венди».

Подобный же конфликт, но только в развернутом и не «девиантном» формате, составляет основу сюжета в «Охоте». Никто из тех, кто писал об этом фильме, не упомянул о том, что фабула восходит к рассказу Ш. Андерсона «Руки» из цикла «Уайнсбург, Огайо» [2, с. 24–29]. У Андерсона учителя маленького городка только по той причине, что его руки не знают покоя и невольно касаются воспитанников, как, впрочем, и всего того, с чем или кем он имеет дело (своего рода болезнь), – родители школьников обвиняют в педофилии и подвергаются остракизму. Его хотят повесить, но чудом он остается в живых. В фильме Т. Винтерберга Лукас (актер Мадс Миккельсен), служащий воспитателем детского садика, нелепым образом обвиняется в том же. В мгновение ока он из уважаемого жителя городка превращается в гонимого, в отщепенца, в монстра, в жертву. Механизм травли прекрасно отражен у Ю. Сапрыкина, в публикации в журнале «Сеанс», только описание этого механизма имеет отношение, скорее, к антропологической (или социально-культурной) стороне проблем, которые ставит эксперимент Т. Винтерберга в «Охоте», но не к его кинематографическому воплощению.

Заметим попутно, что это самый распространенный недостаток большинства публикаций о кинематографе: авторы более или менее подробно пытаются разобраться в проблематике фильма, упираясь в конфликт и характеры персонажей, то есть не столько в кинематографический, сколько в литературный материал; редко кто-то скажет о собственно кинематографической стороне: о съемочной манере, о соотношении планов в кадре, о характере постановки света при съемке, о языке монтажа, о звуковом ряде и т. д. В основном все сводится к литературе, тогда как язык кино многосоставен, комплексен, синтетичен. В определенном смысле это понятно: аналитика оперирует языком литературы. Но того, например, как дана в фильме сцена охоты, как она воплощена в зрительном ряде (планы, свет, тонировка и проч.) мы ни в одном из критических отзывов не нашли.

Ю. Сапрыкин отмечает одну весьма важную вещь, имеющую отношение к «экзистенциальному экспери-

ментаторству» Т. Винтерберга. Комментируя открытый финал, который, собственно говоря, есть воплощение экзистенциальной достоверности нарратива [см. об этом нашу статью о «принципе окончательности»: 13], Ю. Сапрыкин утверждает: «Герою «Охоты» удается восстановить доброе имя, но в финале и к нему прилетает пуля; будучи раз запущенным, колесо гонений продолжит перемалывать новых жертв; история, способная производить такой силы коллективные аффекты, будет рассказана снова и снова» [20]. Нет сомнения, что выстрел в финале, очевидно направленный в героя, но не достигший цели, – есть своего рода метафора, причем двоякого свойства: с одной стороны, она заключает в себе готовность среды к травле, а с другой – является символом расплаты за *охоту на оленей* (аллюзия в адрес одноименного фильма М. Чимино), за сам процесс охоты на живое существо. Эксперимент «Охоты» важен еще и в том отношении, что затрагивает тему весьма злободневную в современном обществе – тему так называемой «культуры отмены», о которой следовало бы сказать особо, говоря об экзистенциальных экспериментах Т. Винтерберга, но она слишком велика и не уместится в объем и задачи настоящего текста. Эксперимент, собственно, состоит в следующем: что с тобой будет, если тебя оболгали, пусть даже по недоразумению, – если тебя социально «отменили»?

Экзистенциальный эксперимент, лежащий в основе сюжета фильма «Коммуна», можно сформулировать следующим образом: каковы будут последствия того, если пространство семьи и дома расширить до пространства коммуны? В одном из своих интервью режиссер сообщает о том, что часть его детства также прошла в коммуне, поэтому тема этого расширенного варианта семьи ему очень близка. Мы хотим заострить внимание на экспериментальном характере ситуации фильма. Предоставим слово самому Т. Винтербергу: «Я хотел показать обе стороны медали: подарить теплые воспоминания [связанные с обстоятельствами становления своего поколения. – Э.К.] и поговорить о трагических последствиях, когда вам приходится делиться друг с другом слишком многим. Как и в «Охоте», мы исследуем общество и его отношение к отдельному человеку (курсив наш. – Э.К.)» [17].

Замкнутое пространство коммуны является идеальной средой для художественного исследования. Выход из этой среды связан с социальной и возрастной ролью каждого из трех членов семьи, владеющей домом, в котором появились коммунары: архитектор Эрик (актер Ульрих Томсен), жена Эрика телеведущая Анна (актриса Трине Дюрхольм) – и их дочь Фрейя, шестнадцатилетний подросток (актриса М.С.В. Хансен). В наиболее драматической ситуации оказывается Анна. Она стоит перед экзистенциальным выбором: как справиться с тем, что у мужа роман? Она пытается быть максимально толерантной к происходящему. Это по ее инициативе любовница Эрика Эмма (актриса Хелена Рейнгор Нойманн) также присоединяется к обитателям коммуны. Но толерантность героини не отменяет проблемы стареющей женщины. Разрушение личной жизни ведет к утрате профессиональной занятости на телестудии. Анна находит в себе силы уйти из коммуны и из семьи; она – в преддверии какой-то новой жизни. Интересно, что в поведении персонажей нет собственных притязаний на жизнь другого. Но и отказа от своего ради другого тоже нет. Анна отпускает Эрика, но это не самоотречение, она отказывается от него *для*

себя, чтобы ей возможно было продолжать жить. Если поместить подобный конфликт не в датский, а в иной (скажем – российский) контекст, то мы вовсе не уверены, что персонажи вели бы себя подобным же образом.

Вообще говоря, экзистенциальный эксперимент в «Коммуне» носит не вовсе благостный характер, что связано со смертью восьмилетнего ребенка. Он умирает в результате какой-то неведомой болезни, неизвестно отчего. Мы полагаем, имеет место отсылка к «Избирательному родству» И.В. Гете. В романе веймерского классика, в результате любовного кружения персонажей, рождается и гибнет ребенок, плод своего рода немецкой «шведской семьи» конца XVIII – начала XIX вв. Смерть ребенка в «Коммуне» есть ключ к этической подоплеке фильма: пока мы предаемся экзистенциальному экспериментаторству, ставя опыты над самими собой, происходит что-то непоправимое в сфере, о которой мы не отдаем себе отчета, в сфере, связанной с нами косвенным образом и потому сфере неподконтрольной. Слова Шарлотты из романа И.В. Гете: «Мы не виноваты и не заслужили несчастья, но и не заслужили того, чтобы жить счастливо вместе...» [5, с. 408] – вполне можно отнести ко всем членам коммуны. Так или иначе, перед нами катастрофа частной жизни, как и в «Торжестве», и в «Субмарино», и в «Охоте», из чего следует, что *экзистенциальная катастрофа является кульминацией сюжетного повествования и предвещает об итоге эксперимента* в большинстве фильмов Т. Винтерберга, определяя пафос, жанровое своеобразие и стилистическую манеру каждого из них.

«Коммуна» внешним образом соотносится с фильмом «Идиоты» Л. фон Триера (№2 «Догмы»). В последнем персонажи, решившие отыскать в себе «внутренних идиотов», свободных от социальных ролей и от тех обязанностей, которые эти роли на них накладывают, также живут единой семьей. Разница между Т. Винтербергом и Л. фон Триером в том, что если первый формулирует эксперимент, обставляя его определенными параметрами художественного исследования и определяя его объект, который отчасти обозначен в названиях фильма: «Торжество», «Возвращение домой», «Охота», «Субмарино», «Коммуна», «Еще по одной» (по-датски «Druk», правильно – «пьянство»), – то Триер создает ситуации, к которым больше подходит слово «провокация». Провокацию можно рассматривать как разновидность эксперимента как такового, но такая его разновидность у Триера носит преимущественно манипулятивный характер (не только в «Идиотах», но и практически в любом другом фильме этого режиссера). Поэтому имеет смысл различать понятия «эксперимент» и «провокация», по крайней мере в нашем контексте, в плане различия двух способов организации нарратива.

Эксперимент предполагает определенные начальные данные, связанные с ситуацией, объектом и средой, – данные, задающие эксперимент. При этом имеется в виду, что начальные условия остаются неизменными в течение времени его проведения.

Провокация же, являясь разновидностью эксперимента (в широком смысле этого слова), позволяет его постановщику изменять начальные условия, или же привносить иную точку зрения на объект. Изменение ракурса или введение новых, не предусмотренных прежде условий может вызвать кардинальную метаморфозу среды, или системы координат, в результате чего происходит наложение одной условности на другую.

Провокация, в отличие от эксперимента, есть проявление авторского своеволия. Цель ее – манипуляция опытом, точнее, нашим представлением о нем. Провокация предполагает подмену объекта его паллиативом – если не копией, то во всяком случае чем-то сходным. Поэтому результатом провокации является парадокс и шок (см. по этому поводу наше послесловие одному из фильмов Л. фон Триера: 12).

Внешним образом Л. фон Триер выдает провокацию за эксперимент, о чем свидетельствуют организация сюжета, четкое деление действия на главы-перипетии и основательный финал, но на самом деле он манипулирует зрителем, предъявляя ему «правильно» выстроенную драматургию, с той поправкой, что эта «правильность» на деле совершенно условна. В провокацию, помимо среды и объекта, встроена работа самого сознания, и ее течение может быть направлено по любому руслу, по любому сценарию; да и сам опыт может быть в любой момент изменен, поскольку мы имеем дело уже не с аксиомами, а с миром, где аксиомы отменены или же могут быть с легкостью замещены другими. Аксиомы становятся чем-то условным, относительным, как в новой геометрии – геометрии относительности.

Результатом эксперимента, напротив, является нечто такое, что может претендовать на достоверность объективного знания. Речь идет о конкретном эмпирическом результате, который не столько формулируется автором, сколько взывает к зрительской эмпатии, к опыту самого зрителя. Вот почему семья у Т. Винтерберга – среда преимущественная: это микромир, скол общества, исчислимая ввиду своей камерности система координат, в которой выстраивается событийный ряд. Поэтому и организация киноповествования строится соответствующим образом: в заданную среду помещается фермент (завязка), затем нам показан процесс взаимодействия среды и фермента (развитие действия), чтобы обрести результат (развязка).

Эксперимент, таким образом, строг и драматургичен, в известном смысле – ортодоксален, *догматичен*. Эксперимент *морален*, а провокация *имморальна*. Л. фон Триер имморалистичен вслед основоположнику имморализма – Ф. Ницше. Катастрофа у Триера – это абсолютная катастрофа («Догвилль», «Антихрист», «Нимфоманка», «Дом, который построил Джек»), это катастрофа онтологическая, катастрофа человеческой природы как таковой. Тогда как катастрофа у Винтерберга носит не тотальный, а экзистенциальный характер и есть выражение самой протяженности человеческого существования, в ее кульминационной точке. Однако, утверждая драматизм человеческой жизни через экзистенциальный эксперимент, чреватый катастрофой, Т. Винтерберг оставляет надежду, как бы говоря зрителю, что за его пределами остается жизнь, в целительную силу которой автор верит. Так, в «Возвращении домой» заикающийся Себастьян (актер Оливер Меллер-Кнауэр) обретает дар речи. Смерть персонажей ставит точку в сюжете «Самых больших героев», но это не онтологическая точка. Вот почему в *датских* фильмах Т. Винтерберга – открытый финал: «Последний раунд», «Возвращение домой», «Субмарино», «Охота», «Коммуна», «Еще по одной».

В последнем фильме режиссера речь о катастрофе не идет, если не считать катастрофой утрату личной подлинности – проблему, с которой столкнулись четверо сорокалетних друзей. Это школьные учителя: Мартин (Мадс Миккельсен), Томми (Томас Бо Ларсен),

Николай (Магнус Милланг), Петер (Ларс Ранте). Пусть это не катастрофа, а «кризис среднего возраста», тем лучше: нам предъявляется, можно сказать, «чистый эксперимент»: это «фильм о контроле и о доступе к неподконтрольному», – так определяет его сущность Т. Винтерберг [19]. Более того, эксперимент организуют сами герои. Поучается, что в этом фильме второй эксперимент лежит внутри первого: своего рода матрица. Фильм построен на нарушении приличий и моральных норм. Но отнюдь не способом провокации, как утверждает один из рецензентов [18], а, скорее, методом «от противного», как в романе «Портрет Дориана Грея», где этика утверждается способом отказа от нее как героя, который платит за это дорогой ценой, так и самого автора: в Предисловии к роману, где Уайльд выражает свое литературное кредо, он утверждает имморализм «чистого искусства», который, однако, противоречит смыслу (причем именно этическому смыслу) великого произведения [23, т. 1, с. 20–21].

Морализм Т. Винтерберга не следует воспринимать как однозначное разделение на «хорошо» или «плохо», или как критику буржуазного способа существования: «Винтерберг <...> не спешит уходить в социальную критику – его подлинной целью оказывается стремление понять саму природу датского национального характера» [18]. Впрочем, мы полагаем, что, ставя эксперимент с родным датским пьянством, режиссер уходит далеко за пределы национальной проблематики.

Говоря об экзистенциальном эксперименте, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что действующими лицами фильмов Т. Винтерберга большей частью являются неудачники, а лучше сказать – персонажи, которых преследует неудача. Режиссер словно бы сообщает зрителю, что, в сущности, неудачником является каждый – неудачником перед лицом времени. Даже знаменитый певец, уроженец городка, приехавший на торжества по поводу городского юбилея, несчастен («Возвращение домой»). Смысл морализма Т. Винтерберга состоит в драме преодоления человеческой ограниченности, которая обусловлена его социализацией: «Еще по одной» был *исследованием на темы жизни, страны, окружающих меня людей*» [6] (курсив наш. – Э.К.). В этом фильме есть два второстепенных персонажа: мальчик-очкарик в футбольной команде учеников Тимми и школьник, панически боящийся процедуры экзамена. Весьма неслучайно его экзаменационный вопрос посвящен концепции страха у С. Кьеркегора. И дальше следует своего рода декларация: «Концепция страха состоит в том, как человек воспринимает процесс своего падения. Только тот, кто осознал себя упавшим, может любить других и жизнь». Морализм датчанина Т. Винтерберга соотносится с морализмом датского философа: «...грех, – утверждает С. Кьеркегор, – это отчаяние перед Богом, когда не желают быть собою или когда желают быть собою» [15, с. 320]. Т.е. грехопадение человека имеет двойственную природу: в первом случае торжествует «одномерный человек» Герберта Маркузе, а во втором, в результате испытания (эксперимента с падением или личной катастрофой), человек приходит к самому себе, обретая способность воспринимать свободу жизни как свою собственную. Знаменательно, что развязкой служит танец героя, завершающийся его прыжком в море (финальный стоп-кадр, вольная или невольная аллюзия в адрес концовки «Тельмы и Луизы» Р. Скотта). Как в романе «Евгений Онегин», в котором Пушкин «бросает» своего героя, переводя сюжет

из романной условности в действительность, – так и финал последнего фильма Т. Винтерберга сообщает о даре свободы, ценность которой становится тем больше, чем серьезней соблазн, которому человек способен себя подвергнуть.

Итог

Таким образом, в основе киноповествований Т. Винтерберга, в творчестве которого «Догма-95» сыграла весьма значительную роль, лежит принцип экзистенциального эксперимента, основанный на камерном национальном материале и драматургически помеченный единствами места, времени и действия как своего рода критериями его проведения. Этот принцип в корне противостоит принципу провокативности, по которо-

му строятся кинонарративы Л. фон Триера. Строгость эксперимента предполагает морализм, восходящий к этической философии С. Кьеркегора и исследующий пограничные моменты человеческого существования. Его актуальность тем острее, чем более размытыми становится принципы жизни человека в современной культуре, помеченной этическим релятивизмом.

Кроме того, в статье мы указали по меньшей мере на два ситуативных источника для сюжетов Т. Винтерберга: на рассказ Ш. Андресона «Руки» (в фильме «Охота») и на роман «Избирательное сродство» И.В. Гете (в фильме «Коммуна»), о чем нет упоминания в известных нам публикациях о творчестве датского кинорежиссера.

Список литературы

1. Авакова Ю. После торжества. «Еще по одной» как самая датская из экспортных работ Винтерберга / Ю. Авакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/03/eshche-po-odnoj-kak-samaia-datskaia-iz-mezhdunarodnyh-rabot-vinterberga.html> (дата обращения: 04.03.2021).
2. Андерсон Ш. Избранное / Ш. Андерсон; пер. с англ. – М.: Художественная литература, 1983. – 257 с.
3. Беньямин В. Краткая история фотографии [эссе] / В. Беньямин; пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 144 с.
4. Винтерберг Т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Винтерберг_Томас (дата обращения: 04.03.2021).
5. Гете И.В. Избирательное сродство // И.В. Гете. Собрание сочинений: в 10-и т. Т. 6 / И.В. Гете; пер. с нем. – М.: Художественная литература, 1978. – 480 с.
6. Голубев Э. Томас Винтерберг – о погибшей дочери, любимом коктейле и необходимости жить дальше: интервью / Э. Голубев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cinema/17749-tomas-vinterberg-o-pogibshey-docheri-lyubimom-kokteyle-i-neobhodimosti-zhit-dalshe/> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Dogme95 Films: A Complete List (1995–2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.movementsinfilm.com/blog/dogme95-films-1995-2005> (дата обращения: 09.03.2021).
8. Догма-95 / гл. ред. А. Долин. – СПб.: Подписные издания, Искусство кино, 2019. – 248 с.
9. Егоров Д. Томас Винтерберг – 50: как смотреть фильмы, если их снял датчанин / Д. Егоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cinemaflood.com/thomas-vinterberg-50/> (дата обращения: 08.03.2021).
10. Елагин Д. В фокусе: Томас Винтерберг – режиссер борьбы личности с обществом за счастье / Д. Елагин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vashdosug.ru/msk/cinema/article/2572180/> (дата обращения: 08.03.2021).
11. Кранк Э.О. Национальный кинематограф и национальный менталитет / Э.О. Кранк // Этническая культура. – 2020. – №1 (2). – С. 21–25.
12. Кранк Э. Особая комната: послесловие к фильму Л. фон Триера «Дом, который построил Джек» / Э. Кранк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=y6N-P9WJlUg&t=526s> (дата обращения: 04.03.2021).
13. Кранк Э.О. Принцип окончательности в сюжетном произведении: к постановке проблемы / Э.О. Кранк // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 11 февр. 2021 г.) / редкол.: Н.И. Баскакова [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://phsreda.com/e-articles/10250/Action10250-97865.pdf> (дата обращения 09.03.2021).
14. Курск (фильм) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Курск_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Курск_(фильм)) (дата обращения: 09.03.2021).
15. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; пер. с дат. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
16. Присяжная Ж. Томас Винтерберг – о съемках «Курска», русских подводниках и смерти / Ж. Присяжная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cinema/12297-tomas-vinterberg-o-semkah-kurska-russkih-podvodnikah-i-smerti/> (дата обращения: 04.03.2021).
17. Пронченко З. «Курск» – новый фильм о национальной трагедии, непохожий на «Чернобыль» / З. Пронченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kinoart.ru/reviews/kursk-novyy-film-o-natsionalnoy-tragedii-nepohozhiy-na-chernobyul> (дата обращения: 04.03.2021).
18. Роксборо С. Томас Винтерберг о жизни в коммуне: «Не было никакой «свободной любви» или наркотиков»: интервью / С. Роксборо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thr.ru/cinema/tomas-vinterberg/> (дата обращения: 10.03.2021).
19. Рузаев Д. В Дании – пить: алкотерапия и кризис среднего возраста в новом фильме основателя «Догмы» / Д. Рузаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2020/10/05/anotherground/> (дата обращения: 04.03.2021).

20. Рузаев Д. Пьянство, философия и детство в коммуне: режиссер «Еще по одной» о главном фильме года про алкоголь: интервью с Т. Винтербергом / Д. Рузаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2020/11/14/vinterberg/> (дата обращения: 04.03.2021).
21. Сапрыкин Ю. Это мерзость, но это в крови / Ю. Сапрыкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seance.ru/articles/merzost-v-krovi/> (дата обращения: 06.03.2021).
22. Семеляк М. И немедленно выпил – «Еще по одной» Томаса Винтерберга / М. Семеляк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seance.ru/articles/another-round/> (дата обращения: 04.03.2021).
23. Серебрянский Д. «Еще по одной» – притча Томаса Винтерберга о лишней рюмке / Д. Серебрянский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kinoart.ru/reviews/esche-po-odnoy-pritcha-tomasa-vinterberga-o-lishney-ryumke/> (дата обращения: 04.03.2021).
24. Торсен Н. Ларс фон Триер / Н. Торсен; пер. с дат. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2019. – 703 с. (Серия «Фильмография»).
25. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. / О. Уайльд; пер. с англ. – М.: Республика, 1993.
26. Чувиляев И. Триера долгой: шесть интересных современных режиссеров из Дании (помимо сумрачного гения) / И. Чувиляев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kinoart.ru/cards/triera-doloy-shest-interesnyh-sovremennyh-rezhisserov-iz-danii-pomimo-sumrachnogo-geiya/> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Avakova YU. Posle torzhestva. «Eshche po odnoj» kak samaya datskaya iz eksportnyh rabot Vinterberga. Retrieved from <https://rg.ru/2020/10/03/eshche-po-odnoj-kak-samaia-datskaia-iz-mezhdunarodnyh-rabot-vinterberga.html>.
2. Anderson SH. Izbrannoe. Moskva: Hudozh. lit. 1983. 257 p.
3. Ben'yamin, V. Kratkaya istoriya fotografii [esse]. Moskva: Ad Marginem Press, 2013. 144 p.
4. Vinterberg, Tomas. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Vinterberg,_Tomas.
5. Gete I.V. Izbiratel'noe srodstvo. V 10-ti t. T. 6. Moskva: Hudozh. lit., 1978. 480 p.
6. Golubev E. Tomas Vinterberg – o pogibshej docheri, lyubimom kokteyle i neobhodimosti zhit' dal'she. Retrieved from <https://daily.afisha.ru/cinema/17749-tomas-vinterberg-o-pogibshej-docheri-lyubimom-kokteyle-i-neobhodimosti-zhit-dalshe>
7. Dogme95 Films: A Complete List (1995–2004). Retrieved from <https://www.movementsinfilm.com/blog/dogme95-films-1995-2005>
8. Dogma-95. A. Dolin. Sankt-Peterburg: Podpisnye izdaniya, Iskusstvo kino, 2019. 248 p.
9. Egorov D. Tomas Vinterberg – 50: kak smotret' fil'my, esli ih snyal datchanin. Retrieved from <http://cinemaflood.com/thomas-vinterberg-50/>
10. Elagin D. V fokuse: Tomas Vinterberg – rezhisser bor'by lichnosti s obshchestvom za schast'e. Retrieved from <https://www.vashdosug.ru/msk/cinema/article/2572180/>
11. Krank E.O. Nacional'nyj kinematograf i nacional'nyj mentalitet // Etnicheskaya kul'tura. – 2020. – №1 (2). – P. 21–25.
12. Krank E. Osobaya komnata: posleslovie k fil'mu L. fon Triera «Dom, kotoryj postroil Dzhek». Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=y6N-P9WJIUg&t=526s>
13. Krank E.O. Princip okonchatel'nosti v syuzhetnom proizvedenii: k postanovke problemy // Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: aktual'nye voprosy : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Cheboksary, 11 fevr. 2021 g.) / Redkol.: N.I. Baskakova [i dr.] – Cheboksary: ID «Sreda», 2021. Retrieved from <https://phsreda.com/e-articles/10250/Action10250-97865.pdf>
14. Kursk (fil'm). Retrieved from [https://ru.wikipedia.org/wiki/Kursk_\(fil'm\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Kursk_(fil'm))
15. K'erkegor S. Strah i trepet. Moskva: Respublika, 1993. 383 p.
16. Prisiazhnaia, Zh. Tomas Vinterberg. Retrieved from <https://daily.afisha.ru/cinema/12297-tomas-vinterberg-o-semkah-kurska-russkih-podvodnikah-i-smerti/>
17. Pronchenko Z. «Kursk» – novyj fil'm o nacional'noj tragedii, nepohozhij na «CHernobyl'». Retrieved from <https://kinoart.ru/reviews/kursk-novyj-film-o-natsionalnoj-tragedii-nepohozhiy-na-chernobyl>
18. Roksboro S. Tomas Vinterberg o zhizni v kommune: «Ne bylo nikakoj «svobodnoj lyubvi» ili narkotikov»: Interv'yu. Retrieved from <http://thr.ru/cinema/tomas-vinterberg/>
19. Ruzaev D. V Danii – pit': alkoterapiya i krizis srednego vozrasta v novom fil'me osnovatelya «Dogmy». Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2020/10/05/anotherround/>
20. Ruzaev D. P'yanstvo, filosofiya i detstvo v kommune: rezhisser «Eshche po odnoj» o glavnom fil'me goda pro alkogol'. Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2020/11/14/vinterberg/>
21. Saprykin Yu. Eto merzost', no eto v krovi. Retrieved from <https://seance.ru/articles/merzost-v-krovi/>
22. Semelyak M. I nemedlenno vypil – «Eshche po odnoj» Tomasa Vinterberga. Retrieved from <https://seance.ru/articles/another-round/>
23. Serebrianskii, D. "Eshche po odnoi". Retrieved from <https://kinoart.ru/reviews/esche-po-odnoy-pritcha-tomasa-vinterberga-o-lishney-ryumke/>
24. Torsen N. Lars fon Trier. Moskva: Gruppya Kompanij «RIPOL klassik» / «Pal'mira», 2019. 703 P.
25. Uajl'd O. Izbrannye proizvedeniya. V 2 t. Moskva: Respublika, 1993.
26. CHuvilyaev I. Triera doloj: shest' interesnyh sovremennyh rezhisserov iz Danii (pomimo sumrachnogo geiya). Retrieved from <https://kinoart.ru/cards/triera-doloy-shest-interesnyh-sovremennyh-rezhisserov-iz-danii-pomimo-sumrachnogo-geiya/>

Информация об авторе

Кранк Эдуард Освальдович – канд. филос. наук, доцент
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры
и искусств» Минкультуры Чувашии,
Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Eduard O. Krank – candidate of philosophical sciences,
associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute
of Culture and Arts" of the Ministry of Culture
of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 15.03.2021

Принята к публикации / Accepted 23.03.2021

Опубликована / Published 23.03.2021

Фольклорные традиции белорусов в контексте профессиональной подготовки специалистов в Белорусском государственном университете культуры и искусств

DOI 10.31483/r-97966
УДК 378.6:008(476–25)+378.016:39(=161.3)

Гурченко А.И.

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск, Республика Беларусь.

<https://orcid.org/0000-0001-8136-1091>, e-mail: alesia_gr@mail.ru

Резюме: Цель статьи – анализ специфики подготовки кадров в Белорусском государственном университете культуры и искусств, профессиональная деятельность которых связана с воплощением традиций устного народного творчества в культуре и в одном из ее феноменов – искусстве. Объектом исследования выступил процесс подготовки кадров в Белорусском государственном университете культуры и искусств. Предметом исследования явилось наполнение образовательного процесса учебными дисциплинами фольклорной тематики, направленными на формирование социально-личностных и профессиональных компетенций будущих специалистов по всем специальностям, по которым в университете идет подготовка кадров. Особое внимание уделено специфике обеспечения образовательного процесса такого рода учебными дисциплинами по направлениям специальностей и специализациям, ориентированным на фольклоризм как метод воплощения в искусстве фольклорных традиций белорусов. Применение методов анализа нормативных документов и учебно-программной документации позволило определить перечень специальностей, согласно которым процесс профессиональной подготовки студентов направлен на воплощение аутентичных традиций белорусов в современное искусство. Результат исследования показал, что в последние десятилетия в белорусском фольклоризме отчетливо прослеживается тенденция использования авторами разнообразных методов осмысления фольклорного первоисточника. Сделан вывод о том, что основу образовательного процесса составляют компетенции, в содержание которых входит художественная обработка фольклора, вместе с этим в образовательном процессе не всегда заложен потенциал, нацеленный на формирование необходимых знаний, умений и навыков осмысления фольклора в искусстве.

Ключевые слова: фольклор, фольклоризм, образовательный процесс, подготовка кадров, компетенции специалиста.

Для цитирования: Гурченко А.И. Фольклорные традиции белорусов в контексте профессиональной подготовки специалистов в Белорусском государственном университете культуры и искусств // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 58-61. DOI:10.31483/r-97966.

Folklore Traditions of Belarusians in the Context of Professional Training of Specialists at the Belarusian State University of Culture and Arts

Alesia I. Gurchenko

Belarusian State University of Culture and Arts,
Minsk, Republic of Belarus.

<https://orcid.org/0000-0001-8136-1091>, e-mail: alesia_gr@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to analyze the specifics of training at the Belarusian State University of Culture and Arts, whose professional activities are associated with the embodiment of the traditions of oral folk art in culture and in one of its phenomena – art. In this article the object of research is the process of training at the Belarusian State University of Culture and Arts. The subject of the research was the filling of the educational process with educational disciplines of folklore, aimed at the formation of social, personal and professional competencies of future specialists in all specialties for which the university is training. Particular attention is paid to the specifics of providing the educational process with such educational disciplines in the areas of specialties and specializations, focused on folklore as a method of translating the folklore traditions of Belarusians in art. The use of methods for analyzing regulatory documents and educational and program documentation made it possible to determine a list of specialties, according to which the process of professional training of students is aimed at translating the authentic traditions of Belarusians into contemporary art. The result of the study showed that in recent decades in Belarusian folklore there is a clear tendency to use by the authors of various methods of understanding the folklore source. It is concluded that the basis of the educational process is made up of competencies, the content of which includes the artistic processing of folklore, at the same time, the educational process does not always aimed at the formation of the necessary knowledge, skills and abilities of interpreting folklore in art.

Keywords: folklore, folklorism, educational process, training of specialists, specialist competencies.

For citation: Gurchenko A.I. (2021). Folklore Traditions of Belarusians in the Context of Professional Training of Specialists at the Belarusian State University of Culture and Arts. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 58-61. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97966.

Введение

Сегодня абсолютно очевидно, что фольклорные традиции, которые столетиями аккумулировались в коллективной памяти белорусов, постепенно уходят из своей естественной среды. Причиной тому является урбанизация и разрушение традиционного крестьянского

уклада жизни. Отдельные элементы корневой культуры белорусов еще сохранились в руральной (сельской) среде, тем не менее, со временем постепенное исчезновение носителей традиции, по всей видимости, предопределяет пессимистичный исход ее дальнейшего аутентичного бытования [2, с. 116]. В сложившихся

социокультурных условиях фольклор белорусов, помимо исчезающей натуральной среды, существует в зафиксированных документальных (фото-, аудио-, видеодокументы, музейные экспозиции и фонды, научные исследования) и репродуктивных формах (профессиональное и любительское творчество), благодаря которым сегодня еще потенциально возможно осуществить своего рода ревитализацию аутентичных традиций и не допустить их исчезновения из коллективной памяти. В этой связи, нельзя забывать о потенциале фольклора как «генетического кода» нации, который подпитывает культуру письменной традиции и является действенным средством формирования национального самосознания, что может исключить возможную утрату народом своих этнических корней. В данном контексте принципиально важным является осознание той особой миссии, которая возлагается на автора, создающего произведение искусства с опорой на фольклорные традиции, а также исполнителя, воплощающего авторскую идею. Очевидно, что основываясь на традициях предков, современный автор и исполнитель своим творчеством способны формировать национальное по своей сути искусство. Исходя из этого важно понять, на чем сегодня базируется их работа с этнокультурным наследием? Нацелена ли современная система образования на подготовку специалистов, обладающих достаточным объемом и необходимым качеством знаний о фольклоре, а также умений и навыков его творческого осмысления?

Результаты и обсуждение

Чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, в данной статье была предпринята попытка анализа специфики подготовки кадров в Белорусском государственном университете культуры и искусств, профессиональная деятельность которых связана с воплощением традиций устного народного творчества в культуре и в одном из ее феноменов – искусстве. В 2020 г. со дня основания этого ведущего в Беларуси вуза культуры и искусств исполнилось 45 лет и за этот период более 30000 специалистов получили диплом университета, многие из которых связаны с фольклоризмом как творческим методом. Для достижения поставленной цели было рассмотрено наполнение образовательного процесса учебными дисциплинами фольклорной тематики, которые направлены на формирование комплекса компетенций будущих специалистов по всем специальностям, по которым в вузе осуществляется подготовка кадров, в том числе тем, чья дальнейшая профессиональная деятельность напрямую связана с воплощением в искусстве фольклорных традиций белорусов. В качестве материала для анализа были использованы:

– образовательные стандарты высшего образования ОСВО-2013 по специальностям 1–15 02 01 Декоративно-прикладное искусство (по направлениям), 1–16 01 06 Духовые инструменты (по направлениям), 1–16 01 10 Пение (по направлениям), 1–17 01 05 Режиссура праздников (по направлениям), 1–17 02 01 Хореографическое искусство (по направлениям), 1–17 03 01 Искусство эстрады (по направлениям), 1–18 01 01 Народное творчество (по направлениям), 1–21 04 01 Культурология (по направлениям), 1–21 04 02 Искусствоведение (по направлениям), 1–23 01 11 Библиотечно-информационная деятельность (по направлениям), 1–23 01 12 Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям), 1–23 01 14 Социально-культурная деятельность;

– типовые учебные планы и типовые учебные программы по специальностям, по которым осуществляется подготовка кадров в Белорусском государственном университете культуры и искусств;

– учебно-программная документация образовательной программы высшего образования Белорусского государственного университета культуры и искусств (рабочие варианты учебных планов, программы и учебно-методические комплексы по преподаваемым дисциплинам).

В образовательных программах высшего образования второй ступени по специальностям, по которым в университете осуществляется подготовка кадров, учебные дисциплины фольклорной направленности не выявлены. В разной степени дисциплины данной тематики представлены в образовательных программах первой ступени высшего образования. Анализ учебно-программной документации показал, что в рамках подготовки практически всех направлений специальностей и специализаций в Белорусском государственном университете культуры и искусств в качестве одного из компонентов учреждения высшего образования, входящего в цикл общеобразовательных и общепрофессиональных дисциплин, ведется преподавание учебной дисциплины «Этнография, мифология, фольклор белорусов». Обращает на себя внимание то, что данная учебная дисциплина является модулем, включающим три взаимосвязанных и достаточно обширных по предметному полю блока. Единственным исключением является рабочий вариант учебного плана (регистрационный №Е23-1-87/17 уч.) специальности 1-23 01 12 Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям), согласно которому преподается близкая по тематике дисциплина «Этнология и этнография Беларуси». Данную тенденцию можно определить как положительную, так как проблематика, отраженная в учебной дисциплине «Этнография, мифология, фольклор белорусов», дает основания для формирования комплекса социально-личностных и профессиональных компетенций, необходимых будущему специалисту. Так, в частности, согласно образовательному стандарту высшего образования ОСВО-2013 по специальности 1–18 01 01 Народное творчество (по направлениям) специалист обязан обладать социально-личностной компетенцией (СЛК-7), которая сводится к тому, что он должен быть способным воспринимать и бережно относиться к историческому, культурному наследию Беларуси и мира, культурным традициям и религиозным взглядам. Однако нельзя не отметить, что согласно учебным планам (регистрационные №Е23-1-88/17 уч. и №Е23-1-89/17 уч.) количество часов на изучение дисциплины для специальности 1-23 01 11 Библиотечно-информационная деятельность (по направлениям) составляет 70 аудиторных часов, тогда в учебных планах творческих специальностей, будущая профессиональная деятельность которых с большой вероятностью может быть напрямую связана с фольклоризмом как методом воплощения традиций народного творчества в искусстве, составляет 90 аудиторных часов. Речь идет о специальностях 1–18 01 01 Народное творчество (по направлениям), 1–17 03 01 Искусство эстрады (по направлениям), 1–17 02 01 Хореографическое искусство (по направлениям) и др. Как показывает практика, выпускники, получившие данные специальности зачастую являют руководителями и участниками музыкальных, хореографических и театральных кол-

лективов, репертуар которых включает произведения фольклорной тематики. Основания для этого заложены в образовательных стандартах высшего образования. Так, согласно разделу 5.4 стандарта ОСВО-2013 по специальности 1-18 01 01 Народное творчество (по направлениям) одной из профессиональных задач специалиста является готовность организовывать и управлять профессиональными и любительскими коллективами, ориентированными как на академический репертуар, так и на репертуар фольклорной направленности в учреждениях и организациях сферы культуры и искусства. Очевидно, что именно специалисты указанных выше специальностей осуществляют процесс воплощения аутентичных традиций белорусов в современное искусство, что, безусловно, требует от них значительного объема знаний, умений и навыков.

Более того, нельзя не отметить, что согласно учебно-программной документации по некоторым направлениям специальностей модуль «Этнография, мифология, фольклор белорусов» является едва ли не единственным среди учебных дисциплин, который включает фольклорную проблематику. Так, согласно учебному плану (регистрационный №С18-1-83/17 уч.) направления специальности 1-18 01 01-03 Народное творчество (театральное) помимо указанной, выявлена лишь одна учебная дисциплина по выбору студента «Батлейка» (54 аудиторных часа), включенная в цикл специальных дисциплин компонента учреждения высшего образования, которая знакомит будущих специалистов со спецификой традиционной народной культуры белорусов. Показательным также является пример лекционного курса «Белорусское народно-песенное творчество» (34 аудиторных часа) для специализации 1-18 01 01-01 01 «Хоровая музыка академическая» (учебный план, регистрационный №С18-1-67/17 уч.), будущая профессиональная деятельность которой, как показывает практика, связана, в том числе, и с репертуаром фольклорной направленности.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что в последние десятилетия в белорусском фольклоризме отчетливо прослеживается тенденция использования авторами разнообразных методов осмысления фольклорного первоисточника. Так, что касается музыкального исполнительства, то довольно популярным и востребованным у современной публики является соединение аутентичного фольклорного и авторского материала в современных эстрадных стилях (рок, блюз, джаз, кантри, рок-н-ролл и др.). В белорусской концертно-сценической практике есть немало музыкальных коллективов, успешно работающих в данном направлении. Отметим, что в составы многих из них входят, в том числе, преподаватели и выпускники Белорусского государственного университета культуры и искусств (этнотрио «Троїца», фолк-рок группа «Палац», этно-рок-шоу «Юр'я» и др.). Ансамбли данной направленности весьма популярны у отечественной и зарубежной публики. Так, за 25 лет творческой деятельности этнотрио «Троїца» с успехом гастролировало в Беларуси, Венгрии, Германии, Испании, Латвии, Литве, Малайзии, Молдове, Нидерландах, Российской Федерации, Польше, Словении, Украине, Чили, Эстонии и др. В этой связи абсолютно очевидно, что для исполнителей, обучающихся по специальности 1-17 03 01 Искусство эстрады (по направлениям), фольклоризм, как творческий метод, весьма актуален. Однако в учебных планах данной специальности помимо лекционного модуля «Этнография, мифология,

фольклор белорусов» (учебные планы регистрационные №17-1-65/17 уч., №С11-1-62/17 уч., №С17-1-64/17 уч.), на который отведено 90 аудиторных часов, дисциплин, отражающих специфику фольклорных традиций белорусов не выявлено, что вряд ли позволяет обеспечить формирование достаточного объема необходимых в профессиональной деятельности знаний, умений и навыков использования фольклоризма как метода.

Еще одной проблемой современной подготовки профессиональных кадров в Беларуси является то, что в большей степени она до сих пор ориентирована на художественную обработку как метод осмысления устного народного творчества. Существенная адаптация аутентичного материала к академическим канонам была характерна для фольклоризма Беларуси долгие десятилетия. Так, еще на этапе становления республики в период белорусизации 1920 – середины 1930-х гг. на уровне государственной культурной политики сформировалось отношение к фольклору как к «примитиву» и материалу для творчества, который автором произведения искусства должен был быть подвергнут обязательной художественной обработке. Такой подход не одно десятилетие был характерен для отечественного фольклоризма чему, собственно, и соответствовала вся система подготовки кадров. Ситуация постепенно начала меняться в 1990-е гг., когда интерес к многовековым аутентичным традициям был стимулирован очередной (как минимум пятой в истории белорусского народа) волной национально-культурного возрождения. В исполнительской практике появились коллективы, творческий метод которых стал ориентирован на максимально точное соответствие аутентичному первоисточнику, что со временем повлекло некоторые изменения в подготовке специалистов. Так, на волне белорусизации в соответствии с актуальными тенденциями в искусстве и потребностями практики в Белорусском государственном университете культуры и искусств стали вводиться новые направления специальностей и специализаций. Наряду с музыкальными и хореографическими специализациями фольклорной направленности, по которым в университете подготовка уже велась, начались наборы по направлениям «Народные ремесла», «Духовые инструменты (народные)» и др. Тем не менее, все существующие на тот момент направления соответствовали адаптации традиций устного народного творчества к канонам письменной культуры, которая предполагает существенную художественную обработку аутентичного материала.

Важным этапом в становлении системы подготовки специалистов в области фольклоризма как метода стало то, что в 2003 г. в Белорусском государственном университете культуры и искусств была основана кафедра этнологии и фольклора и впервые была начата подготовка по направлению специальности 1-18 01 01-05 «Народное творчество (фольклор)». Специфика обучения по данному направлению состоит в том, что оно осуществляется исключительно в устной форме. Аутентичные первоисточники «перенимаются» обучающимися от носителей традиции как при непосредственном контакте с ними, так и в процессе изучения аудио- и видеозаписей. Во время первого года обучения студенты участвуют в фольклорно-этнографических экспедициях, материалы которых становятся их личной дидактической базой на протяжении всего срока обучения. Завершается четырехлетняя подготовка презентацией выпускного проекта в виде локального

обрядового или фольклорного действия и защитой дипломной работы аналитического характера [1, с. 11–12]. Примечательно, что в обеспечении образовательного процесса активное участие принимают отечественные и зарубежные ученые-фольклористы (Т. Варфоломеева, Н. Козенко, Г. Кутырева-Чабуля и др.). Так, кандидат искусствоведения, кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры центрально-европейских исследований Бельско-Бяльской технико-гуманитарной академии (Республика Польша) этномузыколог Г. Кутырева-Чабуля в 1980 – 1990-х гг. вела преподавательскую деятельность в Белорусском государственном университете культуры и искусств. Однако даже после переезда на место жительства в Польшу, она до сих пор регулярно проводит открытые лекции для студентов кафедры, посвященные специфике белорусской аутентичной песенной культуры. Вместе с тем, при абсолютно бесспорной уникальности направления специальности 1-18 01 01-05 «Народное творчество (фольклор)», обращает на себя внимание не большое количество выпускаемых специалистов (5–6 человек в год), тогда как приобретенные умения и навыки большинства выпускников

Белорусского государственного университета культуры и искусств ориентированы исключительно на художественную обработку фольклора.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Подавляющее большинство творческих специальностей фольклорной направленности, по которым осуществляется подготовка кадров в Белорусском государственном университете культуры и искусств предполагает компетенции, соответствующие методу художественной обработки фольклора, что обеспечивается соответствующим наполнением учебными дисциплинами, составляющими основу образовательного процесса. Что же касается направлений специальности и специализаций, для которых в профессиональной деятельности использование фольклоризма как метода возможно лишь гипотетически, то в создающем условия для их подготовки образовательном процессе не всегда заложен потенциал, нацеленный на формирование необходимых знаний, умений и навыков осмысления фольклора в искусстве.

Список литературы

1. Варфаламеева Т. Серыя «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» як фальклорны звод, арыентаваны на рэвіталізацыю лакальных сістэм мастацтва вуснай традыцыі / Т.Варфаламеева; рэдкалегія: В.Р. Языковіч (старшыня) [і інш.] // Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання: (памяці антрапалага Зінаіды Мажэйкі): зборнік навуковых прац [удзельнікаў X Міжнароднай навуковай канферэнцыі (29 красавіка – 1 мая 2016 г., Мінск). – Мінск : БДУКМ, 2016. – С. 9–12.
2. Дарашэвіч Э.К. Постфальклор у Беларусі / Э.К. Дарашэвіч // Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 35-годдзю БДУКМ (3 снежня 2010 г.). У 2 т. Т. 1. – Мінск: Выд-ва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, 2011. – С. 115–119.

References

1. Varfalameeva, T., & Iazykovich, V.R. (2016). Seryia "Tradytynaiia mastatskaia kul'tura belarusau" iak fal'klorny zvod, arientavany na revitalizatsyiu lokal'nykh sistem mastatstva vusnai tradytsyi. Autentychny fal'klor: prablemy zakhavannia, vuvuchennia, usprymannia: (pamiatsi antrapolaga Zinaidy Mazheiki): zbornik navukovykh prats [udzel'nikau X Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi (29 krasavika, 1 maia g., Minsk), 1), 9-12. Minsk: BDUKM.
2. Darashevich, E.K. (2011). Postfal'klor u Belarusi. Belarускаia kul'tura va umovakh glabalizatsyi, Minsk: Vyd, 115-119.

Информация об авторе

Гурченко Аlesia Ивановна – доцент, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь.

Information about the author

Alesia I. Gurchenko – associate professor of Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Поступила в редакцию / Received 05.03.2021

Принята к публикации / Accepted 15.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021

Этническое самосознание студентов и его развитие в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования»

DOI 10.31483/r-97945

УДК 159.9

Камаева М.П.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются проблемы формирования этнического самосознания студентов вуза в процессе преподавания дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования». Актуальность исследования обусловлена государственной политикой, возводящей культуру в ранг национальных приоритетов и признающей ее важнейшим фактором гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России. Цель статьи – рассмотрение вопросов содержательно-методического и воспитательного плана в формировании и развитии этнического самосознания студентов высших учебных заведений в процессе преподавания дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования». Анализ нормативно-правовых и законодательных актов в сфере культуры и образования, наблюдение, метод обобщения педагогического опыта позволили выявить эффективные формы и средства этнокультурного воспитания студентов. В статье приводятся данные социологического опроса, проведенного до и после изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» среди студентов направления подготовки «Народная художественная культура» Чувашского государственного института культуры и искусств. На основании данных, полученных по таким критериям, как уровень сформированности этнонигилизма, этнической индифферентности, позитивной этнической идентичности, этноэгоизма, этноизоляция, этнофанатизма были сделаны выводы о положительном результате проведенного исследования и сделаны рекомендации по развитию этнического самосознания студентов в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования».

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, этническая идентичность, этническое самосознание, этническое образование, полиэтническое общество, методика этнокультурного образования.

Для цитирования: Камаева М.П. Этническое самосознание студентов и его развитие в процессе изучения дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования» // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 62-66. DOI:10.31483/r-97945.

Ethnic Self-Consciousness of Students and its Development in the Process of Studying the Discipline «Theory and Methods of Ethnocultural Education»

Marina P. Kamaeva

BEI of HE «Chuvash State Institute of Culture and Arts» of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-2511-5483>, e-mail: marinakamaeva59@mail.ru

Abstract: The article examines the problems of the formation of ethnic self-awareness of university students in the process of teaching the discipline «Theory and methods of ethnocultural education». The relevance of the study is determined by the state policy that elevates culture to the rank of national priorities and recognizes it as the most important factor in the harmonization of public relations, the guarantor of the preservation of a single cultural space and territorial integrity. The purpose of the article is to consider the issues of content-methodological and educational plan in the formation and development of ethnic self-consciousness of students of higher educational institutions in the process of teaching the dissertation "Theory and methodology of ethno-cultural education". The analysis of normative-legal and legislative acts in the field of culture and education, observation, and the method of generalization of pedagogical experience allowed us to identify effective forms and means of ethno-cultural education of students. The data of a sociological survey conducted before and after studying the discipline "Theory and methodology of ethno-cultural education" among students of the training direction "Folk Art Culture" of the Chuvash State Institute of Culture and Arts are presented in the article. Based on the data obtained by such criteria as the level of formation of ethnonigilism, ethnic indifference, positive ethnic identity, ethno-egoism, ethno-isolationism, ethno-fanaticism, conclusions were drawn about the positive result of the study and recommendations were made for the development of ethnic self-knowledge of students in the course of studying the discipline "Theory and Methodology of ethno-cultural education".

Keywords: ethno-cultural competence, ethnic identity, ethnic self-consciousness, ethnic education, multi-ethnic society, methods of ethno-cultural education.

For citation: Kamaeva M.P. (2021). Ethnic Self-Consciousness of Students and its Development in the Process of Studying the Discipline «Theory and Methods of Ethnocultural Education». *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 62-66. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97945.

Введение

Национальная доктрина образования в Российской Федерации, принятая на период до 2025 г., ставит своими основными задачами сохранить этническую самобытность, развивать гуманистические культурные традиции народов, проживающих в многонациональной России [12]. Большое внимание в документе уделяется

формированию целостного миропонимания детей и молодежи в сфере межэтнических отношений.

Современное мировое сообщество интенсивно меняется в экономическом, политическом в информационном отношении. Процессы глобализации и унификации носят двойной характер: с одной стороны они нивелируют национальные особенности и этническую

уникальность народов, а с другой – обостряют стремление людей сохранить культурное наследие и традиции своих предков. Этнические проблемы широко обсуждаются в российском обществе, поэтому ученые часто обращаются к изучению национальных и этнокультурных отношений.

Цель исследования – рассмотрение вопросов содержательно-методического и воспитательного плана в формировании и развитии этнического самосознания студентов высших учебных заведений в процессе преподавания дисциплины «Теория и методика этнокультурного образования».

Методы

Непосредственной базой исследования послужили наблюдения над обучающимися в Чувашском государственном институте культуры и искусств в 2015–2020 гг. В работе использованы следующие методы: анализ нормативно-правовых и законодательных актов в сфере культуры и образования; социологический опрос, наблюдение, тестирование. Последний метод представляет собой череду утверждений, в отношении которых реципиент должен выразить свое отношение. В целях обобщения педагогического опыта по формированию этнической культуры студентов в процессе учебно-воспитательной работы вуза, проанализированы результаты образовательной деятельности студентов.

Результаты исследования

Ученые высказывают различные мнения о содержании терминов «этническое самосознание», «национальное сознание» и «этническая идентичность». Многие рассматривают эти понятия как синонимы (Э.Г. Александренков [1], Б.Е. Винер [9], С.Е. Рыбаков [15] и др.). Г.У. Солдатова считает, что этническая идентичность уже чем этническое самосознание, а с другой стороны, намного шире, так как включает в себе слой бессознательного человеческого начала [16].

Ю.В. Арутюнян рассматривает четыре источника, направленные на развитие этнического самосознания человека: 1) родовой источник (общее происхождение и историческая судьба этноса); 2) психологический источник (духовные ценности, накопленные народом); 3) этнокультурный источник (приобщение людей к национальной культуре); 4) социальный источник, определяющий социальную позицию и социальные интересы этноса [4].

Ю.В. Бромлей полагает, что этническое самосознание – это представление человека о своем этносе, его свойствах. Между тем этническое сознание содержит в себе весь комплекс этнически окрашенных компонентов [8].

Мы исходим из того, что этническое сознание – это система этических, эстетических представлений, образов и идеалов определенной этнической группы, которая является проекцией материальной и духовной культуры народа. Этническое самосознание является результатом осмысления человеком своей принадлежности к определенной этнической общности. Мы согласны с рядом авторов [6; 3], утверждающих, что этническое самосознание подразумевает изучение взглядов на свою нацию, ее характер, роль в обществе, представлений о национальном характере, выявление национальных идеалов и осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения. Оно способствует процессу самоопределения личности в социальном простран-

стве относительно других этносов. Очень важен факт оценивания своей принадлежности к этносу, который помогает человеку адаптироваться к окружающему миру, ориентироваться в нем, определяет жизненные ценности, способствует самопознанию.

В настоящее время имеется несколько концепций, которые учитывают национальный фактор в процессе развития личности.

Аксиологический подход (А.В. Кирьякова [11], Л.П. Разбегаева [14]) делает основной упор на формирование ценностей, которые характеризуют отдельно взятого человека – представителя определенной социальной, этнической, религиозной группы.

Культурологический подход (В.С. Библер [5], Е.В. Бондаревская [7]) уделяет внимание диалогу культуры и формированию культуросообразной среды, которая создает благоприятные условия для человека, осознающего себя носителем определенной национальной культуры и готовым к широкому взаимодействию с представителями других культурных сообществ.

Концепция поликультурного образования (Г.Д. Дмитриев [10] и др.) отдает предпочтение толерантности. Данная теория рассматривает такие проблемы, как организация работы в коллективах, где имеются представители различных этносов и целесообразность решения национальных конфликтов в случае их возникновения.

Дисциплина «Теория и методика этнокультурного образования» входит в учебный план направления подготовки «Народная художественная культура», реализуемый в Чувашском государственном институте культуры и искусств. Исходно преподавание данного предмета сопряжено со значительными трудностями, в частности, отсутствием типового учебно-методического обеспечения и доступных педагогических разработок в целом.

Студенты ранее уже изучали такие учебные дисциплины, как «Организация и руководство народным художественным творчеством», «Этнопедагогика», «Педагогика народного художественного творчества». Значит, не имеет смысла дублировать тот материал, а необходимо привести в систему полученные знания для их реализации на новом этапе обучения. В итоге дисциплина начинает осознаваться в качестве итоговой, суммирующей разрозненные знания по ранее пройденным аналогичным предметам. Таким образом определяется основная цель изучения новой дисциплины – подготовка студентов к профессиональной деятельности в сфере современного этнокультурного образования. Важнейшей следует признать задачу, направленную на развитие этнического самосознания современных специалистов сферы народно-художественного творчества.

Исследованием, базирующемся на методике Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой [13], на начальном этапе изучения дисциплины охватываются все студенты направления подготовки «Народное художественное творчество». К настоящему времени в нем приняли участие 45 человек, средний возраст информантов – 19 лет. Вместе с тем была проведена диагностика общего уровня толерантности информантов, где был применен экспресс-опросник «Индекс толерантности» (по Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой [13]).

Дисциплина «Теория и методика этнокультурного образования» делится на теоретическую и практическую части.

Теоретический блок призван сформировать у студентов представление о сущности современного этно-

культурного образования в России, о его истоках и связи с педагогической наукой. Здесь важно познакомить студентов с совместностью этнокультурного образования на различных уровнях.

Важным этапом реализации дисциплины становится педагогическая практика в учреждениях культуры, как правило, в кружках, студиях, танцевальных коллективах, любительских театрах.

На завершающем этапе изучения предмета обучающиеся защищают учебно-методические проекты в области этнокультурного образования. В итоге материал, подкрепленный собственным педагогическим опытом, превращается в конкретные методические разработки и творческие педагогические исследования.

Воспитание этнического самосознания не ограничивается рамками учебных занятий. В целом в учебно-воспитательной среде важно реализовать традиции учебного заведения и учитывать особенности его профильной направленности.

Другой сферой реализации этноориентированных программ в условиях вуза следует назвать научно-исследовательскую деятельность обучающихся. Ее необходимо признать особо результативной при участии студентов в работе научных конференций. Наблюдения за выступлениями обучающихся показывают, что ими в качестве фактора, обеспечивающего развитие этнического самосознания, признается деятельность, целью которой является воспитание творческой личности, вовлечение студентов в общественно-полезный труд, приобщение к будущей профессии, знакомство с ее спецификой; участие в общественной работе, которое способствует социализации личности, формированию этнической культуры, а также культурно-эстетическая деятельность, приобщение к духовным и нравственным ценностям, помогающие увидеть и ощутить прекрасное во всех его проявлениях.

Контрольный этап исследования, проводимый в конце изучения курса, предполагает использование того же диагностического инструмента, который был применен на констатирующем этапе.

Опросник состоит из шести шкал, соответствующих различным типам этнической идентичности: 1) этнонигилизма, связанного с отходом от собственной этнической группы; 2) этнической индифферентности, выражающейся в неактуальности этничности; 3) позитивной этнической идентичности, сочетающей позитивное отношение к собственному народу с позитивным отношением к другим народам; 4) этноэгоизма, предполагающего, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп; 5) этноизоляционизма, сводящейся к убежденности в превосходстве своей нации; 6) этнофанатизма, оправдывающего любые жертвы во имя благополучия своего народа.

Если исходно индивидуально обусловленная этническая идентичность студентов составляла 37 процентов, то на заключительном этапе этот показатель уже составил 62 процента, этническая индифферентность снизилась с 12 до 8 процентов, показатель этноэгоизма также сократился с 10 до 7 процентов. Данные результаты, представляется, свидетельствуют об эффективности применяемых форм и методов как в процессе изучения дисциплины, так и во внеучебной деятельности.

Список литературы

1. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» / Э.Г. Александренков // Этнографическое обозрение. – 1996. – №3. – С. 13–22.
2. Арестова В.Ю. Современное состояние межнациональных отношений в Чувашской Республике / В.Ю. Арестова, Л.В. Кузнецова, Г.Н. Петров; под ред. Н.И. Баскаковой; БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии // Этническая

Следующий вопрос нашего исследования – изучение толерантности. Методика ее установления базируется на оценке утверждений, показывающих отношение опрашиваемых к особым социальным группам, например, к психически больным, меньшинствам и т. д., и коммуникативных качествах (готовность к компромиссу, уважение к оппонентам).

Особое внимание в исследовании было уделено выявлению этнической толерантности (отношения к людям другой этнической группы, расы и к собственному этносу). Опросник содержит три субшкалы, направленные на диагностику толерантности, а также таких ее аспектов, как этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности. Результаты измерений показали высокий уровень толерантности, присущий 94 процентам опрошенных. Примечательно, что результаты исследования межнациональных отношений в Чувашской Республике, проведенного в 2014 г. среди старших школьников, студентов и рабочей молодежи, в число которых вошли молодые люди от 18 до 30 лет, сопоставимы с нашими. Так, авторы исследования В.Ю. Арестова, Л.В. Кузнецова, Г.Н. Петров делают вывод о бесконфликтном, терпимом, дружелюбном характере чувашского народа (в их исследовании участвовало 61% чувашей от общего числа респондентов) [2].

Однако в то же время вызывает опасение ряд ответов на вопрос о восприятии людей других этносов в своем близком окружении. Так, например, высказывание «Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей» получило следующую оценку респондентов: 7 из 45 (т. е. 15%) отметили, что скорее не согласны с таким утверждением. Приведенный факт говорит о предвзятом отношении отдельных студентов к представителям иных национальных культур. Эта ситуация, на наш взгляд, является и педагогической проблемой тоже, и над ней необходимо работать всему педагогическому коллективу.

Выводы

Формирование и развитие этнического самосознания – сложный и трудоемкий процесс, он требует комплексного подхода, системности и целостности. Необходима активная, целенаправленная воспитательная работа всех структурных звеньев учебного заведения. Развитие этнического самосознания студентов вуза – важный и необходимый процесс, направленный на развитие личностных качеств, которые позволяют свободно жить и творить в этнокультурной среде. Современные тенденции в образовании и социально-культурной сфере и дальше будут проявляться в стремлении этноса сохранить исторически сложившиеся этнокультурные традиции и перенести их в будущее без утраты этнической идентичности. Вместе с тем, в процессе отождествления индивидом себя с этнической общностью, развития этнического самосознания, важно сформировать у студентов понимание культурных особенностей других народов, осознание важности культурного многообразия для исторического развития человечества, навыки бесконфликтного поведения и сделать это их нравственными принципами.

культура в современном мире : материалы IV всероссийской очно-заочной научно-практической конференции. – Чебоксары: Плакат, 2017. – С. 41–46.

3. Арзамасцева Н.Г. Развитие этнического самосознания личности студента в процессе обучения в вузе / Н.Г. Арзамасцева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8741>

4. Арутюнян Ю.В. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижина // Социологические исследования. – 2014. – №7. – С. 102–112.

5. Библер В.С. Тексты / В.С. Библер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/Vocabularies/6/52>

6. Бирюкова Н.А. Особенности реализации функций классического университета в современных условиях / Н.А. Бирюкова // Вестник Чувашского государственного университета им. И. Я. Яковлева. – 2010. – №3 (67). – Т.2. – С. 33–39.

7. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированный подход как технология модернизации образования / Е.В. Бондаревская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/kniznaapolkavmk/bondarevskaa-e-v-licnostno-orientirovannyj-podhod-kak-tehnologia-modernizacii-obrazovania>

8. Бромлей Ю.В. Этнические процессы в современном мире / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 446 с.

9. Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий / Б.Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – №2. – С. 143–163.

10. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование / Г.Д. Дмитриев. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pedlib.ru/Books/6/0483/index.shtml>

11. Кирьякова А.В. Аксиологическая концепция ориентации личности в мире образования / А.В. Кирьякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-kontseptsiya-orientatsii-lichnosti-v-mire-obrazovaniya>

12. Национальная доктрина образования в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 №751 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>

13. Психодиагностика толерантности личности / под. ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – 172 с.

14. Разбегаева Л.П. Теория и практика гуманитарного образования: ценностно-коммуникативный подход / Л.П. Разбегаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/teoriya-i-praktika-gumanitarnogo-obrazovaniya.html>

15. Рыбаков С.Е. Этничность и этнос / С.Е. Рыбаков // Этнографическое обозрение. – 2003. – №3. – С. 3–25.

16. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

References

1. Aleksandrenkov, E.G. (1996). "Etnicheskoe samosoznanie" ili "etnicheskaia identichnost". Etnograficheskoe obozrenie, 3, 13-22.

2. Arestova, V.Iu., & Kuznetsova, L.V. (2017). Sovremennoe sostoianie mezhnatsional'nykh otnoshenii v Chuvashskoi Respublike. Etnicheskaja kultura v sovremennom mire, 41-46. Petrov;; Baskakovoi;; Cheboksary: Plakat.

3. Arzamastseva, N.G. (2013). Razvitie etnicheskogo samosoznaniia lichnosti studenta v protsesse obucheniia v vuze. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia, 2. Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8741>

4. Arutiunian, Iu.V., & Drobizheva, L.M. (2014). Proidennye puti i nekotorye problemy sovremennoi rossiiskoi etnosotsiologii. Sotsiologicheskie issledovaniia, 7, 102-112.

5. Bibler, V.S. Teksty. Retrieved from <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/Vocabularies/6/52>

6. Biriukova, N.A. (2010). Osobennosti realizatsii funktsii klassicheskogo universiteta v sovremennykh usloviakh. Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Ia. Iakovleva, 3 (67), 2, 33-39.

7. Bondarevskaia, E.V. Lichnostno-orientirovannyi podkhod kak tekhnologiiia modernizatsii obrazovaniia. Retrieved from <https://sites.google.com/site/kniznaapolkavmk/bondarevskaa-e-v-licnostno-orientirovannyj-podhod-kak-tehnologia-modernizacii-obrazovania>

8. Bromlei, Iu.V. (1987). Etnicheskie protsessy v sovremennom mire., 446. M.: Nauka.

9. Viner, B.E. (2005). Formy etnichnosti, byvaet li u etnosa sushchnost' i chto storonniki akademika Bromleia mogut vziat' u novykh teorii. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, T. 8, 2, 143-163.

10. Dmitriev, G.D. (1999). Mnogokul'turnoe obrazovanie., 208. M.: Narodnoe obrazovanie. Retrieved from <http://pedlib.ru/Books/6/0483/index.shtml>

11. Kir'iakova, A.V. Aksiologicheskaja kontseptsiia orientatsii lichnosti v mire obrazovaniia. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-kontseptsiya-orientatsii-lichnosti-v-mire-obrazovaniya>

12. Natsional'naia doktrina obrazovaniia v Rossiiskoi Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2000 751. Retrieved from <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>

13. Soldatovoi, G.U., & Shaigerovoi, L.A. (2008). Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti., 172. M.: Smysl.

14. Razbegeava, L.P. Teoriia i praktika gumanitarnogo obrazovaniia: tsennostno-kommunikativnyi podkhod. Retrieved from <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/teoriya-i-praktika-gumanitarnogo-obrazovaniya.html>

15. Rybakov, S.E. (2003). Etnichnost' i etnos. Etnograficheskoe obozrenie, 3, 3-25.

16. Soldatova, G.U. (1998). Psikhologiiia mezhetnicheskoi napriazhennosti., 389. M.: Smysl.

Информация об авторе

Камаева Марина Петровна – канд. пед. наук, доцент,
БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры
и искусств» Минкультуры Чувашии,
Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Marina P. Kamaeva – candidate of pedagogical sciences,
associate professor of BEI of HE «Chuvash State Institute
of Culture and Arts» of the Ministry of Culture
of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Поступила в редакцию / Received 02.03.2021

Принята к публикации / Accepted 11.03.2021

Опубликована / Published 16.03.2021